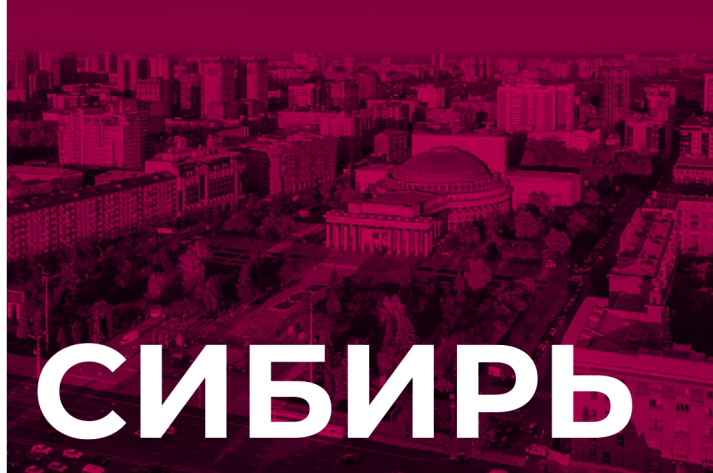

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС **НОВОСИБИРСК**

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2023 №2 (2)

ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2023

№ 2 (2)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

undefined [undefined:kuleshova-vd@ranepa.ru]

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Scientific editor *Oksana A. Beregovaya*, Doctor of Philosophy, Associate Professor
Executive Secretary *V.D. Kuleshova*
Editors: *T.V. Borodina*, *N.A. Zolotenina*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *III № ΦC77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 22.06.2023. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 17,50. Publisher's signature 18,68. Edition of 500 copies. Order 9.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Siberian Institute of Management — branch of RANEPa”

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2023

№ 2 (2)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Научный редактор *Оксана Александровна Береговая*, доктор философских наук, доцент
Ответственный секретарь *В. Д. Кулешова*
Редакторы: *Т. В. Бородина, Н. А. Золотенина*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 22.06.2023. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 17,50. Уч.-изд. л. 18,68. Тираж 500 экз. Заказ 9.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© ФГБОУ ВО «Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС»

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	8
THE FORMATION OF SOVIET POWER AND STATEHOOD	9
Petrenko M.S.	
Soviet transnationalism in the Russian socialist project	10
Amanzholova D.A.	
Soviet statehood: the experience of ethno-national policy	23
German A.A.	
Seizure of power by the Bolsheviks in Saratov at the end of 1917: a modern vision	30
Gnido S.V.	
Combat operations of the 23rd Infantry Division of the 9th Army of the South-Eastern Front of the Red Army in the area of the Khoper River in early November 1919	37
Rogachev I.V.	
Svalbard on the issue of recognition of the USSR by Norway	46
<u>Rogachevskaya M.A.</u>	
F.E. Dzerzhinsky — Chairman of the Supreme Council of the National Economy	51
REPRESSIVE POLICY IN THE USSR	68
Ustinova S.D.	
German specialists at Kuznetsstroy in the 1930s	68
Kirillov V.M.	
Overexploitation special contingent labor camp “Bakalmetallurgstroy — Chelyabmetallurgstroy” (1942—1946)	72
Cherkazyanova I.V.	
The revival of German national education in the USSR in the 1950s: plans and reality	89
RESISTANCE MOVEMENT IN THE USSR AND IN EUROPEAN COUNTRIES	103
Ivanov V.A.	
Pages of the history of the activities of the Seitler (Nizhnegorsk) underground patriotic organization under the leadership of I.S. Dyachenko	104
Khavkin B.L.	
“Handwritten testimony” of Major Kuhn as a source on the history of the German anti-Hitler Resistance	113
Pluzhnikov D.A.	
The image of General Draži Mikhailovich in the Soviet press during the Great Patriotic War	127
Doroshenko T.I.	
Members of the Italian Resistance: unknown heroes	134
Rossi M.	
Soviet partisans in Italy	140
Sorokina M.Yu.	
Russian émigrés as heroes of the European Resistance: the construction of an image in the artistic practices of the USSR in the post-Stalin period	151
SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE USSR AT THE TURN OF THE 1980—1990S	160
Gurunyan T.V.	
Institutional Foundations of Shadow Entrepreneurship in the USSR: Lessons from the Past	161
Bezgina O.A.	
Formation of new forms of Russian power at the turn of the 1980—1990s (on the example of the city of Tolyatti)	169
THE PRACTICE OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY	178
Skop E.A.	
Preservation of the historical memory of the repressed Soviet Germans deported to the Novosibirsk region during the Great Patriotic War	178
PERSONALITIES	183
Markdorf N.M.	
Vladimir Pavlovich Motrevich	183
AUTHOR AFFILIATIONS	191
INFORMATION FOR AUTHORS	193

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	9
Петренко М. С. Советский транснационализм в российском социалистическом проекте	9
Аманжолова Д. А. Советская государственность: опыт этнонациональной политики.....	22
Герман А. А. Захват большевиками власти в Саратове в конце 1917 г.: современное видение.....	30
Гнидо С. В. Боевые действия 23-й стрелковой дивизии 9-й армии Юго-Восточного фронта Красной Армии в районе реки Хопер в начале ноября 1919 г.	37
Рогачев И. В. Шпицберген в вопросе признания СССР Норвегией.....	46
<u>Рогачевская М. А.</u> Ф. Э. Дзержинский — председатель Высшего совета народного хозяйства	51
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В СССР	68
Устинова С. Д. Немецкие специалисты на Кузнецстрое в 1930-х гг.	68
Кириллов В. М. Сверхэксплуатация спецконтингента исправительно-трудового лагеря «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» (1942—1946).....	72
Черказянова И. В. Возрождение немецкого национального образования в СССР в 1950-х гг.: планы и реальность.....	88
ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СССР И В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ.....	103
Иванов В. А. Страницы истории деятельности сейтлерской (нижнегорской) подпольно-патриотической организации под руководством И. С. Дьяченко.....	103
Хавкин Б. Л. «Собственноручные показания» майора Куна как источник по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления	112
Плужников Д. А. Образ генерала Дражи Михайловича в советской печати в годы Великой Отечественной войны.....	127
Дорошенко Т. И. Участники итальянского Сопротивления: неизвестные герои	134
Росси М. Советские партизаны в Италии	140
Сорокина М. Ю. Русские эмигранты — герои европейского Сопротивления: конструирование образа в художественных практиках СССР постсталинского периода.....	150
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР НА РУБЕЖЕ 1980—1990-Х ГГ.	160
Гурунян Т. В. Институциональные основы теневого предпринимательства в СССР: уроки прошлого	160
Безгина О. А. Становление новых форм российской власти на рубеже 1980—1990-х гг. (на примере города Тольятти).....	169
ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	178
Скоп Е. А. Сохранение исторической памяти о репрессированных советских немцах, депортированных в Новосибирскую область в годы Великой Отечественной войны.....	178
ПЕРСОНАЛИИ.....	183
Маркдорф Н. М. Владимир Павлович Мотревич	183
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	189
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	193

От редакции

Одна из важнейших целей современного российского общества — духовное возрождение, предполагающее сохранение и эффективное использование исторического наследия.

Второй номер нашего журнала посвящен 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 г.) — эпохальному событию в истории XX в. Создание СССР стало событием всемирно-исторического значения и масштаба. Объединение народов бывшей Российской империи в единое государство на принципах равенства всех наций и народностей и признания права на самоопределение стало ключевым цивилизационным фактором последующего политического, военно-стратегического, экономического и культурного развития на пространстве, занимающем на планете одну шестую часть суши. Результатом такого развития стало превращение Советской России в сильную военно-индустриальную державу, которая обеспечивала ядерный стратегический паритет и служила гарантией мира и международной безопасности.

Внутренняя и внешняя политика СССР, опыт его социалистического строительства, командно-административная экономика и процессы индустриализации, решение экономических, правовых проблем и национального вопроса, повседневная жизнь советских людей и общественные настроения вызывали и вызывают самые различные, зачастую противоположные оценки. С одной стороны, в рамках советского строя провозглашалось принципиальное равенство всех народов, был аккумулирован существенный потенциал, позволивший победить фашизм в ходе Второй мировой войны, поддержать деколонизацию. Советское образование за счет форсированной ликвидации безграмотности и последующего развития науки формировало и воплощало в жизнь новые подходы в педагогике, культуре и философии. С другой стороны, политика «большого террора» в период сталинизма, масштабные массовые политические репрессии и борьба с идеологическим инакомыслием, правовые ограничения в отношении как представителей различных категорий граждан, так и целых народов — это негативный опыт, оказавший разрушительное воздействие на несколько поколений советских людей и, безусловно, требующий анализа и осмысления.

Основная идея номера — привлечь внимание исследователей к этой непростой, но яркой странице нашей истории. Статьи, публикуемые во втором номере журнала, обращают внимание читателя на такие проблемы, как становление советской власти, события Гражданской войны, признание СССР, репрессивная политика государства; военная история СССР и организация сопротивления врагу, эволюция советской политической системы, различные подходы к ее организации; история повседневной жизни различных слоев населения страны; личность в истории, персоналии; исторический опыт советских реформ; советская педагогика, советские модели воспитания и образования.

Ключевые вопросы советской и постсоветской истории, педагогики, философии и права с широким привлечением аналогий (географического и хронологического порядка), планируется рассмотреть в третьем и четвертом номерах журнала в 2023 г.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

THE FORMATION OF SOVIET POWER AND STATEHOOD

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 09—21.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):09—21.

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК 94(47).084
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-09-21

Советский транснационализм в российском социалистическом проекте

Максим Степанович Петренко

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация, petmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3690-7697>

Аннотация. Социалистическое общество в СССР изначально строилось на идеологической убежденности его архитекторов в возможности и необходимости создания Всемирной советской республики. Статья посвящена анализу концептуальных принципов социалистического глобального проекта, а также проблеме соотношения понятий интернационального и транснационального, их воплощения в коммунистических идеях большевиков. Решается задача переосмыслить социалистическое общество, рассмотреть его как транснациональное, а не интернациональное. Оправданность употребления понятия «транснационализм» обосновывается органической связью проектируемого социалистического общества с капиталистическим миром транснациональных корпораций и общей глобальной ориентированностью коммунизма. Показано, что коммунистический интернационал строился на транснациональных принципах, а признание национального равноправия народов у большевиков выступало только средством достижения целей построения мира без национальных границ. Рассмотрена проблема ограничения транснационального социалистического проекта рамками национального государства. Противоречия между национальными интересами, стоявшими перед СССР на международной арене, и интересами международного рабочего и коммунистического движения, отстаиваемыми одним и тем же государством, неизбежно должны были привести к крушению транснационального проекта. Особое внимание уделяется проблеме советского народа и советской идентичности. Утверждается, что советский народ сумел сформировать определенные наднациональные черты, частично воплотив транснациональные принципы в жизнь. Однако решающую роль в этом сыграл русский народ с его готовностью к самоотречению. И хотя транснациональность советского народа перемолола и поглотила русское национальное начало, строился он и развивался преимущественно на русской основе.

Ключевые слова: глобализация, транснационализм, интернационализм, коммунизм, большевики, социалистическая революция, советский народ, СССР

Для цитирования: Петренко М. С. Советский транснационализм в российском социалистическом проекте // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 09—21. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-09-21.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

Soviet transnationalism in the Russian socialist project

Maxim S. Petrenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, petmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3690-7697>

Abstract. The socialist society in the USSR was initially built on the ideological conviction of its architects in the possibility and necessity of creating a World Soviet Republic. The article is devoted to the analysis of the conceptual principles of the socialist global project, as well as the problem of the relationship between the concepts of their international and transnational embodiment in the communist ideas of the Bolsheviks. The task is to rethink socialist society, to see it as transnational rather than international. The justification for using the concept of “transnationalism” is substantiated by the organic connection of the projected socialist society with the capitalist world of transnational corporations and the general global orientation of communism. It is shown that the Communist International was built on transnational principles and that the Bolsheviks' recognition of the national equality of peoples was only a way to achieve the goal of a world without national borders. The problem of limiting the transnational socialist project to the framework of the national state is considered. The contradictions between the national interests facing the USSR in the international arena and those of the international workers' and communist movement, defended by the same state, were bound to lead to the collapse of the transnational project. Particular attention is paid to the problem of the Soviet people and Soviet identity. It is argued that the Soviet people managed to form certain supranational features, partially bringing transnational principles to life. However, it was the Russian people, with their readiness for self-denial, who played the decisive role. Although the transnationality of the Soviet people had ground and swallowed up the Russian national identity, it was built and developed primarily on a Russian basis.

Keywords: globalization, transnationalism, internationalism, communism, Bolsheviks, socialist revolution, Soviet people, USSR

For citation: Petrenko M.S. Soviet transnationalism in the Russian socialist project. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):09—21. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-09-21.

Введение

Октябрьская революция всегда противопоставлялась февральско-мартовским событиям 1917 г. Если Февральскую революцию считали национальной, ставя ее в один ряд с Великой французской революцией, то в перевороте, совершенном большевиками в октябре 1917 г., традиционно усматривался интернациональный смысл. И хотя в наше время термин «интернационализм» почти вышел из употребления при описании явлений и процессов схожего типа, уступив место понятиям «транснационализм» и «глобализация» [1, р. 580], употребление новых понятий в применении к революционным событиям 1917 г. остается невостребованным на территории России. Это ставит перед исследователями задачу выработки теоретически точной терминологии в описании явлений и процессов, сопровождавших попытку реализации социалистического проекта, воплотившего в себе коммунистические идеи и принципы.

Глобализация и транснационализм: обусловленность понятий

Проблема соотношения национального, интернационального и транснационального оказалась зажата рамками шаблонных суждений, которые менялись с течением времени, но всегда оставались опосредованы понятиями и явлениями, не имеющими прямого отношения к определяемым категориям. В советском обществе национализм и интернационализм рассматривались сквозь призму классового подхода. Нация считалась порождением капиталистических отношений, и поэтому национализм сопровождался дополнительной конкретизацией — буржуазный национализм. Ему противопоставлялся пролетарский интернационализм. Поскольку рабочим разных стран нечего делить между собой, постольку национальные границы для них носят условный характер, социалистического национализма не могло быть по определению.

После крушения социализма в СССР схематизм в восприятии такого рода категорий сохранился, хотя и принял новую форму, обусловленную триумфом либерализма. Национализм стал неразрывно связываться с авторитарными режимами и противопоставляться глобализированному гражданскому обществу с его правами и либеральной демократией. Вместо интернационализма, который ассоциировался с отвергнутым прошлым и связывался с политическими интересами СССР, все чаще стали говорить о транснационализме. Транснациональные корпорации и банки составили экономическую основу глобального мирового порядка. В мире стала складываться «система прямого взаимодействия и координации крупнейших финансовых капиталов» [2, с. 247]. Международные объединения элитных групп, выступившие как глобальный управляющий класс, стали выражать уже не столько национальные интересы, сколько интересы транснациональных банков, корпораций, международного капитала. Критики данного процесса называли это на старый манер финансовым интернационалом [2, с. 243—257]. Однако, не имея собственной политической субъектности, глобальный бизнес вынужден был использовать наиболее развитые государства, создавшие крупнейшие монополии, в первую очередь США, для реализации своих интересов.

Государства-нации как субъекты международных отношений стали терять свои прежние позиции. Ульрих Бек писал: «Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства» [3, с. 19]. Заговорили даже о том, что ведущими акторами мировой политики становятся не столько государства, сколько новые негосударственные участники [4]. Таким образом, либеральный дискурс заранее предопределил рассмотрение проблемы транснационализма в контексте глобального рынка, а сама глобализация стала восприниматься исключительно западным проектом.

Однако наряду с промышленно развитыми капиталистическими странами, которые зачастую рассматривают как единственных агентов глобализации, существовали и другие силы. Социалистические страны, Движение неприсоединения, третий мир усердно работали над созданием глобальной экономики в качестве активного сопротивления США и другим империалистическим державам, которые стремились сохранить статус-кво колониальной системы [5]. О существовании альтернативного капиталистическому проекту глобализации, активно продвигавшегося Советской Россией и СССР, пишет Йохан Арнасон [6]. В России идею двух проектов глобализации, капиталистического и социалистического, последовательно отстаивает Л. Г. Ионин [7, с. 130]. Можно ли в таком случае говорить о социалистическом транснационализме? И есть ли связь социалистической модели организации экономического и социального пространства с привычной транснациональной капиталистической корпорацией?

Интернационализм и транснационализм в политической философии коммунизма

Международная политика большевиков традиционно связывается с таким понятием, как «интернационализм». Термин «транснационализм» в общественном сознании ассоциируется исключительно с капитализмом и его монополиями, с либерализмом, демократией, глобализацией, стирающей национальные границы. Международная организация, созданная в 1919 г. В. И. Лениным и объединявшая коммунистические партии, называлась Интернационалом. Однако исходная затуманенность данных терминов идеологическими стереотипами мешает взглянуть на это явление непредвзято, с точки зрения изначального теоретического контекста.

Под интернационализмом понимается международная солидарность людей разных рас, национальностей, основанная на взаимопонимании, доверии, уважении народных культур и духовных ценностей. Интернационализм предполагает сохранение и учет национальных интересов, уважительное отношение к национальным обычаям, верованиям и традициям. Другими словами, для интернационалиста национальность имеет значение.

Транснационализм — вненациональное, или наднациональное, явление, основанное на видении мира, в котором нет места нациям. Транснационализм вводит иные критерии и границы размежеваний между большими общественными группами, пронизывает насквозь национальные сообщества, связывая их между собой общечеловеческими ценностями.

Чтобы понять место интернационализма в политической философии коммунистов и понять степень их транснациональности, следует обратиться к основным теоретическим постулатам социалистической доктрины.

Еще Карл Маркс писал, что рабочие не имеют отечества. Национальность рабочих носит временный характер и сохраняется до тех пор, пока пролетариат борется за политическое господство внутри отдельной страны. С развитием капиталистических отношений, свободной международной торговли и складыванием всемирного рынка с его единообразием промышленного производства национальная обособленность и противоположности народов все более исчезают, а господство пролетариата еще более ускоряет исчезновение наций [8, с. 444]. Из этого вытекает, что Интернационал явление временное, оправданное только на период объединенной борьбы рабочего класса за политическое господство.

В вопросе формирования единого глобального человечества и стирания национальных границ марксизм не противостоит либеральной парадигме социального развития. Наоборот, он подхватывает идею грядущей глобализации и неизбежности трансформации буржуазного национализма в транснационализм. За этим, по мнению марксистов, стоит объективный процесс перехода от свободной конкуренции и торговли к монополиям, которые сначала ведут между собой войны, но затем, по мере укрепления международных экономических связей и формирования транснациональных корпораций, банков, межгосударственных союзов, переходят к глобализованному обществу. Наиболее сильные империалистические государства, объединившись в союз, подчинят себе остальной мир, в котором национальные границы уже не будут играть существенной роли. Английский экономист и философ Дж. Гоббсон назвал это интеримпериализмом [9], а марксист Карл Каутский — ультраимпериализмом [10]. Хотя В. И. Ленин подверг Каутского критике за его недооценку экономической составляющей империализма и веру в возможность мирного существования в рамках международного картелирования [11, с. 391—394, 415—419], сама идея монополистического капитализма, который ведет мир к созданию транснациональных корпораций, была прочно усвоена Лениным. «Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и „сферы влияния” круп-

нейших монополистических союзов, дело „естественно” подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей», — писал Ленин [11, с. 364].

Для В. И. Ленина складывание монополий, их сращивание с государственным аппаратом, особенно интенсивное в годы Первой мировой войны, давали серьезный повод для оптимизма. В этом процессе Ленин видел прямой путь к социализму. Ведь в монополии, по сути, отсутствует рыночный механизм. Монополия функционирует как плановая организация, а создание глобального рынка стирает национальные границы. Транснациональные корпорации выступают апогеем развития монополистического капитализма, который, по мнению Ленина, есть последняя стадия капитализма.

В годы Первой мировой войны В. И. Ленин укрепился в своей позиции. «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет», — писал Ленин [12, с. 193]. Видя ситуацию таким образом, Ленин предлагал сделать последний шаг: передать власть из рук помещиков и капиталистов, находящихся во главе большой государственной монополии, в руки рабочих и крестьян. Ведь, если капиталистическое предприятие становится государственной монополией, значит, оно обслуживает весь народ. И от находящихся у власти людей зависит, в чьих интересах работает данное предприятие. «Попробуйте-ка подставить... вместо помещичье-капиталистического государства государство революционно-демократическое, т. е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаг к социализму!» — заявлял Ленин [12, с. 191].

Безусловно, В. И. Ленин упрощал вопрос, но оставался непоколебим в своем понимании социализма как общественного строя, неразрывно связанного с монополизмом и глобализацией, только выражающего интересы широких слоев трудящихся: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [12, с. 192].

Социалистическая революция 1917 г. в этом отношении и была попыткой сменить старую политическую элиту на новую, которая бы действовала в интересах широких народных масс и привлекала трудящихся к управлению. Октябрьский переворот не был национальной революцией, направленной на решение социальных задач русского народа. О построении социализма в одной отдельно взятой стране не могло быть и речи. Вожди социалистической революции заботились вовсе не о России и русском народе, а обо всех угнетенных социальных группах во всем мире. В. И. Ленин говорил: «Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику... Мы стремимся к полному уничтожению государственных границ» [13, с. 43—44].

Вынужденность признания национального самоопределения

Большевики демонстрировали принципиально новое видение мира, в котором основные линии размежевания проходят не между нациями, а между классами. В этом отношении коммунизм был не столько интернационален, сколько вненационален. Не отрицая факта существования национального деления, коммунисты считали такое положение вещей временным, обусловленным сохраняющимися капиталистическими отношениями. Речь не шла о ликвидации национальных особенностей и слиянии всех националь-

ных групп в однородное целое. Языковые, расовые, этнические различия не относились к разряду значимых и поэтому социальными не были. Природа социальных значений, по мнению большевиков, лежит в принадлежности к тому или иному классу. Буржуазия, включая мелкую, относится к типу собственников. Поэтому она не способна подняться до наднационального уровня. Собственник по природе своей хищник, озабоченный стремлением к наживе. Поэтому он национален.

Пролетарий лишен собственности, поэтому он объективно равнодушен к вопросу национального деления, так как выступает лишь объектом эксплуатации. «Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой или польская предпочтительно перед еврейской и т. д. Наемный рабочий, осознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских, и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями», — писал В. И. Ленин [14, с. 288]. Быть патриотом для пролетария — значит вставать на классово чуждые ему позиции буржуазии и помогать ей в ее хищнических устремлениях. Пролетарий, придающий значение национальной принадлежности эксплуататора или эксплуатируемого, объективно укрепляет те социальные отношения, которые выстроены классом собственников для их собственного блага. В классовом обществе нет и не может быть общенациональных интересов. Патриотизм был глубоко чужд большевикам: «Рабочий, который при капитализме является патриотом, продает за пятак свое настоящее отечество, социализм и превращается в душителя отсталых и слабых наций» [15, с. 154].

Сосредоточенность В. И. Ленина на России была вызвана вовсе не национальным происхождением вождя мирового пролетариата. «Мы рассматриваем себя только как один из отрядов международной армии пролетариата, причем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России...», — говорил Ленин [16, с. 387—388], остававшийся до конца своих дней вне национальной самоидентификации. Не случайно при заполнении формуляра паспорта он демонстративно написал о себе: «Без национальности» [17, с. 8].

В начале 1920-х гг. в эмигрантской среде возникло движение сменовеховство, получившее свое название благодаря сборнику статей «Смена Вех». В нем были высказаны идеи ряда белых эмигрантов, увидевших в большевиках национальную силу. «Россия должна остаться великой державой, великим государством... И так как власть революции — и теперь только она одна — способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, — наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет...», — писал Н. В. Устрялов [18, с. 55]. Бывшие противники Советов интуитивно уловили пока еще скрытые и незаметные для самих революционеров ростки эволюции советского строя. Однако В. И. Ленин и другие большевики не только не согласились с увиденным сменовеховцами перерождением советского строя, но и усмотрели в суждениях Устрялова ту опасность, которая грозит коммунистическому движению, поставив вопрос об усилении борьбы против возможного перерождения партии большевиков [19].

Советский Союз изначально мыслился вовсе не по-сменовеховски, не как новое российское государство, объединяющее бывших подданных империи на новой идеологической основе, а как интернационал, мировое государство, управляемое национальными коммунистическими партиями. «Основание III Коммунистического Интернационала есть преддверие интернаци-

ональной республики Советов», — говорил В. И. Ленин в марте 1919 г. [20, с. 514] И уже через месяц прямо заявлял: «Новое, третье, „Международное общество рабочих“ стало уже теперь совпадать, в известной мере, с Союзом Советских Социалистических Республик» [21, с. 303]. Сказано это было за три года до формального образования СССР в разгар Гражданской войны, которая велась не столько за установление новой власти в России, сколько ради победы мировой социалистической революции, надежды на которую в 1919 г. оставались еще очень сильны. Не случайно международная деятельность партии большевиков после их прихода к власти и национальная политика на территории России практически не различались.

Однако, как и любое другое государство, Третий интернационал считался коммунистами временным явлением, ограниченным периодом существования классового общества, потребность в котором сохраняется на момент борьбы с сопротивлением свергнутых классов. В будущем коммунистическом обществе потребность в государстве отомрет, как и в демократии. Чем она полнее, считал В. И. Ленин, тем более она себя изживает [22, с. 89—90]. Поэтому и Интернационалу не было места в будущем коммунистическом обществе.

В связи с этим встает вопрос об интернациональном «мундире» коммунистического транснационализма. Мечту о безнациональном будущем следует считать интернациональной или транснациональной? В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и другие большевики неоднократно подчеркивали, что они интернационалисты. Термин «транснационализм» употреблялся лишь применительно к капитализму и империализму. Однако родовая связь социализма с предшествовавшим ему обществом транснациональных корпораций и присущим ему космополитизмом не оставляет сомнений в транснациональной сущности социалистического проекта. В отличие от своих зарубежных коллег, которые прямо говорят о существовании социалистического транснационализма и стремятся выйти за рамки политизированной полемики, которую всегда сопровождало обсуждение истории Коммунистического интернационала [23], российские исследователи избегают употреблять термин «транснационализм». А. И. Вдовин, рассуждая о взглядах большевиков, говорит об интернационально-космополитическом мировоззрении, разводя понятия «космополитизм» и «интернационализм» сугубо по классовому основанию, оговаривая при этом, что когда-то эти два понятия мирно уживались в трудах теоретиков марксистов [17, с. 9—10]. «В другом отношении, особенно важном для анализируемой нами проблемы, различий между интернационализмом и космополитизмом не существует; они преследуют одну цель — слияние наций», — пишет А. И. Вдовин [17, с. 9—10].

Тот факт, что коммунисты являлись космополитами, только на классовой основе, выступали за слияние наций и мыслили себя вненационально, сомнений не вызывает. Однако интернационализм предполагает национальное равноправие, а значит, сохранение и признание наций, что на первый взгляд противоречит коммунистической идее создания мира без наций. На это мнимое противоречие большевики специально обращали внимание. «Позвольте, спросит читатель, неужели коммунист может стоять за отделение наций? Как же будет обстоит тогда дело с единым мировым пролетарским государством, к которому стремятся все коммунисты? Тут есть как будто противоречие. Никакого противоречия здесь нет, ответим мы» [15, с. 154]. Большевики рассматривали принцип национального самоопределения исключительно как тактический ход, необходимый до тех пор, пока сохраняется доставшееся в наследство от капитализма существование национальных групп. Это было провозглашено и сделано, чтобы заручиться доверием со стороны рабочих разных национальностей, все еще

воспринимающих себя на национальный лад [15, с. 154—156]. Поэтому, признавая в текущей ситуации практическую полезность права наций на самоопределение, большевики тем не менее выступали решительно против культурно-национальной автономии, которая предусматривала обособление и развитие культурной самобытности национальных общностей и земляческих групп. Культурно-национальная автономия укрепляла национальность, делая национальный фактор значимым социальным критерием размежевания. Коммунизм отвергает национальность, и В. И. Ленин решительно и более последовательно, чем европейские социалисты, проводил эту мысль, критикуя саму идею национально-культурной автономии [24, с. 71].

Несмотря на использование термина «интернационализм», Коминтерн создавался не как межнациональное, а как наднациональное образование, как всемирная коммунистическая партия, которая борется за создание Всемирного союза социалистических советских республик [25]. И хотя он строился на основе выделения национальных секций, важнейшим принципом его работы было признание того, что интересы мировой пролетарской революции и ее единственного очага, Советской России, выше национальных интересов коммунистических партий отдельных стран. Это был путь к отмене национальных различий и созданию безнационального мира. В этом отношении рабочее и коммунистическое движение были транснациональным явлением, хотя и использующим дискурс интернационализма [1, р. 567].

Национальная ловушка транснационального проекта

Советская власть выстояла в жесточайшей схватке с контрреволюцией и иностранной интервенцией, доказав тем самым свое право на существование. Однако пролетарская революция оказалась сугубо национальным явлением, она так и не вышла за пределы России. Провозглашение советской власти в Венгрии, Словакии, Баварии было временным явлением. В условиях запаздывания мировой социалистической революции перед большевиками встала задача всеми силами сохранить и укрепить единственное в мире пролетарское государство, что неизбежно вело к появлению новых задач по управлению Россией и возникновению национального интереса, облеченного в интернациональные одежды. Не случайно уже в 1920-х гг. возникли трения между Коминтерном и Народным комиссариатом иностранных дел СССР. Все чаще приходилось жертвовать интересами либо страны, либо международного коммунистического движения. В конечном счете мировая революция и международное коммунистическое движение попали в ловушку национального государства, укрепление которого разрушало транснациональный принцип Коминтерна, усиливало его интернациональный характер с постепенным подчинением интересов только СССР. Все ключевые вопросы принимались РКП(б) при формальном равенстве всех коммунистических партий, что вызывало у многих зарубежных коммунистов ощущение советского диктата в Коминтерне [26, с. 191].

В 1920-х гг. в партии начнет пробивать себе дорогу сталинская идея о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, что означало поворот от пролетарского транснационализма к советскому патриотизму с сохранением интернациональных принципов международного сотрудничества внутри мирового коммунистического движения. Троцкизм с его национальным нигилизмом был отвергнут.

В 1931 г. И. В. Сталин заговорил об СССР как о социалистическом отечестве. И хотя задача догнать передовые страны за 10 лет ставилась в подчиненное положение от обязательств перед мировым пролетариатом, по сути, это была реабилитация патриотизма [27, с. 39—40]. Начался поворот к имперской традиции, который стал способом сохранения завоеваний ре-

волюции на мобилизационной основе. Задачи страны на международной арене, особенно после 1933—1934 гг., стали более традиционными. Однако именно поворот к империи в долгосрочной перспективе создавал риски разрушения коммунистической идеи [6], которая не только скрепляла советское общество, но и обеспечивала высокий авторитет СССР в мире, особенно среди отсталых и угнетенных народов. С одной стороны, происшедшая в сталинские годы инструментализация международного рабочего и коммунистического движения обеспечила СССР глобальным влиянием в мире и дала ряд стратегических преимуществ перед Западом. С другой — превратив Коминтерн в очередной «приводной ремень», придав движению подчиненный характер, сталинский поворот в сторону от транснационализма ставил успех социалистического проекта в зависимость от успехов СССР в глобальном противостоянии с Западом. Возникло фундаментальное противоречие между идеологическими основаниями режима, имевшими транснациональную космополитическую природу, и локализацией проекта, ограниченного рамками национального строительства.

Наднационализм советского народа

Несмотря на отказ от попыток создания мировой республики Советов, транснационализм не умер в 1930-х гг. Его идеи и принципы легли в основание новой исторической общности, возникшей на просторах СССР. Сложившись на наднациональной основе, советский народ обладал самостоятельными чертами, не сводимыми к этническим характеристикам. Официальная идеология его определяла так: «Советский народ — новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, возникшая в СССР на основе победы социализма, преодоления классовых и национальных антагонизмов, сближения различных классов, социальных групп, наций и народностей в результате построения развитого социалистического общества и утверждения теснейшего, нерушимого единства всех классов и социальных слоев, всех наций и народностей, гармонических отношений между ними» [28, с. 278].

Советская вненациональная идентичность строилась на идеологической основе и была свойственна в первую очередь русскому народу. Другие национальные группы, жившие в СССР, ставили свою национальную идентичность выше советской, хотя и не отвергали последнюю. Поэтому идеологический и политический кризис на рубеже 1980—1990-х гг. в РСФСР и союзных республиках имел разную национальную направленность. Если российское диссидентство было преимущественно космополитным, ориентированным на Запад, то антисоветские группы в республиках, даже вставшие на либерально-демократические позиции, оказались националистическими. Примечательно, что тема транснационализма как советского политического проекта, подрывавшего локальные национальные идентичности в СССР, получила распространение именно в бывших советских республиках [29], в то время как российское научное сообщество чурается этого концепта. Причина этого кроется в самом социалистическом проекте, который изначально строился на национальном нигилизме. Русский народ был готов к самоотрицанию больше любого другого, что не только предопределило специфический характер социалистического проекта в России, но и предоставило советскому транснационализму подходящую культурную почву.

Русский народ так и не стал нацией. Возможно, с этим связано неприятие в России английского, немецкого, французского понимания национального интереса, о чем в XIX в. писал Вл. Соловьев. Апеллируя к жертвенному христианству русского человека, призывая русский народ к самоотречению и оправдывая это вселенской религиозной задачей, которая стоит перед Россией, Соловьев решительно осуждал привязанность к своему, нацио-

нальному: «Обоготворяя свою народность, превращая патриотизм в религию, мы не можем служить Богу, убитому во имя патриотизма» [30, с. 25]. В условиях нищеты и бесчисленных страданий, вызвавших к жизни социалистическую революцию в России, стремление к самоотречению во имя великой миссии спасения всего человечества у русского народа становилось особенно выраженным. Анализируя творчество Соловьева, Е. Н. Трубецкой весьма точно подметил эту национальную особенность русских: «Чем непригляднее настоящее, тем сильнее потребность любящего патриотизма вознаградить себя мечтою о будущем. Недаром самая „бедность и пустота существования русского народа“ в современной действительности для Соловьева превращаются в свидетельство о его великом историческом призвании» [31, с. 529].

Наднационализм советского социалистического проекта, будучи инкорпорирован в русскую историческую традицию, приобрел черты, которые мешают восприятию советского как транснационального. Последнее видится безликим, в то время как советскость имела свое лицо, и оно было содержательно русским. Отсюда коммунистическое мессианство, духовная озабоченность, доминирование русского языка среди различных национальных групп, включенных в советский народ. Русский компонент советскости являлся «своеобразным аттрактором и связующим звеном» [32, с. 11]. Как справедливо пишет Д. Ланца: «Советская целостность поглощает собой великорусскую основу, но одновременно находится в положении подчиненного субъекта. Таким образом, советская мегаструктура превосходит русскую макроструктуру, но, в свою очередь, определяется ею» [32, с. 11].

Советская идентичность не стала чем-то принципиально новым. Внеациональность, заложенная в ней, имманентно была присуща русскому народу задолго до революции. Советский народ в полной мере стал надэтнической социокультурной общностью. Как показали результаты социальных исследований, даже в этнических культурах народов, населявших СССР, «реально утвердились единые интернациональные по сущности идентенты, не препятствующие становлению национальной гражданско-политической идентичности и складыванию в перспективе гражданской нации» [33, с. 126].

Заключение

Таким образом, транснационализм нельзя сводить к одному лишь западному либеральному проекту глобализации. Он присутствовал и в социализме, хотя и не вышел за рамки утопических мечтаний коммунистов. Попытка его реализации ограничивается весьма коротким периодом первых трех-четырех лет существования советской власти, пока революция не замкнулась в национальных рамках. Советский народ, сложившийся под сильным влиянием коммунистической идеологии, в какой-то степени сумел подняться на наднациональный уровень. Но это было обеспечено русским духовным опытом и имперской исторической традицией. Синтез русского державничества с революционным порывом глобального социалистического переустройства мира посредством национального самоотрицания породил специфический симбиоз транснационального, интернационального и самобытного, что, с одной стороны, предопределило внешний интерес к советскому опыту, с другой — породило его внутреннюю слабость.

Список источников

1. Brandenberger D. Global and transnational in form, Soviet in content: the changing semantics of internationalism in official Soviet discourse, 1917—1991 // Russian review. 2021. Vol. 80. No 4. P. 562—580.

2. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. I : Общая теория глобализации. 12-е изд. М. : ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
4. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990. 480 p.
5. Bockman J. Socialist Globalization against Capitalist Neocolonialism: The Economic Ideas behind the New International Economic Order // *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development*. 2015. Vol. 6. No 1. P. 109—128.
6. Арнасон Й. Советская модель как форма глобализации // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4. С. 53—76. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/90_nz_4_2013/article/10575/ (дата обращения: 15.01.2023).
7. Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма . М. : Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 4. С. 419—459.
9. Гобсон Дж. Империализм. Л. : Прибой, 1927. 586 с. URL: https://archive.org/details/libgen_00155148/page/n25/mode/2up (дата обращения: 11.01.2023).
10. Kautsky K. Ultra-imperialism. URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (дата обращения: 11.01.2023).
11. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 27. С. 299—426.
12. Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 151—199.
13. Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 41—47.
14. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255—320.
15. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Петербург : Гос. изд-во, 1920. 321 с.
16. Ленин В. И. Доклад ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 387—388.
17. Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. М. : Алгоритм, 2010. 428 с.
18. Устрялов Н. В. Логика национализма // Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. Харбин : Окно, 1920. 82 с.
19. Базанов П. И. Был ли Ленин создателем сменовеховства? // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2022. Т. 23. № 2. С. 329—336.
20. Ленин В. И. Завоеванное и записанное // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 512—514.
21. Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 301—309.
22. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1—120.
23. Left Transnationalism: The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions / eds. O. Drachewych, I. McKay. Montreal : McGill-Queen's University Press, 2019. Vol. 4.
24. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 64—72.
25. Устав Коммунистического Интернационала. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/161308-ustav-kommunisticheskogo-internatsionala#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 14.01.2023).
26. Рыков Г. О. Международная деятельность Коминтерна: на пути к единому фронту (1920—1930-е гг.) // *Власть*. 2022. Т. 30, № 1. С. 190—196.
27. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Соч. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. С. 29—42.
28. Советский народ // Научный коммунизм : слов. / под ред. А. М. Румянцев. 4-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1983. С. 278.
29. Matsaberidze D. The Soviet Identity — Transnationalism and Ethnic Nationalisms in the Soviet Union // *Civilization Researches*. 2009. No 7. P. 44—52. URL: https://newtsutest.tsu.ge/assets/media/files/48/jurnalebi/Civilizaciuri_Dziebani_7.pdf#page=44 (дата обращения: 15.01.2023).
30. Соловьев В. С. О народности и народных делах России // Соловьев В. С. Собр. соч. : в 10 т. 2-е изд. СПб. : Просвещение, 1914. Т. 5. 488 с.
31. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. Соловьева : в 2 т. М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1913. Т. 1. 631 с.

32. Ланца Д. Формы национальной идентичности в культуре Советского Союза: 1917—1991 : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2018. 26 с.
33. Аксютин Ю. М. «Новая историческая общность»: основание и содержание советской наднациональной идентичности // Вестник Хакасского государственного университета. 2017. № 22. С. 124—126.

References

1. Brandenberger D. Global and transnational in form, Soviet in content: the changing semantics of internationalism in official Soviet discourse, 1917—1991, *Russian review*, 2021, vol. 80, no. 4, pp. 562—580.
2. Delyagin M.G. Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! [The end of an era: watch out, the doors are opening!], vol. I : Obshchaya teoriya globalizatsii [A general theory of globalisation], ed.12. Moscow, IPROG, Knizhnyi mir, 2019, 832 p.
3. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? [What is globalisation?] Moscow, Progress-Traditsiya, 2001, 304 p.
4. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990, 480 p.
5. Bockman J. Socialist Globalization against Capitalist Neocolonialism: The Economic Ideas behind the New International Economic Order, *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 109—128.
6. Arnason I. Sovetskaya model' kak forma globalizatsii [The Soviet model as a form of globalisation], *Neprikosnovennyy zapas* [An untouchable reserve], 2013, no. 4, pp. 53—76. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/90_nz_4_2013/article/10575/ (accessed: 15.01.2023).
7. Ionin L.G. Apdeit konservatizma [Update of conservatism], Moscow, Publ. dom gos. un-ta — Vysshei shkoly ekonomiki, 2010, 304 p.
8. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoi partii [The Communist Party manifesto], *Marks K., Engel's F. Soch. [Works]*, ed. 2, Moscow, Gos. publ. polit. lit., 1955, vol. 4, pp. 419—459.
9. Gobson Dzh. Imperializm [Imperialism], Leningrad, Priboi, 1927, 586 p. Available at: https://archive.org/details/libgen_00155148/page/n25/mode/2up (accessed: 11.01.2023).
10. Kautsky K. Ultra-imperialism. Available at: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (accessed: 11.01.2023).
11. Lenin V.I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the highest stage of capitalism], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, ed. 5, Moscow, Gos. publ. polit. lit., 1969, vol. 27, pp. 299—426.
12. Lenin V.I. Grozyashchaya katastrofa i kak s nei borot'sya [An impending disaster and how to deal with it], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 34, pp. 151—199.
13. Lenin V.I. Pis'mo k rabochim i krest'yanam Ukrainy [Letter to the workers and peasants of Ukraine], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 40, pp. 41—47.
14. Lenin V.I. O prave natsii na samoopredelenie [About the right of nations to self-determination], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 25, pp. 255—320.
15. Bukharin N., Preobrazhenskii E. Azbuka kommunizma [The ABCs of Communism]. Petersburg, Gos. Publ., 1920, 321 p.
16. Lenin V.I. Doklad VTsIK i Sovnarkoma na VII Vserossiiskom s"ezde Sovetov [Report of the All-Russian Central Executive Committee and Sovnarkom to the VII All-Russian Congress of Soviets], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 39, pp. 387—388.
17. Vdovin A.I. Podlinnaya istoriya russkikh. XX vek [The true history of the Russians. The twentieth century], Moscow, Algoritm, 2010, 428 p.
18. Ustryalov N.V. Logika natsionalizma [The logic of nationalism], *Ustryalov N.V. V bor'bu za Rossiyu* [The fight for Russia], Kharbin, Okno, 1920, 82 p.
19. Bazanov P.I. Byl li Lenin sozdatelem smenovekhovstva? [Was Lenin the creator of the Changeover movement?], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Vestnik of the Russian Christian Academy for Humanities], 2022, vol. 23, no. 2, pp. 329—336.
20. Lenin V.I. Zavoevannoe i zapisannoe [Conquered and recorded], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 37, pp. 512—514.
21. Lenin V.I. Tretii Internatsional i ego mesto v istorii [The Third International and its place in history], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 38, pp. 301—309.
22. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya [The state and the revolution], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 33, pp. 1—120.
23. Drachewych (ed.), McKay I. (ed.). Left Transnationalism: The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions, Montreal, McGill-Queen's University Press, 2019, vol. 4.

24. Lenin V.I. K voprosu o natsional'noi politike [On the question of national policies], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 25. pp. 64—72.
25. Ustav Kommunisticheskogo Internatsionala [The Statutes of the Communist International]. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/161308-ustav-kommunisticheskogo-internatsionala#mode/inspect/page/1/zoom/4> (accessed: 14.01.2023).
26. Rykov G.O. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' Kominterna: na puti k edinomu frontu (1920—1930-e gg.) [International activities of the Comintern: Towards a united front (1920s-1930s)], *Vlast'* [Authority], 2022, vol. 30, no 1. pp. 190—196.
27. Stalin I.V. O zadachakh khozyaistvennikov: rech' na Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoi promyshlennosti 4 fevralya 1931 g. [On the tasks of economic workers: speech at the First All-Union Conference of Socialist Industry Workers on 4 February 1931], *Stalin I. V. Soch. [Collected Works]*, Moscow, Gos. publ. polit. lit., 1951, vol. 13, pp. 29—42.
28. Rumyantseva A.M. (ed.). Sovetskii narod [The Soviet people], *Nauchnyi kommunizm [Scientific communism]*: dictionary, ed. 4, Moscow, Publ. polit. lit., 1983, 278 p.
29. Matsaberidze D. The Soviet Identity — Transnationalism and Ethnic Nationalisms in the Soviet Union, *Civilization Researches*, 2009, no 7, pp. 44—52. Available at: https://newtsutest.tsu.ge/assets/media/files/48/jurnalebi/Civilizaciuri_Dziebani_7.pdf#page=44 (accessed: 15.01.2023).
30. Solov'ev V.S. O narodnosti i narodnykh delakh Rossii [About nationality and people's affairs in Russia], *Solov'ev V.S. Sobr. Soch. [Complete Works]*, v 10 vol., ed. 2, Saint-Petersburg, Prosveshchenie, 1914, vol. 5, 488 p.
31. Trubetskoi E.N. Mirosozertsanie Vl. Solov'eva [Solovyov's worldview], v 2 vol. Moscow, Tovari-shchestvo tip. A.I. Mamontova, 1913, vol. 1, 631 p.
32. Lantsa D. Formy natsional'noi identichnosti v kul'ture Sovetskogo Soyuza: 1917—1991 [Forms of national identity in the culture of the Soviet Union: 1917—1991], Cand. kul'turologii diss. Abstr., Saint-Petersburg, 2018, 26 p.
33. Aksyutin Yu.M. «Novaya istoricheskaya obshchnost'»: osnovanie i sodержanie sovetskoi nadet-nicheskoi identichnosti ["New historical community": the basis and content of Soviet supra-ethnic identity], *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Khakassia State Universi-ty]*, 2017, no. 22, pp. 124—126.

Информация об авторе

Петренко Максим Степанович — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Information about the author

Maxim S. Petrenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 29.12.2022.

The article was submitted 07.12.2022; approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 29.12.2022.

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК 94(47)084
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-22-29

Советская государственность: опыт этнонациональной политики

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация, amanzholova19@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Аннотация. В статье показаны противоречия в формировании советской иерархически сконструированной федерации, которая была инструментом адаптации ключевых целей большевистского проекта к требованиям всесторонней модернизации полиэтнического общества, что нашло отражение в трудах российских и зарубежных ученых. Советская государственность в связи с этнонациональной политикой современными учеными оценивается как империя наций, империя «позитивной дискриминации», создавшая современные нации. Историческое значение для всех народов страны имел осуществленный в СССР переход от традиции к модерности. Этот прогресс был достигнут их солидарным трудом. Указывается на сложный характер взаимоотношений центра и этнонациональных элит в этом процессе. Центр выступал регулятором и спонсором модернизации, обеспечивал нациестроительство, добивался баланса разнонаправленных усилий лидеров регионов и национально-государственных единиц. В то же время этнополитическая элита активно встраивалась в номенклатурный порядок, участвовала в реализации советского проекта и несла ответственность за его достижения и за его провалы. Показано, что этноидентичность была пластична к требованиям советской политической системы, а социально-культурные процессы соединяли советское и этническое, включая традиционные ценности многонационального общества. Оценка концепта «советский народ» должна учитывать наиболее значимые результаты дискуссии в научном сообществе. По мнению автора, согражданство в СССР зиждилось на многовековом опыте совместной жизни, едином политическом порядке и культурной негетерогенной целостности, трактовать которую как искусственно созданную вряд ли правомерно. Советский опыт, особенно в этнонациональной сфере, сохраняет актуальность, а современная историографическая ситуация дает новые возможности для научного анализа.

Ключевые слова: СССР, этнонациональная политика, элиты, этноидентичность, советский народ

Для цитирования: Аманжолова Д. А. Советская государственность: опыт этнонациональной политики // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 22—29. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-22-29.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

Soviet statehood: the experience of ethno-national policy

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
amanzholova19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Abstract. The article shows the contradictions in the formation of the Soviet hierarchically constructed federation, which was a tool for adapting the key goals of the Bolshevik project to the requirements of a comprehensive modernization of a multi-ethnic society, which was reflected in the works of Russian and foreign scientists. In connection with the ethno-national policy, modern scientists evaluate the Soviet statehood as an empire of nations, an empire of “positive discrimination”, which created modern nations. The transition from tradition to modernity carried out in the USSR was of historical significance for all the peoples of the country. This progress has been achieved through their solidarity work. The complex nature of the relationship between the centre and the ethno-national elites in this process is pointed out. The centre served as regulator and sponsor of modernisation, provided nation-building, and ensured that the multidirectional efforts of regional leaders and national-state units were balanced. At the same time, the ethno-political elite was actively embedded in the nomenclature order, participated in the implementation of the Soviet project and was responsible for its achievements and its failures. It is shown that ethnoidentity was flexible to the requirements of the Soviet political system, and socio-cultural processes connected the Soviet and ethnic, including the traditional values of a multinational society. The evaluation of the concept “Soviet people” should take into account the most significant results of the discussion in the scientific community. According to the author, co-citizenship in the USSR was based on the centuries-old experience of living together, a single political order and cultural inhomogeneity, which can hardly be interpreted as artificially created. The Soviet experience, especially in the ethno-national sphere, remains relevant, and the current historiographical situation provides new opportunities for scientific analysis.

Keywords: USSR, ethnonational politics, elites, ethnoidentity, Soviet people

For citation: Amanzholova D.A. Soviet statehood: the experience of ethno-national policy. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):22—29. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-22-29.

Советская этнонациональная политика давно находится в исследовательском поле историков всего мира. Оценить это наследие и современное состояние историографии основательно — отдельная масштабная задача. Ценный анализ эволюции взглядов советских историков на историю федерализма провела Т. Ю. Красовицкая [1, с. 22—62]. Основные дискуссии по поводу существования многонационального СССР сводятся к нескольким моделям. Он рассматривается как империя, где структура, механизмы и практики легитимировали отношения подчинения центру, или как империя «позитивной дискриминации», или «империя наций». Советская «цивилизационная миссия» трактуется как упакованная в марксистско-ленинскую формулу помощь ранее отсталым народам, а этнонациональная политика — как система определения уровней развития и иерархии по сталинской схеме «род — племя — народ — нация», хотя национальное сознание якобы было несовместимо с советским проектом и привело к официальному мультикультурализму и креолизации. Но упорядочение «списка национальностей» и этноидентификация каждого гражданина не только ускорили расстановку приоритетов самоидентификации и формирование более сложного самосознания, которое в традиционных обществах далеко не всегда включало этничность или выделяло ее как главную. Социальное государство и специ-

фическая имперская политика «позитивной дискриминации» обеспечили модернизацию и модерность. Москва сформировала современные нации, и народы СССР не идентифицировали свой статус как колониальный.

Российские, а также зарубежные историки внесли решающий вклад в исследование советской национальной политики и федерализма [1—6]. Российские историки конкретизировали динамику федерализации на примере разных форм политического самоопределения, содержание и смысл коренизации, практически все наиболее важные процессы модернизации народов СССР, основные параметры взаимоотношений руководства страны и этнополитических элит, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с продолжавшейся поддержкой этничности в рамках идеологии интернационализма. Результаты не являются исчерпывающими и не дают окончательные ответы на многие вопросы, они к тому же высвечивают новые ракурсы и проблемные поля.

Образование СССР имело колоссальное значение для модернизации народов бывшей империи. Новое государство с его проектом национально-го самоопределения на основе социального равенства и всеобщего движения к прогрессу обеспечило несомненные позитивные результаты нациестроительства, играющие важнейшую роль по сей день. Среди них — конструирование наций с наделением их своими территориями, формирование экономической базы, урбанизация, изменение социальной структуры традиционных этнических общностей, коренизация органов власти и управления, создание письменных языков и всеобщего образования, современного здравоохранения, современной культуры. Эти достижения были обеспечены тяжелым солидарным трудом многонационального общества на благо всех народов, что служит ценнейшим уроком в условиях подчас беспрецедентной идеализации огосударственной моноэтничности, хотя она никогда не являлась гарантией процветания. Межнациональное разнообразие дает для него огромные возможности. Результаты экономического и социально-культурного развития СССР сегодня воспринимаются как некая данность. Меж тем объективная потребность в развитии регионов и обеспечении целостности страны понуждала непрерывно укреплять и развивать новые хозяйственные связи, транспортные коммуникации.

Советская федерация была результатом адаптации доктринальных установок правящей партии к реальности, учитывающей специфику функционирования государства с его этнорегиональными экономическими, культурными и социальными различиями. Здесь уместен вывод А. В. Ремнева об имперской географии власти, которая означает создание собственной управленческой среды, когда на нее влияли общие установки и методы властвования и специфические условия региона [7]. И проблема не в том, что в сложносоставном государстве отношения между центром и периферией рассматривались якобы как неравенство — оправданное из Москвы и неоправданное из республик [8, с. 6—16 ; 9, с. 17—40].

Управленческие и территориальные трансформации центра решали общегосударственные задачи социально-экономического развития, совмещались с принципами национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Формирование федеративного облика советского государства потребовало учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Впервые создавалась принципиально иная структура, которая реорганизовывала наличный багаж и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтнического государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Репертуар властных технологий породил гибкие тактики центра и этнополитических элит. Этно-

культурная сложность общества была неустранимой реальностью, не позволявшей лишь административными мерами обеспечивать политику равенства и модернизационный рывок для всех народов с одновременно заявленным курсом на межэтническую интеграцию. Огосударствление этничности с искусственными границами и разделением народов создало ловушку национальной государственности и почву для тяжелых конфликтов.

Федеративная иерархия складывалась в условиях острых дискуссий и объективных противоречий «пересборки» социально-политического пространства, издавна обжитого народами страны в их совместной жизнедеятельности. СССР опирался на имперский фундамент, неотъемлемой константой его было этнокультурное разнообразие, а управление им в XX в. стало важнейшей частью внутренней политики, определяя существо власти и социального порядка. Происходил «переход от имперского мировосприятия к советскому при замене форм, но при одновременном сохранении содержательного и смыслового аспекта» [10, с. 13], важно анализировать общество «через описание форм исторического опыта, которые сводили в советском историческом контексте совершенно разных по темпераменту, складу характера, этничности, религиозности и социального происхождения людей и заставляли их вступать в определенные взаимодействия друг с другом и со сложной институциональной инфраструктурой, создаваемой... государством в разных сферах общественной жизни» [11, с. 13]. Наряду с усилиями власти по обеспечению баланса интересов локального и целого, этнонационального и гражданского это стало важнейшим фактором устойчивости государства. Признанием собственной государственности обеспечивалась мощная притягательная сила доктрины этнического национализма, подстегивавшей стремление элит к расширению доступа к власти и ресурсам, установлению официальных культурных институтов.

Важнейшим дискуссионным вопросом остается роль этноэлит и их взаимоотношения с руководством страны. Советская этнополитика соединила усилия основных субъектов политического пространства, причем национальные лидеры целеустремленно встраивались в аппарат власти, дорожили своим статусом, стремились к укреплению своих позиций и вместе с центром обеспечивали модернизацию всех народов. При этом центр был вынужден не только выступать спонсором модернизации, распределять бюджетные средства, но и в качестве третейского судьи регулировать внутриэтнические конфликты, борьбу за повышение статуса субъектов федерации, добиваться баланса в решении экономических, инфраструктурных, административных, социальных и иных задач, обеспечивать интересы государства как целого, его управляемость и устойчивость.

Контроль за балансом в руководстве национальных единиц был одним из важных элементов набора установок для ежедневного функционирования советского общества. Включение в центральные органы власти, прежде всего в ЦК КПСС, представителей республик обеспечивало «институциональный плюрализм», когда первые секретари ЦК компартий республик становились посредниками между высшей властью и массами. При этом численное преобладание русских в высшем руководстве СССР не означало усиления внимания к русской этничности. Республиканские лидеры обеспечивали согласованную и взаимовыгодную линию в отношениях с руководством страны, патронируя корректировки в проведении необъявленной коренизации на своей территории.

Не менее серьезным представляется анализ содержания и трансформации (и даже потери) этноидентичности, как и так называемой советизации, в процессе нациестроительства. Культурное разнообразие в рамках управленческих технологий сохранялось, развивалось и адаптировалось в конструкции сложносоставных модерностей и идентичностей. Они стали результатом модернизации, а ее участники, несмотря на явные признаки

общности, имели локально различающиеся проявления вследствие их этнокультурной «начинки». Множественность идентификации связана с динамичной культурной сложностью общностей и индивидуумов. Традиционные основы этничности адаптировались к социалистическому проекту, сплавлялись с модерными принципами, институтами и практиками политической системы и всего социально-культурного пространства страны. Культурный прогресс, индустриальный скачок, урбанизация, развитие науки и техники совмещались с характерными для традиционных обществ иерархическими социальными отношениями и значимыми для вертикальной мобильности личными связями. Это совмещение осуществлялось всякий раз достаточно оригинально и имело неоднозначные последствия для многоликого сообщества народов, социокультурного и гражданского наполнения их единства в качестве советского народа [12].

Политика «спонсирования» этничности при централизованном контроле была направлена на утверждение СССР как национального государства. Осуществлен первый в истории эксперимент политики положительной деятельности, за исключением национализма «господствующей нации» («великорусский шовинизм») [13, с. 91—105]. СССР не разрушал, а создавал нации. Но утверждение, что никто не считал себя советским, поскольку советскую нацию создавать не стремились, не соотносится с реальностью. Скорее, при отсутствии сформулированной цели создать ее политики, как и сложившееся задолго до СССР сообщество народов и граждан общего для них государства и родины, не могли не обеспечить социальную и межэтническую целостность, что не означало ее гомогенность и обезличенность. Советская нация — не только и не столько совокупность национальностей, сколько согражданство в его сложном и противоречивом динамичном развитии. СССР не означал «простой» переход от империи к конструированию наций и общесоветской надэтнической общности/нации, а наследовал и еще больше в движении к модерности создавал свои инструменты поддержания разнообразия и управления, консолидации общества на социальной и интернационалистской основе. На межэтнические отношения влиял постоянный рост кросс-культурных контактов. Многопоколенные межкультурные коммуникации прирастали новыми практиками надэтнической политики власти. Интернационализм был маркером советской идентичности, что показано российскими историками на примере пропагандистских и культурных практик, а также повседневных социально-бытовых проявлений.

С этим связаны и споры вокруг концепта «советский народ» и понимания «советскости». В. Деннингхаус определяет действия большевиков по созданию многонационального общества и обеспечению лояльности в отношении власти как советизацию [14, с. 629, 643], хотя данный термин использовался как утверждение партийного доминирования через систему советских органов власти и управления, классовый подход и национальное равенство. Власть опиралась на базовые общегражданские и этнические приоритеты и установки, СССР обеспечил полноценную субъектность в мире и реализовал концепт нации-государства при многонациональном содержании как неизбывной данности. Это не могло не породить множество противоречий и рисков — нациестроительство потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ».

Жесткое социальное структурирование общества обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Многообразная действительность модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий подчас

вполне успешно вписывались в советскую систему или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закреплённые функции и общественную ценность. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Межкультурная интеграция и складывание советской общности стали результатом не только целенаправленных усилий государства, но и многовековой культуры межэтнического взаимодействия и сожительства народов Евразии. При этом власть должна была постоянно добиваться баланса между интеграцией народов и поддержанием различий между ними. Традиционные нравственные ценности, которые встраивались в систему идеологических установок и пропагандистских усилий, воспитание и культпросвет оставались фундаментом морали, индивидуального мировоззрения и межличностных отношений. Это не исключало различных девиаций. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности, лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды, здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Негомогенность, культурная сложность и пластичность культуры социально-демографических групп и этнических общностей в советском народе как динамичной целостности есть проявление нормальности, если не пытаться исходить из неких якобы заданных большевиками параметров создания централизованной, вертикально организованной и идеологически монолитной общности. Даже если изначальный проект подразумевал нечто подобное, власть быстро усвоила невозможность игнорировать реальные противоречия и необходимость определенного баланса разных факторов.

Советская этнонациональная политика представляет интерес с точки зрения преемственности и модификации определенных моделей государственности и управления. В СССР состоялась оригинальная, единая и непрерывная во взаимосвязи с прошлым и будущим история регионов, народов и страт как компонентов совместного социально-культурного и политического пространства. Версия о «внешнем» характере советской системы вряд ли уместна. Она целенаправленно создавалась представителями всех народов для непосредственного встраивания самоопределившихся субъектов в политические и иные институты федерации, как и интернациональная номенклатура — ключевой актор перехода от традиции к модерности. Местные элиты приобретали влияние не в зависимости от лояльности к русскому языку и культуре, а благодаря соединению этнически ориентированной культуры с общесоюзной, при этом русский язык, русская культура и сам русский народ играли фундаментальную роль в обеспечении прочности государства и единства общества.

Советский опыт нациестроительства, несмотря на трагические интернациональные потери вследствие коллективизации, голода и репрессий, стал отправной точкой масштабных исторических процессов, во многом определивших устремления и перспективы для народов колонизированных Западом стран. Их освободительная борьба против колониального гнета неразрывно связана с примером СССР, и рассуждения о Советском Союзе как империи подчинённых наций, колониальной империи не вяжутся с действительностью. Более того, историческая память об антиколониальной сущности СССР составляет ценный потенциал внешней политики и международного имиджа Российской Федерации.

Список источников

1. Советская федерация: от империи к модерности. 1917—1941 гг. / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Г. В. Костырченко, Т. Ю. Красовицкая. М., 2022. 832 с.
2. Чеботарева В. Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3—25.
3. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
4. Советский национальный проект в 1920—1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. М.: Новый хронограф, 2021. 576 с.
5. Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897—1939 гг.) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 177—206.
6. Hirsch F. *Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 367 p.
7. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. 2013. 17 апреля. URL: <http://zaimka.ru/remnev-siberia/> (дата обращения: 19.01.2023).
8. Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917—1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы: материалы VI международной научной конференции (Киев, 10—12 октября 2013 г.) М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2014. С. 6—16.
9. Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы: материалы VI международной научной конференции (Киев, 10—12 октября 2013 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2014. С. 17—40.
10. Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920—1930 гг.) / М. Н. Балдано, В. Ю. Башкуев, П. К. Варнавский, С. В. Кириченко, А. М. Плеханова, А. Н. Соболева, С. В. Хомяков; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгис, 2021. 416 с.
11. Голубев А. А. Советский человек в футляре и вне его // Новое прошлое. The new past. 2021. № 4. С. 238—247.
12. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛЮ, 2020. 464 с.
13. Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 91—105.
14. Деннингхаус В. В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917—1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 726 с.

References

1. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Kostyrchenko G.V., Krasovitskaya T.Yu. *Sovetskaya federatsiya: ot imperii k modernosti*. 1917—1941 gg. [Soviet federation: from empire to modernity. 1917—1941], Moscow, 2022, 832 p.
2. Chebotareva V.G. Stalin i partiino-sovetskie natsional'nye kadry [Stalin and the Party-Soviet national cadre], *Voprosy istorii* [Historical issues], 2008, no 7, pp. 3—25.
3. Karpov Yu.Yu. Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoi periferii v 20—30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i reshenii [National policy of the Soviet state in the North Caucasus periphery in the 1920s-30s: Evolution of problems and solutions], Saint-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2017, 400 p.
4. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovitskaya T.Yu., Tikhonov V.V. *Sovetskii natsional'nyi projekt v 1920—1940-e gody: ideologiya i praktika* [The Soviet National Project in the 1920s and 1940s: Ideology and Practice], Moscow, Novyi khronograf, 2021, 576 p.
5. Kadio Zh. Kak uporyadochivali raznoobrazie: spiski i klassifikatsii natsional'nostei v Rossiiskoi imperii i v Sovetskom Soyuze (1897—1939 gg.) [How diversity was ordered: lists and classifications of nationalities in the Russian Empire and the Soviet Union (1897—1939)], *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2002, no. 4, pp. 177—206.
6. Hirsch F. *Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2005, 367 p.
7. Remnev A.V. *Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX — nachala XX vv.: v poiskakh novykh teoreticheskikh podkhodov* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th and early 20th centu-

- ries: in search of new theoretical approaches], *Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th and early 20th centuries: in search of new theoretical approaches], 2013, 17 aprelya. Available at: <http://zaimka.ru/remnev-siberia/> (accessed: 19.01.2023).
8. Kul'chitskii St. Status titul'nykh natsii v psevdofederativnoi gosudarstvennoi strukture SSSR na etape sozdaniya sovetского stroya (1917—1938 gg.) [Status of the titular nations in the pseudo-federal state structure of the USSR at the stage of the creation of the Soviet system (1917-1938)], *materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920—1950-e gody* [Soviet nations and national policies in the 1920s and 1950s] (Kiev, 10—12 oktyabrya 2013 g.), Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2014, pp. 6—16.
 9. Suni R.G. Sovetskoe i natsional'noe: edinstvo protivorechii [Soviet and National: unity of contradictions], *Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920—1950-e gody* [Soviet and National: Unity of Contradictions], [Soviet Nations and National Politics in the 1920s–1950s] (Kiev, 10—12 oktyabrya 2013 g.). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya ; Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina, 2014. S. 17—40.
 10. Baldano M.N., Bashkuev V.Yu., Varnavskii P.K., Kirichenko S.V., Plekhanova A.M., Soboleva A.N., Khomyakov S.V.; Bazarov B.V. (ed.), Interiorizatsiya sovetskoi modeli v traditsionnykh soobshchestvakh Buryat-Mongolii (1920—1930 gg.) [The interiorisation of the Soviet model in traditional Buryat-Mongolian communities (1920–1930)], Irkutsk, Ottisk, 2021, 416 p.
 11. Golubev A.A. Sovetskii chelovek v futlyare i vne ego [The Soviet man in and out of the box], *Novoe proshloe The new past*, 2021, no. 4, pp. 238—247.
 12. Devid-Foks M. Peresekaya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union], Moscow, NLO, 2020, 464 p.
 13. Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category, *Ab Imperio*, 2002, no. 2, pp. 91—105.
 14. Dennykh V. V teni “Bol'shogo brata”: zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917—1938 gg. [In the Shadow of Big Brother: Western National Minorities in the USSR, 1917–1938], Moscow, ROSSPEN, 2011, 726 p.

Информация об авторе

Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Information about the author

Dina A. Amanzholova — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 09.12.2022; approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 30—36.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):30—36.

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК 329.021.7(4/0.44/47)(043.3)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-30-36

Захват большевиками власти в Саратове в конце 1917 г.: современное видение

Аркадий Адольфович Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования вооруженных сил большевистского переворота в Саратове в октябре 1917 г. за счет целенаправленной деятельности большевиков, получившей название «военно-боевая работа». Военная работа заключалась в привлечении 60-тысячного саратовского гарнизона на свою сторону. Боевая работа вела к созданию специальных красногвардейских рабочих отрядов на предприятиях, ставших, по оценкам советской историографии, главной ударной силой переворота. На примере революционных событий 1917 г. в Саратове автор показывает несостоятельность тезиса советской историографии о Красной гвардии как главной ударной силе большевиков по захвату власти и доказывает, что основную роль в победе большевиков сыграла большевизированная антивоенной пропагандой многочисленная солдатская масса тыловых гарнизонов русской армии.

Ключевые слова: октябрьский переворот, Саратов, вооруженные силы, военный гарнизон, красногвардейские отряды

Для цитирования: Герман А. А. Захват большевиками власти в Саратове в конце 1917 г.: современное видение // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 30—36. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-30-36.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

Seizure of power by the Bolsheviks in Saratov at the end of 1917: a modern vision

Arkadiy A. German

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Abstract. The article examines the process of formation of the armed forces of the Bolshevik coup in Saratov in October 1917 г. due to the purposeful activity of the Bolsheviks, called “military combat work”. Military work consisted in attracting the 60,000th Saratov garrison to their side. Combat work led to the creation of special Red Guard work detachments at enterprises, which, according to Soviet historiography, became the main striking force of the coup. On the example of the revolutionary events of 1917 in Saratov, the author shows the inconsistency of the thesis of Soviet historiography about the Red Guard as the main striking force of the Bolsheviks in seizing power and proves that the main role in the victory of the Bolsheviks was played by the large mass of soldiers in the rear garrisons of the Russian army, promoted by Bolshevik anti-war propaganda.

Keywords: October coup, Saratov, armed forces, military garrison, Red Guard detachments

For citation: German A.A. Seizure of power by the Bolsheviks in Saratov at the end of 1917: a modern vision. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):30—36. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-30-36.

Важнейшей составляющей деятельности большевиков по захвату власти как в столицах, так и в провинции являлась военно-боевая работа. Военная работа состояла в революционной агитации в воинских частях и перетягивании их личного состава на свою сторону. Боевая работа была направлена на создание специально обученных и подготовленных к ведению боевых действий рабочих отрядов (Красной гвардии), которые должны были стать ударной силой в период захвата власти.

Этой работой большевики начали заниматься еще в годы Первой русской революции. Однако после ее поражения она практически прекратилась. Февральская революция создала благоприятные условия для возрождения этой работы. В. И. Ленин по приезде в Россию в своем выступлении с броневика на Финляндском вокзале, а потом в «Апрельских тезисах» и других работах, провозгласив курс на социалистическую революцию, обозначил и задачи по созданию вооруженных сил этой революции в России [1, с. 114 ; 2, с. 266—267 ; 3, с. 11]. Поставленные задачи реализовывались и в Саратове.

В 1917 г. Саратов был крупнейшим городом Поволжья. Однако фабрично-заводская промышленность здесь не получила широкого развития, а значит, и рабочего класса, на который могли бы опираться большевики, было не так уж и много. Несмотря на то, что в годы войны в Саратов были эвакуированы механический завод «Титаник» из Риги, завод «Жесть» из Ревеля и некоторые другие предприятия, это не привело к существенному увеличению рабочего класса. Всего в Саратове в 1917 г. насчитывалось 95 предприятий с общим количеством рабочих около 12 тыс. человек, при этом на 60-ти из них численность рабочих не превышала 100 человек. Предприятий с числом рабочих свыше 300 было всего 8. В городе было много ремесленников и кустарей. В целом Саратов был больше торговым, чем промышленным городом. Это создавало определенные затруднения при проведении боевой работы [4, л. 91].

Такая социально-экономическая обстановка позволила делегату VI съезда РСДРП(б) от саратовской организации М. И. Васильеву-Южину в своем выступлении на съезде отнести Саратов к городам мелкобуржуазного характера. «Такой же чисто мелкобуржуазный характер имеет большинство уездных и губернских городов Поволжья», — отмечал он. Из этого М. И. Васильев-Южин делал вывод, что условия для партийной работы в Поволжье были «крайне неблагоприятными» [5, с. 91].

В то же время Саратовское Поволжье являлось частью Казанского военного округа. Это был самый крупный округ в России. Он охватывал все губернии Поволжья и Урала, т. е. около четверти территории европейской России, а также значительную часть нынешнего Казахстана (в то время — Тургайская область). Численность военнослужащих в округе на 8 марта 1917 г. составляла 690 830 человек. В Саратовской губернии насчитывалось свыше 170 тыс. военнослужащих, т. е. почти четвертая часть военнослужащих округа. Концентрация войск в Саратовском Поволжье была одной из самых высоких в России, что давало большевикам надежду на успех своей военной работы.

Непосредственно саратовский гарнизон насчитывал около 60 тыс. человек, гарнизон Царицына — свыше 30 тыс., гарнизоны Вольска, Петровска — свыше 15 тыс., Балашова, Кузнецка — свыше 10 тыс., гарнизоны Аткарска, Камышина, Николаевска, Новоузенска — свыше 5 тыс.

Основу саратовского гарнизона составляли части 14-й пехотной запасной бригады (90-й, 91-й, 92-й пехотные полки, 3-й и 4-й пулеметные полки). Кроме того, в состав гарнизона входила 692-я пешая саратовская дружина, 1-я особая сотня Астраханского казачьего полка, 4-я запасная артиллерийская бригада и ряд других артиллерийских частей, школа прапорщиков [6, л. 16—49 ; 7, л. 3—34 ; 8—13].

Динамику численности войск в Нижнем Поволжье в течение 1917 г. можно хорошо проследить по изменению численного состава пехотных запасных бригад, так как именно в этих бригадах была сосредоточена основная масса солдат. Собранные нами данные показывают, что до июня численный состав бригад поддерживался примерно на одном уровне. Однако осуществленное Временным правительством неудачное наступление на фронте потребовало отправки туда большого количества солдат. Восполнить же численность бригад до прежнего уровня уже не представлялось возможным ввиду истощения резервов. Таким образом, численность войск в Нижнем Поволжье к октябрю 1917 г. заметно уменьшилась. Вполне естественно, что многотысячные гарнизоны, расположенные в городах и поселках Нижнего Поволжья, оказывали существенное влияние на политическую обстановку в них. Особенно характерно это было для непролетарских центров, где численность солдат во много раз превосходила количество промышленных рабочих. Даже в губернских городах и таком крупном промышленном центре, как Царицын, число солдат в два и более раз превышало численность рабочих [12, л. 223—224, 566 ; 14, л. 49—50, 250—251].

В Саратове действовало семь сводных эвакогоспиталей, две команды выздоравливающих, где находилось большое количество раненых солдат и офицеров, эвакуированных из частей действующей армии, прошедших суровую школу кровавых боев и окопных лишений, а потому не имевших особого желания возвращаться на фронт. Не случайно, что именно эвакуированные принимали наиболее активное участие во всех революционных событиях 1917 г. [15, с. 38, 40, 42, 47]

Февральская революция в Саратове и губернии победила быстро и практически бескровно. Этому способствовал решительный переход многотысячных вооруженных солдатских масс на сторону революции. Спротивляться этой силе было бессмысленно и бесполезно. В первые послереволюционные месяцы большая часть рабочего класса находилась под влиянием меньшевиков, а солдаты поголовно шли за эсерами. Однако постепенно большевики усиливали свое влияние и на рабочих, и на солдат.

Первоначально боевая работа большевиков была направлена на создание рабочей милиции, которая заменяла бывшую полицию и занималась поддержанием общественного порядка в городе и охраной предприятий. Однако милиция была переведена под контроль городского исполнительного комитета, а состав милиции стал формироваться в основном за счет выздоравливающих солдат. В отличие от городской милиции, фабрично-заводская поддерживала большевиков, что позволило им с лета на предприятиях, где они смогли укрепиться и влиять на рабочих, приступить к созданию отрядов Красной гвардии [16 ; 17, с. 7—9, 11 ; 18, л. 1, 4 ; 19, л. 13—13об. ; 20 ; 21, с. 13].

25 апреля состоялось первое организационное собрание военной группы РСДРП(б), которая вскоре преобразовалась в военную организацию. С ее появлением работа большевиков в воинских частях значительно активизировалась. На агитационно-пропагандистскую работу в войсках большевики выделяли своих самых лучших ораторов. В Саратове у солдат неизменным успехом пользовались выступления М. И. Васильева-Южина, В. П. Антонова-Саратовского, П. А. Лебедева и др. Активно работали члены военной организации большевиков солдаты Д. И. Вассальго, М. Долгов, Т. С. Хве-

син, Шелухин, офицеры В. Н. Соколов, П. Г. Кеброз, Осипов, Пестряев. Активно распространялись большевистские газеты, листовки, брошюры.

К лету авторитет большевиков в воинских частях заметно вырос, им удалось провести ряд успешных акций и настроить заметную часть солдат против летнего наступления на фронте. Одним из первых гарнизонов, где большевики взяли верх, стал Николаевский, высокий авторитет был у большевиков в Царицыне. В Саратове процесс большевизации гарнизона шел существенно медленнее [20 ; 22—34 ; 35, с. 76].

После июльских событий позиции большевиков в Саратове заметно ухудшились, а военно-боевая работа на какое-то время была даже заморожена. Однако большевики поддерживали и разогревали любое недовольство солдат, в частности нежелание эвакуированных возвращаться на фронт, и таким образом постепенно приобретали их поддержку. Особенно быстро большевизация гарнизона началась после разгрома корниловского выступления.

Поражение корниловцев изменило ситуацию, что позволило городскому комитету РСДРП(б) 4 сентября сообщить в ЦК партии о том, что настроение рабочих и солдат изменилось в пользу партии пролетариата в совете победила линия большевиков [36]. Большевики провели в Совете резолюцию о вооружении рабочих и создании рабочих дружин и отрядов. В сентябре на выборах саратовского Совета большевики получили большинство мест. Началась подготовка к захвату власти.

Шло обучение отрядов Красной гвардии, различными путями для нее добывалось оружие. Постепенно большевики вытесняли эсеров из всех комитетов воинских частей. 7 сентября на Московской площади состоялся грандиозный черырехтысячный митинг представителей всех шести полков саратовского гарнизона (90-го, 91-го, 92-го, 141-го пехотных, 3-го и 4-го пулеметных). Председателем митинга был избран солдат-большевик М. Долгов. На митинге была принята политическая резолюция, в которой солдаты выдвинули требования отставки Временного правительства, перехода власти в руки Советов, выборности всего командного состава, сохранения оружия на руках у солдат. Это говорило о том, что большинство солдат уже разделяло политические взгляды большевиков [33 ; 37, л. 173 ; 38, л. 116, 242].

После перевыборов саратовского Совета и победы большевиков места в военной секции Совета распределились следующим образом: большевики — 156, эсеры — 60, меньшевики — 4. 20 сентября состоялись выборы президиума военной секции. В президиум было избрано десять большевиков и пять эсеров. Председателем военной секции Совета был избран большевик подпоручик В. Н. Соколов [39].

Важное значение для подготовки вооруженного восстания в Поволжье имел 3-й областной съезд Советов, проходивший в Саратове 15—16 октября 1917 г. под председательством большевика Н. П. Теплова. Основным докладчиком по текущему моменту выступил руководитель царицынских большевиков Я. З. Ерман, незадолго до этого прибывший из Петрограда. Выполняя поручение ЦК РСДРП(б), он в своем докладе четко проводил линию на немедленную подготовку вооруженных сил для захвата власти. В докладе указывалось, что «о власти нельзя говорить только резолюциями, теперь настал момент, когда мирно этот вопрос разрешен быть не может» [15, с. 212—213].

К концу октября большевикам удалось создать в Саратове значительный перевес в военных силах над сторонниками Временного правительства. За большевиками шло значительное большинство гарнизона, насчитывавшего в то время свыше 65 тыс. человек. Наиболее надежной опорой большевиков были солдаты пулеметных полков и артиллеристы, т. е. большевики обладали еще и значительным военно-техническим превосходством

над своим противником. Что касается Красной гвардии, то она насчитывала всего 1 700 бойцов [40, л. 9 ; 41, л. 50].

Сторонники Временного правительства в борьбе с большевиками рассчитывали прежде всего на юнкеров саратовской школы прапорщиков, незначительную часть солдат (в основном 91-го полка, где немало солдат еще поддерживало эсеров), офицерство, часть городской милиции и своих активных сторонников среди гражданского населения города. При таком соотношении сил и решительности каждой из сторон перспектива мирного перехода власти к Совету становилась невозможной. Вооруженной борьбы, хоть и кратковременной, в городе избежать не удалось. Решающую роль в победе большевиков сыграло многократное численное превосходство вооруженных солдатских масс, выступивших на их стороне. Аналогичная ситуация сложилась в Петрограде и большинстве губернских центров России.

Представляется, что роль недовольных своим положением солдатских масс, вставших на сторону экстремистов, стала решающим фактором свержения законной власти в крупных городах России в 1917 г.

Список источников

1. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. М. : Изд-во полит. лит., 1969. С. 113—118.
2. Ленин В. И. Солдаты и земля // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 266—267.
3. Ленин В. И. К лозунгам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10—17.
4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 5.
5. Шестой съезд РСДРП (большевиков), август 1917 года : протоколы. М. : Госполитиздат, 1958. XII + 488 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1471.
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2336.
8. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 228.
9. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 230.
10. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 288.
11. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 360.
12. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 364.
13. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 365.
14. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 363.
15. Октябрь в Поволжье. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. 611 с.
16. Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов (Саратов). 1917. 6 марта.
17. Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918) : сб. док. М. ; Л. : Госиздат, 1931. XII, 793, [2] с.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 2. Д. 106.
19. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 30.
20. Социал-демократ (Саратов). 1917. 28 сент.
21. 1917 год в Саратове : [сб. ст.]. Саратов : Истпартотдел ГК ВКП(б), 1927. 104 с.
22. Социал-демократ (Саратов). 1917. 8 июня.
23. Социал-демократ (Саратов). 1917. 11 июня.
24. Социал-демократ (Саратов). 1917. 16 июня.
25. Борьба (Царицын). 1917. 4 июня.
26. Борьба (Царицын). 1917. 5 июня.
27. Борьба (Царицын). 1917. 13 июня.
28. Борьба (Царицын). 1917. 22 июня.
29. Саратовский вестник (Саратов). 1917. 6 июня.
30. Саратовский вестник (Саратов). 1917. 6 июля.
31. Саратовский вестник (Саратов). 1917. 17 авг.
32. Саратовский вестник (Саратов). 1917. 26 авг.
33. Пролетарий Поволжья (Саратов). 1917. 16 сент.
34. Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов (Саратов). 1917. 16 июля.
35. За власть Советов: воспоминания участников революционных событий 1917 года в Саратовской губернии. Саратов : Кн. изд-во, 1957. 247 с.
36. Социал-демократ (Саратов). 1917. 5 сент.

37. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 5. Д. 51.
38. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 166.
39. Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов (Саратов). 1917. 26 сент.
40. ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 35.
41. ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 19.

References

1. Lenin V.I. O zadachakh proletariata v dannoi revolyutsii [On the tasks of the proletariat in this revolution], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, ed. 5, vol. 31, Moscow, Publ. polit. lit., 1969, pp. 113—118.
2. Lenin V.I. Soldaty i zemlya [Soldiers and the land], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 31, pp. 266—267.
3. Lenin V.I. K lozungam [To the slogans], *Lenin V.I. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]*, vol. 34, pp. 10—17.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti (GASO) [State Archive of Saratov Region (GASO)], coll. 521, aids 1, fol. 5.
5. Shestoi s"ezd RSDRP (bol'shevikov), avgust 1917 goda: protokoly [Sixth Congress of the RSDLP (Bolsheviks), August 1917], Moscow, Gospolitizdat, 1958, XII + 488 p.
6. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)], coll. 2000, aids 3, fol. 1471.
7. RGVIA [RGVIA], coll. 2000, aids 2, fol. 2336.
8. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 2, fol. 228.
9. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 2, fol. 230.
10. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 3, fol. 288.
11. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 3, fol. 360.
12. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 3, fol. 364.
13. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 3, fol. 365.
14. RGVIA [RGVIA], coll. 1720, aids 3, fol. 363.
15. Oktyabr' v Povolzh'e [October in the Volga region], Saratov, Privolzh. kn. Publ., 1967, 611 p.
16. Izvestiya Saratovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov (Saratov) [Proceedings of the Saratov Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies (Saratov)], 1917, 6 marta.
17. Saratovskii Sovet rabochikh deputatov (1917—1918) [Saratov Council of Workers' Deputies (1917—1918)], Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1931, XII, 793, [2] p.
18. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. 1791, aids 2, fol. 106.
19. GARF [GARF], coll. 1791, aids 1, fol. 30.
20. Sotsial-demokrat (Saratov) [Social Democrat (Saratov)], 1917, 28 sent.
21. 1917 god v Saratove [1917 in Saratov], Saratov, Istpartotdel GK VKP(b), 1927, 104 p.
22. Sotsial-demokrat (Saratov) [Social Democrat (Saratov)], 1917, 8 iyunya.
23. Sotsial-demokrat (Saratov) [Social Democrat (Saratov)], 1917, 11 iyunya.
24. Sotsial-demokrat (Saratov) [Social Democrat (Saratov)], 1917, 16 iyunya.
25. Bor'ba (Tsaritsyn) [Fighting (Tsaritsyn)], 1917, 4 iyunya.
26. Bor'ba (Tsaritsyn) [Fighting (Tsaritsyn)], 1917, 5 iyunya.
27. Bor'ba (Tsaritsyn) [Fighting (Tsaritsyn)], 1917, 13 iyunya.
28. Bor'ba (Tsaritsyn) [Fighting (Tsaritsyn)], 1917, 22 iyunya.
29. Saratovskii vestnik (Saratov) [Saratovskiy Vestnik (Saratov)], 1917, 6 iyunya.
30. Saratovskii vestnik (Saratov) [Saratovskiy Vestnik (Saratov)], 1917, 6 iyulya.
31. Saratovskii vestnik (Saratov) [Saratovskiy Vestnik (Saratov)], 1917, 17 avg.
32. Saratovskii vestnik (Saratov) [Saratovskiy Vestnik (Saratov)], 1917, 26 avg.
33. Proletarii Povolzh'ya (Saratov) [Proletarian of the Volga Region (Saratov)], 1917, 16 sent.
34. Izvestiya Saratovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov (Saratov) [Proceedings of the Saratov Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies (Saratov)], 1917, 16 iyulya.
35. Za vlast' Sovetov : vospominaniya uchastnikov revolyutsionnykh sobytii 1917 goda v Saratovskoi gubernii [For the Power of the Soviets : memoirs of participants in the revolutionary events of 1917 in the Saratov province], Saratov, Kn. Publ., 1957, 247 p.
36. Sotsial-demokrat (Saratov) [Social Democrat (Saratov)], 1917, 5 sent.
37. GARF [GARF], coll. 1791, aids 5, fol. 51.
38. GARF [GARF], coll. 1791, aids 6, fol. 166.
39. Izvestiya Saratovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov (Saratov) [Proceedings of the Saratov Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies (Saratov)], 1917, 26 sent.
40. GASO [GASO], coll. 521, aids 1, fol. 35.
41. GASO [GASO], coll. 521, aids 1, fol. 19.

Информация об авторе

Герман Аркадий Адольфович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, Саратов, Российская Федерация. E-mail: a.a.german@mail.ru

Information about the author

Arkady A. Herman — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Historiography, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Institute of History and International Relations, Saratov, Russian Federation. E-mail: a.a.german@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК [94+356/357](470.44)|1919|
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-37-45

Боевые действия 23-й стрелковой дивизии 9-й армии Юго-Восточного фронта Красной Армии в районе реки Хопер в начале ноября 1919 г.

Сергей Владимирович Гнидо

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, gsv.1996@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится обзор операций 23-й стрелковой дивизии в районе реки Хопер в начале ноября 1919 г. В это время на войсках Юго-Восточного фронта лежала ответственная задача — не допустить прорыва деникинцев во фланг и тыл наступавших соединений на Южном фронте. После нанесения стремительного удара красных частей во фланг вражеской группировки, вышедшей к этому времени в район Поворино — Борисоглебск — Новохоперск, силы белых на поворинском направлении были подорваны. Опасаясь за свой тыл, противник 1 ноября поспешно оставил станцию Поворино и начал отходить к реке Хопер. Реввоенсоветом Юго-Восточного фронта была поставлена задача: преследовать отходящего противника и в кратчайший срок выйти к реке Хопер. Действия войск Юго-Восточного фронта, и в частности 23-й стрелковой дивизии 9-й армии, обеспечивали условия для развития успехов армий Южного фронта и в первую очередь 8-й армии и Конного корпуса Буденного. В статье делается вывод о том, что действия войск Юго-Восточного фронта сковали крупную группировку противника, не допустили переброски сколько-нибудь значительных сил Донской армии на помощь наступающей на Украине Добровольческой армии и соединения деникинцев с уральскими белозаказами.

Ключевые слова: Юго-Восточный фронт, 9-я армия, 23-я стрелковая дивизия, В. И. Шорин, Н. К. Степанятов, Н. Е. Суглицкий

Для цитирования: Гнидо С. В. Боевые действия 23-й стрелковой дивизии 9-й армии Юго-Восточного фронта Красной Армии в районе реки Хопер в начале ноября 1919 г. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 37—45. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-37-45.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

Combat operations of the 23rd Infantry Division of the 9th Army of the South-Eastern Front of the Red Army in the area of the Khoper River in early November 1919

Sergey V. Gnido

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, gsv.1996@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the operations of the 23rd Rifle Division in the area of the Khoper River in early November 1919. At that time, the troops of the

South-Eastern Front had a responsible task — to prevent the Denikinists from breaking into the flank and rear of the advancing formations on the Southern Front. After delivering a swift strike by the Red units on the flank of the enemy grouping, which by this time had reached the Povorino-Borisoglebsk-Novokhopersk area, the White forces in the Povorino direction were undermined. Fearing for their rear, the enemy hurriedly left the Povorino station on November 1 and began to retreat to the Koper River. The Revolutionary Military Council of the South-Eastern Front was tasked with pursuing the retreating enemy and reaching the Koper River as soon as possible. The actions of the troops of the South-Eastern Front, and in particular the 23rd Infantry Division of the 9th Army, provided the conditions for the development of the successes of the armies of the Southern Front, and primarily the 8th Army and Budyonny's Cavalry Corps. The article concludes that the actions of the troops of the South-Eastern Front fettered a large enemy grouping, and they did not allow the transfer of any significant forces of the Don Army to help the Volunteer Army advancing in Ukraine and the formation of Denikin's troops with the Ural White Cossacks.

Keywords: South-Eastern Front, 9th Army, 23rd Rifle Division, V.I. Shorin, N.K. Stepanyatov, N.E. Suglitsky

For citation: Gnido S.V. Combat operations of the 23rd Infantry Division of the 9th Army of the South-Eastern Front of the Red Army in the area of the Koper River in early November 1919. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):37—45. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-37-45.

Боевые действия 23-й стрелковой дивизии, входившей в состав 9-й армии Юго-Восточного фронта, в начале ноября 1919 г. являются одним из эпизодов Гражданской войны, которые до сегодняшнего дня почти не исследованы. Даже общие упоминания о 23-й стрелковой дивизии присутствуют буквально в единичных работах [1—4]. Едва ли не единственной работой, где можно почерпнуть некоторую более или менее конкретную информацию о боевых действиях 23-й стрелковой дивизии, является монография К. В. Агуреева 1968 г. [5]

В последующие годы и десятилетия интерес к научным исследованиям Гражданской войны в регионах, в том числе в Нижнем Поволжье, фактически исчез. Между тем неизвестная до сих пор региональная обстановка позволяет существенно дополнить и уточнить общую картину Гражданской войны в России, исход которой определил дальнейший путь развития страны.

Следует отметить, что в краевых и областных архивах содержатся материалы, отражающие региональные особенности Гражданской войны, до настоящего времени во многом не введенные в научный оборот. Отмеченное напрямую относится к теме заявленной статьи, построенной на не использовавшихся ранее исследователями материалах Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) [6].

Известно, что общее наступление вооруженных сил юга России (ВСЮР) под командованием генерала А. И. Деникина на Москву, начавшееся в середине сентября 1919 г., примерно через месяц захлебнулось. Свыше двух недель между противниками шли тяжелые бои с переменным успехом. С 12 октября соединения Красной Армии перешли в контрнаступление.

К началу ноября 1919 г. в районе реки Хопер для частей Красной армии сложилась довольно непростая обстановка. Здесь против них действовала Донская армия (командующий — генерал В. И. Сидорин), включавшая 1-й, 2-й и 3-й Донские корпуса общей численностью 18,6 тыс. штыков и 17,5 тыс. сабель [1, с. 167]. Деникин, опасаясь удара со стороны Воронежа, приказал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, сосредоточить сильную группировку на левом фланге на участке Воронеж — Лиски, создать маневренную кавалерийскую оперативную группу, которой предстояло в дальнейшем прорвать оборону 9-й армии Юго-Восточного фронта на павловском, новохоперском и архединском направлениях и овладеть Балашовом. По замыслу в результате данного прорыва должны были быть разобщены смежные фланги Южного и Юго-

Восточного фронтов, что привело бы к нарушению стратегического взаимодействия между фронтами, окружению и уничтожению 9-й армии и обеспечению беспрепятственного продвижения главных сил Добровольческой армии на Москву [1, с. 168].

План командования белых по прорыву к Балашову не был тайной для командующего Юго-Восточным фронтом Красной Армии В. И. Шорина. Чтобы парировать удар противника, он потребовал от 9-й армии (командующий — А. К. Степинь, начальник штаба — А. А. Душкевич, члены военного совета — Н. А. Анисимов, В. В. Кураев, А. Г. Белобородов) остановить продвижение противника на рубеже устье реки Икорец — Бутурлиновка — Успенская — восточный берег реки Хопер, вплоть до станицы Арчединской [1, с. 181]. Численный и боевой состав белогвардейских войск значительно превосходил силы противостоящей им 9-й армии (табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Боевой и численный состав 9-й армии Юго-Восточного фронта
(1 ноября 1919 г.) [7]**
*The combat and strength of the 9th Army of the South-Eastern Front
(November 1, 1919) [7]*

Подразделения 9-й армии	Личный состав, в том числе		Основное вооружение, в том числе	
	штыки	сабли	орудия	пулеметы
14-я стрелковая дивизия	724	—	17	36
21-я стрелковая дивизия	1 775	65	12	42
22-я стрелковая дивизия	4 122	341	32	94
23-я стрелковая дивизия	3 962	—	27	124
36-я стрелковая дивизия	2 215	139	25	143
56-я стрелковая дивизия	—	—	32	44
Кавалерийская дивизия Блинова	—	898	—	30
Итого	12 798	1 443	145	513

Таблица 2

**Боевой и численный состав войск, противостоявших Юго-Восточному фронту
(1 ноября 1919 г.) [7, с. 500]**
*The combat and numerical strength of the troops that opposed the South-Eastern Front
(November 1, 1919) [7, p. 500]*

Направление наступления	Боевой состав, в том числе				Личный состав, в том числе		Вооружение и техника, в том числе				
	пехотные дивизии	кавалерийские дивизии (бригады)	батальоны	эскадроны	штыки	сабли	орудия (в том числе тяжелые)	пулеметы	бронепоезда	самолеты, гидропланы	танки, броневики
Новохоперское	—	2	—	76	3 500	7 950	45	246	—	—	—
Усть-Бузулукское	1	2	—	32	2 300	3 250	37	155	—	—	—
Усть-Медведицкое	1	—	—	—	7 900	2 030	13	104	—	—	—
Царицынское	1	7	—	—	11 250	6 750	95	315	7	17	8
Черноярское	—	1	—	—	3 280	2 350	20	91	—	7	2
Кизлярское	—	—	—	—	4 770	4 250	16	68	2	5	—
Красноярское	—	—	—	—	1 700	1 850	15	52	—	6	—
В тылу	—	1	—	—	600	400	—	—	—	—	—
Итого	3	13	—	108	35 300	28 830	241	1 031	9	35	8

Войска Юго-Восточного фронта, несмотря на все усилия, не смогли сдержать натиск противника, который прорвал оборону на правом фланге 9-й армии и 28 октября овладел Новохоперском, а на следующий день — станцией Поворино. В результате создалась угроза Балашову, до которого оставалось около 80 км. Положение спас удар Сводного конного корпуса Б. М. Думенко и конной группы М. Ф. Блинова, нанесенный из района северо-восточнее Новохоперска во фланг и в тыл главным силам Донской армии. Стремясь избежать окружения, противник вынужден был начать отход, и 2 ноября войска Красной Армии освободили Поворино [1, с. 181].

Под натиском противника правофланговые части 9-й армии Юго-Восточного фронта все же вынуждены были несколько отойти. К 28 октября они находились на линии Новохоперск — Филоновская — Арчединская — река Медведица, в 45 км северо-восточнее Усть-Медведицкой. Образовавшийся между 8-й армией Южного фронта и 9-й армией Юго-Восточного фронта разрыв при дальнейшем продвижении 8-й армии мог еще больше увеличиться. Создавалась угроза удара противника во фланг 8-й армии и выхода его в тыл Южного фронта. На войсках Юго-Восточного фронта лежала ответственная задача — не допустить прорыва деникинцев во фланг и в тыл наступающих соединений Южного фронта [2, с. 276].

В конце октября 23-я стрелковая дивизия¹ 9-й армии занимала позиции по линии Алексиково — Фомин. На тот момент оперативная связь со штабом 9-й армии, ее соединениями и частями практически отсутствовала. Батальон связи 23-й стрелковой дивизии проделал большую работу по ее восстановлению. Был проложен полевой кабель со станции Залесянка на станцию Поляна (расстояние 70 верст). Работы проводились при ненастной погоде и сильном ветре, это был очень тяжелый труд, но все же, хотя и не очень качественная, связь была налажена. После занятия красными станции Поворино 2 ноября батальон связи 23-й стрелковой дивизии в авральном режиме продолжил свою работу. От Поворино до Алексиково (27 км) было восстановлено 26 столбов и исправлено 40 порывов, а от Алексиково до Урюпинской (36 км) восстановлено 16 столбов.

Тем не менее из-за перебоев связи приказ по 9-й армии № 3816/с от 2 ноября был получен командованием 23-й стрелковой дивизии с опозданием на сутки [6, л. 26]. Приказом предписывался переход в наступление, преследование отходящих частей Донской армии и недопущение их беспрепятственного отхода за реку Хопер. В целом же 9-й армии было приказано выйти на реку Хопер от Новохоперска до устья реки Кумылга [9, с. 446]. По этому приказу 23-й стрелковой дивизии необходимо было взять под контроль район Михайловская — Правоторовская, занимая все переправы через реку Хопер [6, л. 26—27].

4 ноября 1-й полк 23-й кавбригады и 1-й полк 14-й кавбригады конной группы М. Ф. Блинова вошли в станицу Михайловская [10, с. 58]. 5 ноября станицы Михайловская и Урюпинская были заняты 2-й бригадой 23-й стрелковой дивизии [2, с. 277]. Приказом по армии от 6 ноября № 3866/с соединениям и частям 9-й армии предписывалось переправиться на правый берег реки Хопер и продолжать преследование противника, имея задачей выход на реку Дон.

Конному корпусу Б. М. Думенко, который с 24 часов 5 ноября в оперативном отношении передавался в подчинение командующему 9-й армией, приказывалось уничтожить группировку противника на левом берегу реки Хопер в районе Правоторовской и, продолжая преследование в общем направлении на Воробьевку, наносить удар в тыл противнику с целью ока-

¹ В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» [8, с. 171] в период с февраля по 29 ноября 1919 г. начальником дивизии ошибочно назван Н. Е. Суглицкий. В обнаруженных в архиве документах 23-й дивизии [6] Н. Е. Суглицкий значится ее комиссаром. Начальником дивизии по всем боевым документам проходит Н. Е. Степанятов.

зять содействие переходу в решительное наступление левому флангу 8-й и правому флангу 9-й армий [9, с. 447].

К этому времени 2-й бригаде 23-й стрелковой дивизии, как наиболее подготовленной, поручили охрану и оборону самого опасного участка — правого фланга 9-й армии. Бригада, расположившаяся по линии Михайловская — Котовская — Урюпинская, держала полки в наивысшей боевой готовности и занимала переправы отрядами конной разведки и отдельными подразделениями.

3-я бригада 23-й стрелковой дивизии занимала менее опасный район в окрестностях станицы Петровская, охраняя Тепининскую переправу. Кроме того, приказом начальника 23-й дивизии Н. К. Степанятова ей была поставлена задача создать боевой резерв для возможной поддержки других бригад.

1-я бригада 23-й стрелковой дивизии получила приказ во что бы то ни стало занять станицу Провоторскую, где, по показаниям пленных офицеров, противник сосредоточил одну из сильнейших пластунских бригад с хорошо вооруженным и обмундированным личным составом. В частности, известно, что один из ее полков имел 37 пулеметов разных систем и 12 орудий. Общая численность пластунской бригады доходила до 900 человек.

Бой за Провоторскую длился два дня. Полки 1-й бригады 23-й стрелковой дивизии в тяжелом кровопролитном бою уничтожили почти весь 2-й полк пластунской бригады противника (по показаниям пленных офицеров) и с помощью подоспевшей на помощь Горской бригады корпуса Б. М. Думенко взяли в плен весь 1-й полк противника со всеми его пулеметами. Уйти удалось немногим (около 25 человек).

Однако белоказаки не сдавались. В ходе описанных выше боев в станице Михайловской ими была уничтожена застава 2-й бригады 23-й дивизии (состав засады — две роты 204-го полка), а 306-я дивизия и кавалерийская группа М. Ф. Блинова были оттеснены на хутор Большинский. Из содержания приказа командующего 9-й армией А. К. Степиня видно, что бригада М. Ф. Блинова понесла большие потери и в существенной мере утратила боеспособность. Такой вывод напрашивается из формулировки приказа, где М. Ф. Блинову предписывалось «срочно искать и собирать свои части».

Тем не менее, несмотря на отмеченные обстоятельства, командарм приказал начальнику 23-й дивизии совместно с группой М. Ф. Блинова восстановить утраченные в ходе предыдущих боев позиции.

Проанализировав ход прошедших боевых действий, начальник 23-й дивизии Н. К. Степанятов пришел к выводу, что его дивизии противостоит довольно сильная группировка противника [6, л. 27]. Однако ни дополнительного вооружения, ни личного состава он не получил. Обращение к М. Ф. Блинову за помощью тоже не принесло результата.

С учетом всех отмеченных обстоятельств в первую линию наступления была выдвинута 2-я бригада, полки 1-й бригады охраняли все переправы (главные из них — Котовская и Урюпинская) и выполняли роль оперативного резерва. 3-я бригада находилась в основном резерве. Штаб дивизии был переведен на станцию Ярыженская, а сам начдив с военным комиссаром Н. Е. Суглицким поехал на фронт 2-й бригады, опасаясь сильного сопротивления противника и планируя своевременно оказать ей необходимую поддержку.

По донесениям Н. Е. Суглицкого, во время их следования в Урюпинскую была слышна сильная ружейная и пулеметная стрельба, сопровождавшаяся орудийным огнем. По приезде в Урюпинскую начдив приказал немедленно выдвинуть на всякий случай один батальон к заводам, расположенным по линии железной дороги.

Через некоторое время к ним приехал конный разведчик и донес, что конная разведка, охранявшая станицу Котовскую, покинула ее, потеснен-

ная двумя сотнями противника. При этом удалось взять пленного. Из его допроса была получена информация, что Котовскую заняли подразделения 2-го отдельного Донского корпуса П. И. Коновалова, причем бои ведет 5-я кавалерийская бригада численностью в три полка по 800—900 сабель в каждом. В этом же районе оказались сосредоточены 4-я и 6-я бригады Донского корпуса.

Чуть позже прибывший конный 2-й бригады 23-й дивизии сообщил, что 203-й и 204-й полки окружены противником, зашедшим с флангов. Потеряно шесть орудий. Охрана переправ Котлобанской и Крепновской в панике бежала [6, л. 28].

На основе полученной информации начдив отдал приказ: 3-й бригаде немедленно выдвинуться и поддержать 2-ю бригаду, 202-му полку с боем отходить на хутор Дьяконов. Сам Н. Е. Степанятов поехал в 3-ю бригаду на высоту у Петровской, чтобы видеть всю картину боя. В бинокль можно было наблюдать, как одна часть белой кавалерии гонится за отступающими обозами дивизии уже за линией железной дороги по направлению Акишин — Эронов и на Кухтин Красный. Вторая часть белых конников преследует отходящий 202-й полк, причем часть подразделений брошены на хутор Дьяконов, чтобы зайти в тыл 202-му полку и во фланг 3-й бригаде, сосредоточенной в районе станицы Петровской.

Командиру 3-й бригады 23-й стрелковой дивизии Я. М. Жигуру было приказано немедленно выдвинуть свои полки и занять высоты у Каменского, не дав противнику окружить отходящий 202-й полк. В дальнейшем 3-й бригаде предписывалось занять позицию по краю балки от села Ольшанки до хутора Дьяконова, где сосредоточился 202-й полк.

Приятным для начдива стало полученное в это время донесение о том, что 201-й полк при поддержке Горской бригады кавалерийского корпуса Б. М. Думенко разбили наголову 1-й пластунский полк Донской армии, взяв в плен до 600 человек. Далее Н. Е. Степанятов отправился в 1-ю бригаду, чтобы снять один из полков для поддержки фланга.

В дальнейшем в ходе непрерывных боев в ночь с 7 на 8 ноября начдив просил поддержки Горской бригады, беря всю ответственность на себя за снятие ее со станицы Провоторовской, желая использовать ее части для захвата станицы Акчеринский. Командир отказал в поддержке, ссылаясь на отсутствие связи с командиром корпуса Б. М. Думенко [6, л. 29].

С рассветом начдиву пришлось снять с позиций 200-й полк и послать его в хутор Акчеринский, чтобы он занял там позицию и в нужный момент оказал поддержку 202-му полку, ведя наступление на Дьяконов.

Утром 9 ноября командир 3-й бригады Я. М. Жигур сообщил начдиву, что перешел в наступление и занял северную окраину Ольшанки, вытеснил противника из Дьяконова и станицы Петровской. Б. М. Думенко, в тот же день приехавший в Правоторовскую, ознакомившись с ситуацией и вникнув в сложное положение 23-й стрелковой дивизии, отругал командира Горской бригады за неказание помощи ее начдиву. Он пообещал передать 23-й дивизии на время три бригады: одну бригаду по ту сторону реки Хопер и две бригады в помощь 3-й бригаде 23-й стрелковой дивизии, находившейся в самом тяжелом положении. Если бы этот маневр состоялся, то уже 10 ноября наступающие части 2-го отдельного Донского корпуса П. И. Коновалова могли бы быть остановлены, а возможно, и разгромлены.

Однако на рассвете 10 ноября по приказу № 0205 командующего 9-й армией А. К. Степиня корпус Б. М. Думенко обязан был переправиться на правую сторону реки Хопер и ударить по тылам противника [11, с. 519]. Начальнику 23-й дивизии все же удалось выпросить у Б. М. Думенко кавалерийский полк (в 300 сабель) для охраны своих флангов [6, л. 30].

В тот же день 10 ноября с утра противник повел кавалерийское наступление на станицу Петровскую, носившее, скорее, демонстративный харак-

тер (численность наступавших не превышала 150 сабель). Оно было легко отбито [6, л. 30], после чего несколько полков 23-й дивизии повели наступление на Урюпинскую. Однако, перейдя в контрнаступление, противник лобовым ударом разгромил 202-й полк у хутора Дьяконова, а затем фланговым ударом обрушился на полки 3-й бригады, смял их, захватив в плен значительное количество бойцов. Подошедшим конным полкам дивизии, включая полк, переданный Б. М. Думенко, удалось спасти все обозы, пулеметы и орудия 3-й бригады.

В это же время 200-й полк 1-й бригады, отбиваясь от окруживших его разездов, отошел на линию Акчеринский — Голованов. Конный полк бригады, отстреливаясь, начал отходить к Ольшанскому. Задержав его на высотах у хутора Ольшанского и получив поддержку конницей у Б. М. Думенко, 201-й полк совместно с конным полком, сопротивляясь, остановили противника до подхода кавалерийской бригады Д. П. Жлобы, которая в конном строю атаковала противника и отогнала его к исходным позициям [6, л. 31].

10 ноября главное командование спустило директиву Юго-Восточному фронту о подготовке к наступлению. В директиве говорилось, что основной задачей Юго-Восточного фронта остается нанесение удара по противнику в направлении Новочеркасска [2, с. 278].

11 ноября командующий Юго-Восточным фронтом В. И. Шорин приказом № 3920/с предписал командующему 9-й армией немедленно привести в порядок части 23-й дивизии, а затем перейти правым флангом дивизии в наступление с целью выйти на линию реки Хопер от Михайловской до Правоторовской [9, с. 448].

После получения приказа 12 ноября приступили к доформированию 2-й и 3-й бригад 23-й стрелковой дивизии, серьезно пострадавших в предыдущих сражениях. 1-я бригада занимала и удерживала участок хутора Дубовой, 200-й полк дислоцировался у хутора Менорвский. В это же время корпус Б. М. Думенко дислоцировался в станице Урюпинской [6, л. 31].

Пополнение бригад личным составом из обозных «босых» команд и случайно уцелевших не могло дать хороших результатов, это были наспех сколоченные, несплоченные части, морально и физически потрепанные. Времени на отдых у личного состава 23-й стрелковой дивизии не было, так как по приказу нужно было срочно выйти к реке Хопер и проводить подготовку к ее форсированию [6, л. 37]. Все отмеченное выше не могло не повлиять на боеспособность 23-й дивизии в ходе ее дальнейших боевых действий.

Войска Юго-Восточного фронта в октябре—ноябре 1919 г. не смогли добиться больших успехов в ходе боевых действий на юге России, и в частности в боях с Донской армией. Командующий Южным фронтом А. А. Егоров впоследствии оценил роль 9-й армии Юго-Восточного фронта следующим образом: «Неоднократные обращения командюжа и командарма 8¹ к командованию Юго-Восточным фронтом о содействии операциям Южного фронта не приводили к желаемым результатам, и 9-я армия до самого конца операций не принесла существенной пользы 8-й армии» [12, с. 282].

Однако эта оценка представляется несправедливой, так как войска 9-й армии, в частности, как это видно из статьи, 23-я дивизия, своими активными действиями сковали крупную группировку противника, не допустили переброски сколько-нибудь значительных сил Донской армии на помощь Добровольческой армии, а также соединения деникинцев с уральскими белоказаками, выполнив возложенную на них постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1919 г. задачу [1, с. 182 ; 3, с. 291].

¹ Командюж (сокр.) — командующий Южным фронтом; командарм 8 (сокр.) — командующий 8-й армией.

На примере 23-й дивизии хорошо видно, что соединения и части 9-й армии оказали существенную помощь силам Южного фронта, оттянув на себя внимание и удары главных сил Донской армии. Таким образом, 9-я армия Юго-Восточного фронта сыграла вспомогательную роль в решающем сражении на Южном фронте.

Список источников

1. Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М. : Воениздат, 1986. 447 с.
2. История гражданской войны в СССР : в 5 т. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. (март 1919 г. — февраль 1920 г.). М. : Госполитиздат, 1959. 466 с.
3. Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. Т. 2. 1919—1920 гг. М. : Политиздат, 1990. 431 с.
4. Шишов А. В. Красные командиры Гражданской войны. М. : Вече, 2016. 348 с.
5. Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 — март 1920 года). М. : Воениздат, 1968. 212 с.
6. Документы и материалы из архива Красной армии (1918—1920) // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) []. Ф. 199. Оп. 1. Д. 130..
7. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.) : сборник документов : в 4 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР ; Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР ; Центр. гос. архив Сов. Армии. Т. 4. Материалы, указатели. М. : Воениздат, 1978. 727 с.
8. Двадцать третья стрелковая дивизия // Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 171.
9. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.) : в 4 т. Т. 2. Март 1919 г. — апрель 1920 г. М. : Воениздат, 1974. 768 с.
10. Боевой путь блинцевцев: история боев и походов 5 Старопольской им. тов. Блинова кавалерийской дивизии. 1919—1929 / под общ. ред. А. А. Масловского. Ставрополь, 1930. 240 с.
11. Директивы главного командования Красной Армии (1917—1920) : сб. док. / Глав. архив. упр. при Совете Министров СССР ; Центр. гос. архив Советской Армии ; Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. М. : Воениздат, 1969. 884 с.
12. Егоров А. И. Разгром Деникина. 2-е изд. М. : Вече, 2012. 352 с.

References

1. Grazhdanskaya voyna v SSSR [The civil war in the USSR], v 2 t., vol. 2. Reshayushchie pobedy Krasnoi Armii. Krakh imperialisticheskoi interventsii (mart 1919 g. — oktyabr' 1922 g.) [Decisive victories of the Red Army. The collapse of imperialist intervention (March 1919–October 1922)], Moscow, Voenizdat, 1986. 447 p.
2. Istoriya grazhdanskoi voyny v SSSR [History of the civil war in the USSR], v 5 t., vol. 4. Reshayushchie pobedy Krasnoi Armii nad ob"edinennymi silami Antanty i vnutrennei kontrevolyutsii (mart 1919 g. — fevral' 1920 g.) [Decisive victories of the Red Army over the combined forces of the Entente and the internal counter-revolution (March 1919–February 1920)]. Moscow, Gospolitizdat, 1959, 466 p.
3. Kakurin N.E. Kak srazhalas' revolyutsiya [How the revolution was fought], v 2 t., vol. 2. 1919—1920 gg. [1919—1920. Moscow, Politizdat, 1990 p.
4. Shishov A.V. Krasnye komandiry Grazhdanskoi voyny [Red commanders of the Civil War]. Moscow, Veche, 2016, 348 p.
5. Agureev K.V. Razгром belogvardeiskikh voisk Denikina (oktyabr' 1919 — mart 1920 goda) [Defeat of the White Guard forces of Denikin (October 1919–March 1920)]. Moscow, Voenizdat, 1968, 212 p.
6. Dokumenty i materialy iz arkhiva Krasnoi armii (1918—1920) [Documents and materials from the Red Army Archives (1918–1920)], *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti (GANISO) [State Archive of Contemporary History of Saratov Region (GANISO)]*, coll. 199, aids 1, fol. 130.
7. Direktivy komandovaniya frontov Krasnoi Armii (1917—1922 gg.) [Directives of the Red Army Front Command (1917–1922)], sbornik dokumentov, v 4 t., vol. 4. Materialy, ukazateli [Materials, pointers]. Moscow, Voenizdat, 1978, 727 p.

8. Dvadsat' tret'ya strelkovaya diviziya [Twenty-third Rifle Division], Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR, entsiklopediya [Civil war and military intervention in the USSR]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, p. 171.
9. Direktivy komandovaniya frontov Krasnoi Armii (1917—1922 gg.) [Directives of the Red Army Front Command (1917—1922)], v 4 t, vol. 2, mart 1919 g. — april' 1920 g. [March 1919 to April 1920]. Moscow, Voenizdat, 1974, 768 p.
10. Maslovskogo A.A. (ed.). Boevoi put' blinovtsev: istoriya boev i pokhodov 5 Staropol'skoi im. tov. Blinova kavaleriiskoi divizii. 1919—1929 [The way of fighting of the Blinovs: the history of battles and marches of the 5th Staropole named after comrade Blinov cavalry division. 1919—1929]. Stavropol', 1930, 240 p.
11. Direktivy glavnogo komandovaniya Krasnoi Armii (1917—1920) [Directives of the Red Army General Command (1917—1920)], sb. dok. Moscow, Voenizdat, 1969, 884 p.
12. Egorov A.I. Razgrom Denikina [The defeat of Denikin], ed. 2. Moscow, Veche, 2012, 352 p.

Информация об авторе

Гнидо Сергей Владимирович — аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, Саратов, Российская Федерация. E-mail: gsv.1996@yandex.ru

Information about the author

Sergey V. Gnido — Postgraduate Student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Institute of History and International Relations, Saratov, Russian Federation. E-mail: gsv.1996@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 46—50.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):46—50.

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК [94(481-922.1):327](045)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-46-50

Шпицберген в вопросе признания СССР Норвегией

Иван Викторович Рогачев

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация, i.rogachev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5694-580X>

Аннотация. В статье анализируется проблема признания СССР Норвегией в начале 1920-х гг., исследуется роль вопроса о статусе архипелага Шпицберген в сближении двух северных стран в условиях непризнания и экономической блокады СССР ведущими державами мира того времени. Работа основывается на принципах историзма и объективности, методологической основой послужила модель неоллиберального институционализма и конструктивизма. Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентировавших внешнеполитическую деятельность России и Норвегии. В статье предпринята попытка охарактеризовать уступку Советским Союзом части территорий в арктическом пространстве в обмен на признание страны и налаживание конструктивного диалога между двумя странами. Вывод заключается в том, что, несмотря на геополитическую напряженность, способность договариваться в территориальных вопросах, региональное сотрудничество из-за общих границ, культурно-исторического наследия и геоэкономических отношений может стать основой для сохранения и последующего развития связей между двумя странами.

Ключевые слова: Шпицбергенский трактат (договор), Шпицберген, СССР, Норвегия, советско-норвежские отношения, экономическая блокада, Арктика

Для цитирования: Рогачев И. В. Шпицберген в вопросе признания СССР Норвегией // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 46—50. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-46-50.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

Svalbard on the issue of recognition of the USSR by Norway

Ivan V. Rogachev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, i.rogachev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5694-580X>

Abstract. The article analyzes the problem of the recognition of the USSR by Norway in the early 1920s, examines the role of the issue of the status of the Svalbard archipelago in the rapprochement of the two northern countries in the conditions of non-recognition and economic blockade of the USSR by the leading powers of the world at that time. The work is based on the principles of historicism and objectivity; the model of neoliberal institutionalism and constructivism served as the methodological basis. The source base of the presented study, in addition to publications in periodicals, consists of official documents regulating the foreign policy activities of Russia and Norway. The article attempts

to characterize the cession by the Soviet Union of part of the territories in the Arctic space in exchange for the recognition of the country and the establishment of a constructive dialogue between the two countries. The conclusion is that, despite geopolitical tensions, the ability to agree on territorial issues, regional cooperation due to common borders, cultural and historical heritage and geo-economic relations can become the basis for maintaining and further developing ties between the two countries.

Keywords: Svalbard Treaty (treaty), Svalbard, USSR, Norway, Soviet-Norwegian relations, economic blockade, Arctic

For citation: Rogachev I.V. Svalbard on the issue of recognition of the USSR by Norway. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):46—50. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-46-50.

Согласно Шпицбергенскому трактату, подписанному 9 февраля 1920 г. в Париже, «ничейная земля» — архипелаг Шпицберген — был передан под норвежский суверенитет, что вызвало протест со стороны Советской России. Вопрос был урегулирован в 1924 г., когда Норвегия признала СССР де-юре, а СССР признал суверенитет Норвегии над Шпицбергеном. Осенью 1944 г. В. М. Молотов предложил норвежскому руководству пересмотреть статус Шпицбергена с тем, чтобы «острова Шпицберген... принадлежали обоим государствам в порядке кондоминиума». После 1947 г. советское руководство отказалось от этой идеи и вернулось к признанию положений Шпицбергенского трактата. Важной для Советского Союза в условиях холодной войны являлась статья 9 этого трактата, предусматривающая демилитаризованный статус Шпицбергена.

В качестве теоретико-методологической основы исследования была использована теория неолиберального институционализма и конструктивизма, определяющая, несмотря на напряженные международные отношения, тягу России и Норвегии к взаимной выгоде и мирному соглашению с целью укрепления безопасности в арктическом пространстве и поддержания региональных связей. Для выявления движущих сил развития отношений двух стран использован системный подход, который позволил выявить взаимосвязь и влияние экономических, военно-стратегических, культурных и региональных связей на ход российско-норвежского диалога на Севере и в Арктике. Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентирующих внешнеполитическую деятельность России и Норвегии.

Архипелаг Шпицберген всегда играл значительную роль в отношениях двух стран-соседей — России и Норвегии. Подтверждением этому явилась проблема определения суверенитета над архипелагом после окончания Первой мировой войны.

Вплоть до этого момента архипелаг Шпицберген рассматривался как *terra nullius* (ничейная земля). Именно этот термин, определяющий прежний статус Шпицбергена, обычно применяется в исторической литературе. По общепризнанному мнению, с момента достижения соглашения между Россией и Швецией — Норвегией в 1871—1872 гг. «Шпицберген уже не мог считаться *terra nullius* (ничейной землей): ни одно государство, согласно договорному режиму 1872 года, не вправе было распространить на Шпицберген свой суверенитет». Под понятием «соглашение 1871—1872 гг.» в отечественной литературе подразумевается дипломатическая переписка, имевшая место между министерствами иностранных дел Российской империи и Объединенными Королевствами Швеция и Норвегия в период с 17 марта 1871 г. по 30 июня (12 июля) 1872 г. [1, с. 29]

В результате этой переписки, начало которой положено нотой шведско-норвежского посланника в Санкт-Петербурге, сторонами было достигнуто общее на тот момент понимание правового положения архипелага Шпицберген. Обсуждение шпицбергенского вопроса продолжилось на междуна-

родных конференциях, состоявшихся в 1910, 1912 и 1914 гг. Однако решить вопрос на этих конференциях не удалось, а дальнейшие обсуждения не состоялись из-за разразившейся Первой мировой войны.

Судьба принадлежности Шпицбергена решалась в 1919 г. в рамках мирных переговоров в Париже, завершившихся подписанием Шпицбергенского трактата, который называют также Парижским договором, или конвенцией. Текст трактата был выработан специальной комиссией Верховного совета Антанты по шпицбергенскому вопросу. 9 февраля 1920 г. в Париже. Шпицбергенский трактат подписали США, Франция, Великобритания, Дания, Норвегия, Нидерланды, Швеция. Затем это сделали Япония и Италия.

Согласно статьям Шпицбергенского трактата, над архипелагом устанавливался суверенитет Норвегии. Государства, подписавшие этот договор, получили равное право на эксплуатацию природных ресурсов Шпицбергена и осуществление экономической деятельности в территориальных водах архипелага. Согласно 9-й статье договора норвежцы обязались не допускать создания морских баз или укреплений на территории архипелага и не использовать ее для военных целей [2, с. 12].

Решение о передаче Шпицбергена под норвежский суверенитет было принято без участия России. Советское правительство не привлекли к выработке Парижского трактата под предлогом того, что оно не имело тогда международного признания. Правительство РСФСР не могло не отреагировать на это и 12 февраля 1920 г. направило правительству Норвегии ноту, в которой говорилось, что оно «с глубочайшим изумлением» узнало о заключении договора, постановляющего присоединение Шпицбергенских островов к Норвегии, и не признало себя связанным этим актом. Советское правительство указывало на совершенно произвольную передачу фактически нейтрального архипелага в полное владение одному государству без участия других государств, «даже таких, которые ранее участвовали во всех договорах по этому вопросу». Решение о норвежском суверенитете принимали государства, каждое из которых ничего не теряло.

В 1922 г. в связи с участием советской делегации в работе Генуэзской конференции был подготовлен документ «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду». В документе указывалось, что «за перемирием с Германией... начался период репараций, раздел европейской и колониальной добычи между победителями, и продолжалась борьба против Советской России...» В цитируемом документе Шпицберген был причислен к потерянным территориям вместе с такими территориями, как Финляндия (Карелия), Аланды, Галиция и др. [2, с. 13]

Осенью того же 1922 г. в качестве торгового представителя Советской России в Кристианию прибыла А. М. Коллонтай. В своей записи от 29 ноября она отмечает, что если найти модус признания с нашей стороны суверенитета Норвегии над Шпицбергеном, то «это очень благоприятно отразилось бы на отношениях Норвегии с нами и ускорило бы разрешение вопроса о признании нас де-юре» [3, л. 78]. Таким образом, Коллонтай предлагала обменять дипломатическое признание СССР Норвегией на присоединение СССР к Шпицбергенскому трактату. Замнаркома М. М. Литвинов, однако, инструктировал Коллонтай следующим образом: «Подписать трактат о Шпицбергене [мы] согласны, но это не должно носить характера компенсации за признание и должно быть сделано Вами дня через три после признания со ссылкой на то, что отсутствие дипотношений не позволило нам сообщить этого акта раньше» [4, с. 127].

15 февраля 1924 г. министр иностранных дел Норвегии Кристиан Фредрик Мишле уведомил торгового представителя СССР А. М. Коллонтай о признании Норвегией СССР де-юре. 16 февраля 1924 г. в свою очередь министру Мишле была направлена нота Коллонтай с информацией о том, что правительство Советского Союза «признает суверенитет Норвегии над

Шпицберген, включая остров Медвежий». 17 июля следующего 1925 г. на заседании норвежского правительства под председательством короля Хокона VII был принят Закон о Свальбарде, целью которого являлось включение положений Шпицбергенского трактата в норвежское законодательство.

14 августа того же года архипелаг Шпицберген был официально объявлен частью Королевства Норвегия. В этот день на архипелаге состоялась торжественная церемония, в ходе которой министр юстиции Пол Берг зачитал королевскую резолюцию и был поднят государственный флаг.

В 1935 г. СССР официально присоединился к договору о Шпицбергене. Этого не случилось ранее, так как необходимо было установление дипломатических отношений со всеми государствами-подписантами, а отношения между СССР и США были установлены только в ноябре 1933 г.

Следует отметить, что до признания норвежского суверенитета над Шпицбергеном в 1920 г. морской район вокруг архипелага и прилегающих островов был открытым морем, доступным всем государствам для занятия любой хозяйственной деятельностью, включая рыболовный и зверобойный промыслы. Государства — участники Парижского договора согласились признать на условиях, предусмотренных договором, полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген, охватывающим с Медвежьим островом (или Берен-Эйланд) все острова, расположенные между 10 и 35° в. д. и между 74 и 81° с. ш. (ст. 1 Договора 1920 г.) [5, с. 36]. Согласно договору суда, а также граждане высоких договаривающихся сторон будут допущены на одинаковых основаниях к осуществлению права на рыбную ловлю и охоту в местностях, указанных в ст. 1, и в их территориальных водах (ст. 2 Договора 1920 г.). Граждане всех высоких договаривающихся сторон будут иметь одинаковый свободный доступ для любой цели в воды, фиорды и порты местностей, указанных в ст. 1, и право остановки в них; они могут заниматься в них без каких-либо препятствий при условии соблюдения местных законов и постановлений всякими морскими, промышленными, горными и торговыми операциями на условиях полного равенства (ст. 3 Договора 1920 г.). Граждане всех высоких договаривающихся сторон будут допущены на тех же условиях равенства к занятию всяким морским, промышленным, горным и коммерческим делом и к его эксплуатации как на суше, так и в территориальных водах, причем не может быть создана никакая монополия в отношении чего-либо и в отношении какого бы то ни было предприятия (ст. 3 Договора 1920 г.).

Советский Союз объявил своим внутренним правовым актом границу полярных владений проходящей на западе по 32° с. ш. и отсекающей часть морского района и половину острова Белый на востоке. Однако в связи с потребностью в признании СССР пошел на уменьшение своих арктических территорий в пользу Норвегии, в связи с чем западная граница полярных владений была перенесена на восток с 32° с. ш. на 35° с. ш. и прошла по восточной границе, установленной Договором о Шпицбергене [5, с. 36].

Таким образом, в ходе сложных советско-норвежских переговоров СССР удалось «приобрести» дипломатическое признание в международных отношениях в обмен на признание Шпицбергенского трактата (суверенитета Норвегией над архипелагом). При этом советская сторона понесла небольшие территориальные потери в арктическом пространстве. Последнее сложно трактовать как существенный ущерб в силу недостаточных возможностей на тот момент освоения отошедших от СССР территорий. Советская сторона продемонстрировала договороспособность и уступчивость, что явилось знаком и примером доброй воли для всех арктических игроков.

Список источников

1. Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К., Савва В. М. Правовой режим Шпицбергена и прилегающих морских районов : акад. учеб. для магистратуры. М. : Норма, 2019. 284 с.
2. Комаров А. А. Суверенитет Норвегии над Шпицбергеном — довольно сложная дипломатическая проблема // Архипелаг Шпицберген: от terra nullius к территории взаимодействия: к 100-летию со дня подписания Шпицбергенского трактата : сб. материалов междунар. науч. конф. М. : Полит. энцикл., 2021. С. 10—22
3. Коллонтай А. М. Записки за 23 года дипломатической работы. Тетрадь первая. 1922—1923 гг. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1.
4. Советско-норвежские отношения. 1917—1955 : сборник документов / Ин-т всеобщей истории РАН ; Норвежский ин-т оборонных исслед. ; Архив внеш. политики Рос. Федерации. М. : ЭЛИА-АРТ-О, 1997. 683 с.
5. Зиланов В. К. Управление рыбными ресурсами в морском районе архипелага Шпицберген: проблемы, поиски, решения («Fisheries management in the marine region of the Spitsbergen archipelago: problems, searches, solutions») // Архипелаг Шпицберген: от terra nullius к территории взаимодействия: к 100-летию со дня подписания Шпицбергенского трактата : сборник материалов международной научной конференции. М. : Полит. энцикл., 2021. С. 33—42.

References

1. Vylegzhanin A.N., Zilanov V.K., Savva V.M. Pravovoi rezhim Shpitsbergena i prilegayushchikh morskikh raionov [Legal regime of Spitsbergen and adjoining maritime areas], akad. ucheb. dlya magistratury. Moscow, Norma, 2019, 284 p.
2. Komarov A.A. Suverenitet Norvegii nad Shpitsbergenom — dovol'no slozhnaya diplo-maticheskaya problema [Norwegian sovereignty over Spitsbergen – a rather complex diplomatic issue], *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arhipelag Shpitsbergen: ot terra nullius k territorii vzaimodeistviya: k 100-letiyu so dnya podpisaniya Shpitsbergenskogo traktata"* [The Spitsbergen Archipelago: from terra nullius to a territory of interaction: on the 100th anniversary of the signing of the Spitsbergen treaty]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2021, pp. 10—22.
3. Kollontai A.M. Zapiski za 23 goda diplomaticheskoi raboty, tetrad' pervaya, 1922—1923 gg. [Notes from 23 years of diplomatic work. Notebook One. 1922—1923], *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], coll. 134, aids 3, fol. 1.
4. Sovetsko-norvezhskie otnosheniya, 1917—1955 [Soviet-Norwegian relations. 1917—1955], sbornik dokumentov. Moscow, ELIA-ART-O, 1997, 683 p.
5. Zilanov V.K. Upravlenie rybnymi resursami v morskoy raion arhipelaga Shpitsber-gen: problema, poiski, resheniya («Fisheries management in the marine region of the Spitsbergen archipelago: problems, searches, solutions»), *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arhipelag Shpitsbergen: ot terra nullius k territorii vzaimodeistviya: k 100-letiyu so dnya podpisaniya Shpitsbergenskogo traktata"* [The Spitsbergen Archipelago: from terra nullius to a territory of interaction: on the 100th anniversary of the signing of the Spitsbergen treaty]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2021, pp. 33—42.

Информация об авторе

Рогачев Иван Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация. E-mail: i.rogachev@narfu.ru

Information about the author

Ivan V. Rogachev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation. E-mail: i.rogachev@narfu.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 15.01.2023.

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК 338.244(092)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-51-67

Ф. Э. Дзержинский — председатель Высшего совета народного хозяйства

Майя Антоновна Рогачевская

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, mrogachevskaya@mail.ru

Аннотация. Раскрывается деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту наркома путей сообщения, председателя Высшего совета народного хозяйства по руководству восстановлением транспорта, сельского хозяйства, осуществлению индустриализации, созданию новых отраслей промышленности, развитию научных исследований, обеспечивших экономическую независимость СССР. Показывается его внимание к поискам внутренних источников финансирования индустриализации, режиму экономики; науке, используемой в производстве; управлению. Отмечается актуальность экономической деятельности Дзержинского для современного состояния России.

Ключевые слова: восстановление транспорта, развитие промышленности, «ножницы цен», индустриализация, рабочие-рационализаторы, финансирование, социальные проблемы, подъем науки, проблема управления

Для цитирования: Рогачевская М. А. Ф. Э. Дзержинский — председатель Высшего совета народного хозяйства // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 51—67. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-51-67.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

F. E. Dzerzhinsky — Chairman of the Supreme Council of the National Economy

Maya A. Rogachevskaya

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, mrogachevskaya@mail.ru

Abstract. The activities of F. E. Dzerzhinsky as People's Commissar of Railways, Chairman of the Supreme Council of the National Economy in charge of the restoration of transport, agriculture, industrialization, the creation of new industries, the development of scientific research that ensured the economic independence of the USSR are revealed. His attention is shown to the search for internal sources of financing for industrialization, the economy regime; science used in production; management. The relevance of Dzerzhinsky's economic activity for the current state of Russia is noted.

Keywords: restoration of transport, development of industry, “price scissors”, industrialization, rationalizing workers, financing, social problems, rise of science, management problem

For citation: Rogachevskaya M.A. F.E. Dzerzhinsky — Chairman of the Supreme Council of the National Economy. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):51—67. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-51-67.

Введение

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926) был революционером по призванию. После того как в России установилась советская власть, все свои силы он направлял на осуществление идеи социализма, выполняя поручения партии, какими бы сложными они ни оказывались.

В декабре 1917 г. декретом Совета народных комиссаров (НСК) Дзержинскому было поручено возглавить Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, саботажем и экономическими преступлениями. Бескомпромиссная деятельность в ВЧК сделала его «первым чекистом», и таким он остался в памяти потомков.

В тени оказалась не менее важная его деятельность на ином поприще. По поручению правительства ему пришлось быть также наркомом внутренних дел, председателем комиссии по улучшению быта московских рабочих, председателем комиссии по улучшению быта детей и многих других. Но он был еще и хозяйственным руководителем в трудный для страны период — наркомом путей сообщения, председателем «Главметалла» и председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР. И не числился, а ответственно выполнял свои обязанности и поручения. Эта его деятельность, к сожалению, до сих пор недостаточно изучена, равно как и его вклад в экономическую теорию. Научных и популярных книг о Дзержинском-экономисте тоже еще не написано.

Трудно даже представить себе, как он мог справляться со всеми поручениями. А он смог это сделать потому, что умел работать, умел постоянно учиться новому, как того требовали его обязанности, не пасовал перед трудностями. Примером для соратников и для тех, с кем ему приходилось встречаться по службе, служил стиль его работы: дотошность, деловитость, точность, ненависть к бюрократизму, заседательству, болтовне, способность ценить свое время и время подчиненных.

Однако силы и здоровье его были не бесконечны, а он их тратил, не задумываясь и не считая, и потому сравнительно рано ушел из жизни.

Чтобы ответить на вопрос, как и почему профессиональный революционер Ф. Э. Дзержинский стал заниматься хозяйственной работой, необходимо возвратиться более чем на 100 лет назад — в 1921 г.

Народный комиссар путей сообщений

После завершения Гражданской войны страна пребывала в состоянии разрухи. Экономика находилась в состоянии упадка. Промышленность стояла. Горожане голодали. Многие рабочие из пролетарских центров уходили в деревню, чтобы прокормиться, но и там положение было не лучше. Большевики поняли, что политика военного коммунизма не может обеспечить возрождение хозяйства. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) принимает решение о переходе к новой экономической политике (нэп), допускающей рыночные отношения. Однако восстановление народного хозяйства тормозилось тяжелым, близким к катастрофе, состоянием железнодорожного транспорта. Несмотря на многочисленные совещания и постановления Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны, наладить работу транспорта никак не удавалось.

Во главе наркомата путей сообщений требовалось поставить человека, обладающего железной волей, опытного организатора, твердого в проведении принятых решений и одновременно обладающего авторитетом среди рабочих. 14 апреля 1921 г. по предложению председателя Совнаркома В. И. Ленина на пост народного комиссара путей сообщений назначили

Дзержинского. Ленин был уверен, что вывести в ударном порядке из неслыханной разрухи железные дороги способен только он [1, с. 294].

Так Дзержинский стал наркомом транспорта, оставаясь в то же время председателем ВЧК и наркомом внутренних дел. С этого момента вся его жизнь будет связана с решением разнообразных экономических проблем. На этом поприще проявилось его стратегическое мышление. Постепенно он превратился в крупнейшего практика-экономиста, которому пришлось решать также задачи, относящиеся к области экономической теории. «Не найдется ни одной проблемы, которые вставали перед развитием народного хозяйства с весны 1921 года, в решении которых не принимал бы самое непосредственное участие Дзержинский», — вспоминал заместитель председателя правления «Главметалла» В. И. Межлаук [2, с. 369].

Феликсу Эдмундовичу по работе в ВЧК было известно о положении дел на транспорте. Он понимал, что необходимо немедленно браться за его восстановление. Состояние дел на железной дороге было плачевным: кладбища разбитых паровозов и вагонов, разрушенные мосты, расхлябанное полотно, лежащие в развалинах станции. Движение поездов происходило, как придется, снабжение топливом отсутствовало, персонал бездействовал, хищение грузов было обычным явлением. Перед Дзержинским встали вопросы: за что следовало взяться в первую очередь, что может оказаться решающим звеном, что важнее — паровозы или шпалы, топливо или вагоны, люди или финансы? Ответы на них никто дать не мог. Их надо было искать самому.

Удивив всех, Дзержинский предложил назначить своим заместителем инженера И. Н. Борисова, замечательного специалиста, знающего дело железнодорожного транспорта, который в царское время был товарищем министра путей сообщения. «Главное, надо найти больших ответственных специалистов, невзирая на их политические взгляды, лишь бы честно работали», — объяснял он свой выбор [3, с. 195].

В свою очередь, Борисов, приступив к работе, успокаивал напуганных сотрудников наркомата: «Напрасно волнуетесь, господа. Уверяю вас, работать с Дзержинским можно, если, конечно, честно работать». Вскоре в наркомате почувствовали руку настоящего руководителя — стремительного, делового, решительного и четкого. Один из сотрудников позже заметил: «Я диву давался, как успел новый нарком так быстро освоить сложную специфику транспорта». А дело было в том, что новый нарком штудировал по ночам груды учебников и специальной литературы, полученных из Румянцевской библиотеки. Днем же он находился на путях или в депо, беседуя со стрелочниками, путевыми рабочими, машинистами. Он терпеливо и настойчиво изучал сложное транспортное хозяйство, не стесняясь расспрашивать о вещах, ему непонятных [2, с. 327].

На посту наркома путей сообщений Дзержинский проявил себя выдающимся организатором, приложившим громадные усилия для восстановления транспорта и быстрого налаживания его нормальной работы. Он правильно оценивал роль транспорта как кровеносной системы народного хозяйства страны, способствующей возрождению промышленности и сельского хозяйства, решающей вопросы товарообмена между городом и деревней [4, с. 6].

Выступая с докладом на II Всероссийском съезде работников железнодорожного и водного транспорта в октябре 1922 г., Дзержинский отметил, что за семь лет войны были разрушены мастерские и депо, сотни мостов, тысячи верст рельсовых путей; больше половины паровозов и товарных вагонов оказались «больными». За короткое время исправить такие разрушения было невозможно. Недоставало средств и материалов, запасных частей для восстановления изношенных паровозов и вагонов [4, с. 268—269]. Рассчитывать на помощь других стран не приходилось. Надеяться следовало,

говорил нарком, только на энтузиазм самих транспортников, на их самоотверженный труд.

В период нэпа благодаря хозяйственному расчету, внедрявшемуся во все отрасли экономики, люди почувствовали уверенность в улучшении жизни. Большая роль в этом принадлежала транспорту, ставшему важнейшим условием возрождения экономики. Однако сам транспорт перевести на полный хозяйственный расчет, предполагавший самоокупаемость, было невозможно. Введение платности транспортных услуг, которая покрыла бы его расходы, оказалось бы чрезмерным и для грузоотправителей, и для пассажиров. Приходилось устанавливать тарифы, приемлемые для получателей услуг, но приводящие к убыткам. Образовавшийся дефицит можно было покрыть только за счет бюджета.

Поставив задачу перед Народным комиссариатом путей сообщения (НКПС) как можно скорее возобновить работу железных дорог, нарком ищет оптимальное решение. Он добивается, чтобы в состав наркомата включили две шахты. Шахтеры, поняв из его разъяснения сущность стоящей перед ними задачи, удешевили на своих шахтах добычу необходимого транспорту угля [5, с. 42]. Увеличивается производство металла для изготовления рельсов; одновременно организуется ремонт подвижного состава; устанавливаются контакты с руководителями различных наркоматов и объединений. Заботясь о быте рабочих и служащих вверенного ему наркомата, Дзержинский стремился улучшить их продовольственное снабжение и повысить зарплаты. Все это положительно сказалось на результатах работы.

Еще одной проблемой, требующей решения, были процветающие среди транспортных служащих взяточничество и коррупция, по подложным накладным с товарных станций вывозились целые эшелоны грузов. Чтобы как можно скорее пресечь подобные явления, Дзержинский поместил в газете «Гудок» воззвание, в котором гневно писал: «Где бы негодяй ни сидел — в кабинете ли за зеленым сукном или в сторожевой будке, он будет извлечен и предстанет перед судом революционного трибунала. Самая суровая кара ждет его». Подписал: *ПредВЧК и Наркомпутей Ф. Дзержинский*. Две его подписи свидетельствовали о серьезности его намерений [6, с. 233—234, 240]. Ему помогали честные железнодорожники. Тысячи взяточников были разоблачены, уволены с работы, отданы под суд.

Деловые, организаторские и нравственные качества Дзержинского ярко проявились зимой 1921—1922 гг. в период так называемой сибирской эпопеи. В 1921 г. европейскую часть страны поразило стихийное бедствие — засуха. Население голодало. Имеющееся в Сибири собранное по продразверстке продовольствие в бедствующие районы почти не поступало. Следовало организовать его вывоз в условиях суровой сибирской зимы. С этой целью туда была направлена чрезвычайная экспедиция во главе с Дзержинским. Напряженно работая, практически без отдыха, экспедиция успешно выполнила задание: голодающее Поволжье получило необходимый хлеб и семена.

Нарком и чекист в одном лице, Дзержинский своими глазами увидел состояние дел и настроение людей, живущих и работающих в нелегких условиях. Приезд и деятельность экспедиции способствовали восстановлению железнодорожного транспорта Сибири. Специалисты разработали план и программу возрождения Сибирской магистрали. Вскоре проложенные по их рекомендации новые железнодорожные ветки оживили экономически важные угольные, хлебные и другие районы, находящиеся в стороне от нее.

Побывав в Сибири, Дзержинский убедился, насколько здесь, равно как и в других отдаленных местах и на окраинах, недостает внимания со стороны центра. В Сибири нужно поднимать промышленность, начиная с Кузбасса, и, как везде, нужны дороги, школы, больницы, жилье.

Усиленная работа наркома Дзержинского, сотрудников наркомата, специалистов и рядовых железнодорожников дала свои плоды: восстановление транспорта оживило и другие отрасли народного хозяйства. Хотя говорить об успехах было еще рано: выпуск продукции промышленности к этому времени составил лишь 35 % довоенного уровня, оставалось много бездействовавших заводов, потухших домен и мартеновских печей. Все еще насчитывалось около миллиона безработных [1, с. 333].

Мириться с подобным положением было нельзя. Правительство понимало, что следовало решительно изменить управление государственной промышленностью, находившейся в ведении Высшего совета народного хозяйства, в задачу которого входило создание и укрепление советской экономики.

1923 г. для ВСНХ оказался тяжелым. Председатель ВСНХ А. И. Рыков, одновременно выполнявший и обязанности заместителя председателя Совнаркома, не контролировал деятельность Г. Л. Пятакова, своего заместителя в ВСНХ. А Пятаков, «заботясь» о восстановлении промышленности, не мешал директорам предприятий поднимать цены на производимые товары. Используя сложившуюся ситуацию, некоторые директора стали покрывать убытки, повышая цены на продукцию до уровня, обеспечивающего получение прибыли. Названные «восстановительными», они получили одобрение у Пятакова. В результате возник ценовой разрыв на товары промышленного и сельскохозяйственного производства, так называемые ножницы цен, приводящие к неэквивалентному обмену между городом и деревней.

Более того, раствор «ножниц цен» начал все более и более увеличиваться, так как росли преимущественно цены на товары промышленного производства. Крестьяне, продавая свою продукцию по заниженным ценам, несли большие потери. В 1923 г. чтобы купить плуг, надо было продать 36 пудов ржи (в 1913 г. — 10 пудов). Цена веялки поднялась с 60—70 пудов ржи до 200—280, сенокосилки — с 208 пудов до 816. Начался кризис сбыта промышленной продукции, вызванный бедностью крестьянства. Повышение цен на промышленную продукцию грозило подорвать союз рабочего класса с крестьянством [5, с. 39].

Одним из первых, будучи членом ЦК РКП(б) и членом ВЦИК, забил тревогу Дзержинский. Он доказывал, что крестьяне, продав государству по низким ценам произведенную продукцию, не могут купить нужный им инвентарь из-за слишком высоких цен. Три четверти произведенной в 1922/23 г. продукции не было продано и осело на складах. А если иметь в виду, что объем производства оказался в несколько раз меньше довоенного, то весь сбыт составил 2,4 % к уровню 1913 г. В июне 1923 г. на складах заводов синдиката «Сельмаш» лежало около 100 тыс. плугов, 10 тыс. борон, 4 тыс. сеялок, 350 тыс. кос, 4,5 тыс. уборочных машин. В переполненных складах инвентарь был сложен в несколько ярусов. Все лежало мертвым капиталом, ржавело и ломалось, в то время как крестьянское хозяйство оказалось лишенным даже самых простых орудий. Крестьяне, работающие изношенными орудиями, производили крайне мало продукции [5, с. 45].

Доказав, что российская промышленность может развиваться только опираясь на крестьянский рынок, Дзержинский предложил начать сжатие раствора «ножниц» со снижения цен на сельскохозяйственные орудия. С 1 октября по 1 декабря 1923 г. отпускные цены по всей промышленности снизили в среднем на 13 %. А после того как 11 января 1924 г. ЦИК и Совнарком приняли постановление о продаже сельскохозяйственных орудий в кредит по довоенным ценам, склады быстро опустели.

Для Феликса Эдмундовича было очевидно, что снижение отпускных цен на сельскохозяйственные орудия укрепит союз с крестьянством и позволит увеличить производство продовольствия для населения и сырья для легкой

промышленности. Одновременно расширение производства приведет к возможности снизить себестоимость, а с нею и цены. Теперь рабочие, производящие продукцию на рынок, смогут на свою заработную плату купить необходимые им товары. Запускается спираль спроса, способствующая восстановлению промышленности и пуску стоявших заводов [5, с. 48—49].

В 1923/24 г. производство сельскохозяйственной продукции достигло уже 72 % довоенного уровня, тогда как промышленной — только 42,7 %. Проблемы восстановления и развития промышленности вышли на первый план.

Председатель ВСНХ

Для руководства народным хозяйством требовался руководитель, способный решительно и твердо осуществлять принятый партией курс на оздоровление экономики. Выбор пал на Дзержинского, авторитет которого значительно вырос после того, как он сумел за короткий срок восстановить работу транспорта. К этому времени он уже обладал достаточно широким хозяйственным кругозором. Но теперь перед ним вставали задачи громадной сложности, решение которых требовало компетентности иного уровня. Был ли он к этому готов?

Феликс Эдмундович достаточно хорошо владел сведениями в области политической экономии. Дело в том, что в царское время он, будучи арестованным, изучил «в тюремных университетах» «Капитал», труды экономистов немецкой исторической школы и австрийской школы предельной полезности, удивляя подчас своими знаниями многих профессоров. А практическим опытом не обладал ни он и никто другой. 2 февраля 1924 г. первая сессия ЦИК СССР утвердила его председателем ВСНХ СССР, сохранив за ним пост председателя ОГПУ, освободив только от работы в НКПС. Началась новая страница в его деятельности.

Подъем промышленности

Дзержинский понимал, что ему предстояла тяжелая работа, так как ВСНХ должен был, наряду с обеспечением текущего руководства всеми отраслями государственной промышленности, заниматься разработкой основных направлений промышленной политики. Безотлагательно ему пришлось осваивать новое дело: организацию промышленности и управление ею, а учиться он умел.

Феликс Эдмундович всегда опирался на коллектив, видя в нем соратников, побуждая их к творческому исполнению порученных обязанностей. В семилетнюю годовщину функционирования ВСНХ он обратился через «Торгово-промышленную газету» к его сотрудникам с приветствием и небольшим анализом проделанной ими работы: *«...на пороге восьмой годовщины мы вступаем в новый период развития промышленности, связанный с расширением материальных предпосылок для ее дальнейшего развертывания»* (курсив Дзержинского. — М. Р.). ...Все это требует установления единой промышленной политики, полного согласования в работе наших хозорганов... увязки работы нашей промышленности с другими отраслями народного хозяйства... с такими районами как Сибирь». Он обращает внимание на то, что перед ВСНХ стоят две задачи: первая — составление плана создания технической базы социализма и государственной мощи страны и вторая — максимальное использование существующих заводов и всей промышленности с целью удовлетворения потребностей населения. Эта вторая задача может быть выполнима лишь при политике снижения себестоимости, снижения цен — до технически и организационно возможных пределов при унаследованной технике — при получении минимальной прибыли и при амортизации текущей производственной изнашиваемости [4, с. 115, 119—120].

Председатель наметил план действий: ясная государственная линия, общая и обязательная для всех хозяйственников; единство задач советской государственной промышленности при максимально возможной самостоятельности и инициативности мест и правлений.

Находящемуся среди враждебного окружения Советскому государству нужно было ориентировать свое производство на уровень, достигнутый в наиболее развитых капиталистических странах. «Чтобы конкурировать с результатами труда при капиталистическом строе, мы должны дойти до заграничной нормы и превзойти ее». Для этого было необходимо широкое развитие и поощрение научно-технических работ. Эта мысль не покидала Дзержинского. Неудивительно, что, выступая с докладами на пленумах ЦК партии и на конференциях, он постоянно возвращался к проблеме обеспечения экономической независимости.

Дзержинский понимал, что хотя рост промышленности способствует подъему всего народного хозяйства, для укрепления советской власти этого явно недостаточно. Нужна была радикальная перестройка.

Курс на индустриализацию

Председатель поставил перед отделами ВСНХ задачу: «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование». Разрабатывая план технической реконструкции промышленности, они опирались на указания и наметки Дзержинского, которые он делал в результате многочисленных бесед с учеными, специалистами, инженерами, рабочими во время посещения предприятий Москвы, Ленинграда, Украины, встреч с посланцами Урала, Сибири. Этот план, продукт коллективного творчества, стали называть планом индустриализации.

Индустриализация, направленная на обеспечение экономической независимости Советского государства от капиталистического производства, должна была способствовать развитию промышленности, особенно металлургической, химической, радиотехнической. Большое значение приобрело машиностроение, не получившее достаточного развития в дореволюционной России. Одновременно создавался новый, социалистический тип экономики, ориентированной на удовлетворение материальных и социальных потребностей трудящихся. Индустриализация страны становилась, таким образом, базой социалистического строительства.

Начать рост нашей промышленности позволили введение твердой валюты в апреле 1924 г. и подъем платежеспособности крестьянства, создавшего в результате изжития «ножниц цен» стабильный рынок для многих отраслей промышленности. Сосредоточить усилия следовало на развитии промышленности, производящей средства производства. «Если не обратить на эту проблему внимания теперь... то в недалеком будущем мы окажемся в целом ряде производств в катастрофическом положении — у нас не будет технической базы для дальнейшего развития. Нельзя допустить, чтобы заграничная промышленность заменяла нашу, чтобы наш рост искусственно задерживался бы в пользу заграничного. Это и политически ни с какой стороны недопустимо. Только развитое машиностроение может способствовать защите нашего государства» [2, с. 367].

Убежденный, что экономическая система социализма более совершенна, чем системы буржуазных стран, Дзержинский неутомимо стремился доказать это своей деятельностью. Индустриализация должна была, по его мнению, в корне преобразовать народное хозяйство страны. Он неустанно способствовал ее практическому воплощению в жизнь, хорошо зная проблемы, стоящие перед страной. Для него не было секретом, что «народному хозяйству нужны новые тракторные, инструментальные заводы, сельскохозяй-

ственные машины, заводы транспортного машиностроения. <...> Если мы этого не сделаем, то мы остановим развитие народного хозяйства, и мы, как Советская власть, обанкротимся» [4, с. 407].

Настойчивости Дзержинского страна обязана закладкой и строительством первых гигантов социалистической индустрии (Уральский завод тяжелого машиностроения, Сталинградский тракторный завод и др.), разведкой и началом промышленного использования важных полезных ископаемых.

При его личном участии началось восстановление и развитие черной и цветной металлургии, создавались авиационная промышленность, производство тракторов и автомобилей, судов для речного и морского флота, тепловозов, электростанций, средств связи и многие другие отрасли промышленности. Он говорил: «Если мы теперь — деревянная, лапотная Россия, то мы должны стать металлической Россией. Металлургия — это наше будущее. Мы должны найти средства для того, чтобы металлургия производила то, что нужно стране. Необходимо сознание того, насколько важна наша металлическая промышленность для всей жизни страны» [7, с. 105]. Назначенный в декабре 1924 г. председателем правления «Главметалла», он хорошо понимал, какие героические усилия для этого требуются.

Перед Дзержинским постоянно возникали сложные задачи, но, обладая государственным мышлением, он был способен принимать как тактические, так и стратегические решения. Это позволяло ему определять, что именно нужно делать в первую очередь, а что станет необходимым в несколько отдаленном будущем. Он знал, что каждый рубль, затраченный на переоборудование предприятий, даст в ближайший год больше изделий, чем деньги, вложенные в постройку новых заводов. Но хорошо понимал, что если своевременно не позаботиться о строительстве новых заводов, то через три-четыре года мы не сможем удовлетворять свои потребности и неизбежно отстанем от других стран, которые за это время уйдут вперед.

Результаты восстановления государственной промышленности стали заметны уже во второй половине 1924 г. Тем не менее в руководстве страной не было единого мнения о характере развития экономики. Руководитель Совета труда и обороны Л. Б. Каменев и наркомфин Г. Я. Сокольников утверждали, что в интересах страны следует сократить вложения в тяжелую промышленность (металлургическое производство и машиностроение), покупая необходимые машины за границей, что будет быстрее и дешевле. «Они говорят: „так дешевле“, но за этим „дешевле“ кроется превращение СССР в аграрный придаток развитых капиталистических стран, усиление экономической, а стало быть, и политической зависимости от них», — возмущался Дзержинский. Его позиция была поддержана участниками XIV конференции РКП(б). А доказательством правоты послужило ускорение подъема промышленности в первом полугодии 1925 г. За это время рост промышленного производства составил более 50 %, достигнув в марте 1925 г. уже 70 % по сравнению с 1913 г. [4, с. 193].

О положении промышленности Дзержинский обстоятельно докладывал III Всесоюзному съезду Советов (25 мая 1925 г.). На основе достигнутых успехов уже можно было делать следующий шаг — приступить к собственному производству необходимой техники. В частности, он отметил, что в этом году будет выпущено 1 000 с лишним тракторов «Красным путиловцем», коломенским, харьковским и другими заводами. Они обойдутся стране дорого, но за учебу, за самостоятельность нам придется заплатить. Если в 1923 г. «Красный путиловец» выпустил два первых советских трактора, то в 1926 г. страна получила уже 919. Перешагнули довоенный уровень электротехническая, авиационная и другие отрасли промышленности [4, с. 201—207].

По предложению Дзержинского XIV партконференция и III съезд Советов принимают решение о проектировании и начале строительства

в 1925/26 г. 117 заводов и 28 шахт, в том числе 25 заводов в металлопромышленности, 7 — в нефтяной, 18 — в химической промышленности. Выступивший на съезде Советов начальник штаба РККА С. С. Каменев, поддерживая Дзержинского, сказал, что до неузнаваемости выросла авиационная промышленность. Если в 1922—1924 гг. было закуплено за границей 700 самолетов, то в 1925 г. не было приобретено ни одного. Потребность Красной Армии в самолетах начиная с 1925 г. была полностью удовлетворена [1, с. 356].

Потребовала внимания цветная металлургия. Медь, свинец, цинк, алюминий — металлы, необходимые для оборонной промышленности, средств связи, электрификации. Их закупка за границей оплачивалась золотом. До революции в Восточном Алтае, располагающем богатыми месторождениями полиметаллических руд, успешно действовали рудники, принадлежавшие англичанину Уркварту. Теперь они стояли. Уркварт предложил их восстановить, получив в концессию. В ВСНХ нашлись работники, поддерживавшие его предложение. Однако Дзержинский поручил провести независимую экспертизу для решения вопроса о предпочтительности: 1) предоставления рудников в концессию; 2) восстановления рудников своими силами; 3) ежегодной покупки этих металлов за границей. Эксперты указали, что, затратив средства, предназначенные для ежегодного импорта, на постановку этого дела в СССР, можно полностью покрыть их ежегодную потребность на ближайшее пятилетие. В концессии Уркварту было отказано. Советское государство, вложив 900 тыс. руб. в восстановление рудника (Уркварт просил кредит 10 миллионов!), уже через год получило 500 тыс. пудов, достигнув довоенного производства [4, с. 157].

Несмотря на успешное освоение Кузнецкого угольного бассейна, потребность в топливе, еще более усилившаяся в первое полугодие 1925 г., обусловила необходимость принять меры для поиска и развития новых каменноугольных районов. В марте 1925 г. ВСНХ принял решение об отправке геологической экспедиции для обследования каменноугольных и нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Уделяя особое внимание нефтяной промышленности, к участию в ее научном обеспечении привлекли геолога — профессора И. М. Губкина. Вместе с тем, говоря об использовании нефти в качестве топлива, Дзержинский выразил сомнение в целесообразности этого: «Нефть — для нас валюта». Более того, нефть стала приобретать политическое значение. Давая оценку отношений СССР с Англией, он заметил: «В последнее время политика очень часто пахнет нефтью, а нефть — политикой» [4, с. 476].

Чтобы не терять темпа развития промышленности, Дзержинский издал приказ, в котором потребовал от главных и центральных управлений ВСНХ представить точные данные о намечающихся стройках: числе предприятий, предмете производства; месте нахождения; начале и предполагавшемся сроке пуска каждого из них; количестве рабочих и служащих, а также экономическое обоснование выбора района постройки. Содержание приказа одновременно раскрывало и стратегию индустриального развития СССР, и возможность своевременного контроля.

Обоснованный Дзержинским курс на индустриализацию нашел отражение в производственной программе на 1925/26 г. В ней был предусмотрен рост отраслей, производящих средства производства, на 55 %, а рост отраслей легкой промышленности — на 45 %. Расчет вызвал недоумение. Дзержинскому-экономисту пришлось разъяснять, что для обеспечения развития легкой индустрии, производящей предметы потребления, в которых нуждается население, следовало предварительно создать необходимую для нее техническую базу в виде машин, оборудования, сырья.

Выступая в декабре 1925 г. с докладом на XIV Московской губернской конференции РКП(б), Дзержинский решительно высказался за реконструк-

цию промышленности на новой технической базе. Он указывал, что «у нас уже нет никаких технических возможностей расширять производство дальше без постройки новых фабрик и заводов», что если «не будут приняты меры для изыскания и увеличения средств для реконструкции и переоборудования фабрик, то мы можем быть обречены в следующие годы на неслыханно тяжелый товарный голод, который нас мучает уже теперь» [4, с. 311—312].

Под руководством ВСНХ в строй стали вводиться завод за заводом. К концу 1925 г. был пущен Константиновский металлургический завод, дал продукцию Екатеринославский трубопрокатный завод, выпустил первые трехтонные автомобили Ярославский автомобильный завод. За 1925 г. и начало 1926 г. производство металла по сравнению с 1924 г. возросло на 200 %, а валовая продукция металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности — на 120 %. Добиваясь ввода в строй находившихся на консервации мощностей, Дзержинский в то же время готовил отрасль к дальнейшему развитию. Он был уверен, что «новая техника, новое оборудование и новые фабрики дадут возможность нашему труду давать результаты в десятки раз большие, чем этот труд дает сейчас».

XIV съезд партии вошел в историю как съезд индустриализации. В этом немалая заслуга Ф. Э. Дзержинского.

Финансирование индустриализации

Развитие тяжелой индустрии требовало много средств. Первоначального накопления капитала в распоряжении ВСНХ, синдикатов, трестов в стране не было. Некоторые коммунисты-руководители предложили провести индустриализацию за счет крестьянства путем перекачки средств из частного крестьянского хозяйства в промышленность. Дзержинский категорически не согласился с таким подходом. Он считал это нарушением союза с крестьянством, не говоря даже о том, что отток денег из деревни приведет к сокращению производства продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности.

7 апреля 1926 г. на пленуме ЦК ВКП(б) Дзержинский выступил с речью в защиту крестьянства. Он негодовал, слыша от Пятакова на пленуме, что «деревня богатеет». «Вот несчастье! — возмущался он. — Наши государственные деятели боятся благосостояния деревни». Возвращаясь к этой проблеме в речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 20 июля, он горячо говорил: «...надо страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства... Нам нужно из деревни сырье, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть... Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни» [4, с. 507].

Дзержинский был уверен, что средства для индустриализации можно и нужно получить в самой промышленности. Постепенно на заводах и фабриках стала возрастать прибыль, промышленность, особенно тяжелая, становилась менее обременительной для государственной казны. В плановом порядке она использовалась и для подъема других отраслей. Более того, он учил широте подхода к решению этой сложной задачи: «Единственной базой для расширения и развития всей промышленности является удешевление производства. <...> Оно имеет своим результатом улучшение системы производства, поднятие его на более высокий уровень и возбуждение инициативы как у рабочих, производящих данные изделия, так и у руководящего персонала. Мы знаем, что на базе высоких прибылей и высоких цен промышленность загнивает, так как организаторы промышленности перестают искать новых и лучших решений» [5, с. 62].

О режиме экономии

Источник средств для развития тяжелой индустрии у Советского государства один — сокращение расходов, без которых можно обойтись. В приказе ВСНХ, получившем название «Режим экономии», предлагалось резко сократить накладные расходы в народном хозяйстве. С этого времени вопрос о режиме экономии постоянно поднимался в выступлениях, докладах, записках и приказах Дзержинского, считающего, что экономия — это основной и постоянный постулат всякого хозяйствования.

Выдвинув лозунг борьбы за строжайший режим экономии, он писал: «Режим экономии должен проводиться во всех областях работы госпромышленности: жесткая урезка всяких излишеств и непроизводительных расходов». На первое место ставилась борьба с бесхозяйственностью в промышленности: борьба за качество сырья, топлива, материалов, их экономия, полное использование рабочего времени. Он указывал на «неслыханную растрату человеческих сил, материалов и топлива, которая производится на фабриках и заводах, которая нам не по силам и не по средствам». Он требовал подчинить все потребности режиму экономии, экономить на всем, чтобы создать необходимые средства для накопления, для выполнения тех задач, которые стоят перед страной.

Зная хорошо стиль руководства различными мероприятиями, он предупреждает: «Работа по проведению экономии должна быть сама „экономной“, без дорогостоящих комиссий и... шумихи вокруг вопросов экономии». Он был убежден, что советский хозяйственник, экономно, с минимальной тратой материальных ресурсов, ведущий свою работу и достигающий максимальных результатов, — это действительный герой труда. Его призывы к экономии были услышаны. К 1 июня 1926 г. экономия по 2 промышленным трестам страны составила 6 220 тысяч руб. [4, с. 421—422]

Дзержинский подавал пример рачительного подхода к расходованию государственных средств. Еще в бытность свою наркомом транспорта он сурово карал руководителей дорог за излишества и расточительство, за очковитительство при составлении финансовых отчетов. «Все наше будущее... в уменьшении себестоимости нашей работы, в поднятии уровня нашей жизни и жизни всего народа» [6, с. 425]. Эту мысль он старался внедрить в сознание работников всех отраслей производства.

Проблема кадров

Развитие тяжелой индустрии сдерживалось недостатком квалифицированных рабочих. С этой проблемой Дзержинский столкнулся еще в бытность свою наркомом транспорта. В период революции и Гражданской войны погибли многие рабочие. Он видел, что старые кадры выбывают, не передав своих знаний и умений новым, а в результате не воспроизводится квалификация, приводя к тяжелым для промышленности последствиям. Он знал, что этого допустить нельзя, что в европейских странах неременным условием развития народного хозяйства рассматривается овладение трудящимися культурой.

Дзержинский помнил, что продолжительный рабочий день, существовавший в дореволюционной России, и тяжелые условия труда не побуждали основную массу рабочих к обучению. И владельцы предприятий, несмотря на принятые фабричные законы, не стремились открывать школы для работающих у них детей и взрослых. Лишь немногие прогрессивно мыслящие фабриканты поощряли желание рабочих обучаться грамоте. Только в период индустриализации, проводимой под руководством С. Ю. Витте, состояние российского пролетариата несколько улучшилось.

Положение изменилось после революции. Буквально, на четвертый день после взятия власти декретом был установлен восьмичасовой рабочий день. Однако Гражданская война, прервав социальные преобразования

в стране, нанесла весьма ощутимый урон рабочему классу. Это не было заметно, когда экономика находилась в состоянии разрухи. Закрытие заводов привело к распылению квалифицированной рабочей силы, так как рабочие разбредались в поисках возможности прокормить себя и свою семью. Начавшееся восстановление промышленности оказалось перед трудно преодолимым препятствием — нехваткой умелых рабочих. Компенсировать недостающую численность рабочей силы можно было только за счет привлечения крестьянства.

На фабрики и заводы пришлось принимать в качестве рабочих людей, не имеющих элементарных производственных навыков. Необходимо было решать проблему обеспечения грамотности, приобретения рабочими квалификации. Руководству страны было ясно, что без этого промышленность не поднять. Исчерпанный запас квалифицированной рабочей силы и технического персонала нужно было воссоздавать на новой основе. Дзержинский приложил немало труда, чтобы сформировать государственную систему профессионального образования, включающую специальные отраслевые фабрично-заводские училища для подготовки квалифицированных кадров. Без этого было абсолютно немыслимо поставить новое производство. «Там, где нет грамоты, где нет культуры, там нет пролетарской власти» [6, с. 285].

Дзержинский доказывал, что профессиональное образование — дело, требующее значительного времени. Но можно организовать индивидуальное техническое обучение, при котором опытные рабочие смогут поднять квалификацию своих подручных за сравнительно короткое время. Одновременно рабочих, повышающих уровень образования, следует поощрять, давая им более сложную работу и соответствующую зарплату [4, с. 305].

Обращаясь к участникам VII Всесоюзного съезда Союза металлистов, проходившего 19 ноября 1925 г., Дзержинский говорил, что государством затрачиваются большие средства на создание специальных научных и проектных институтов, а «промышленность чрезвычайно мало, во всяком случае, недостаточно, использует их достижения». Одной из причин этого является недостаточная квалификация рабочей силы. «Без этого разве мы можем ставить перед собой задачи достичь американских норм? А мы эти задачи ставим, ибо история ставит их перед нами, иначе решить стоящие перед страной задачи будет просто невозможно» [4, с. 282, 287].

Бывая на предприятиях, беседуя с рабочими, мастерами, специалистами, Дзержинский обратил внимание на пренебрежительное отношение руководства заводов, а часто и самих рабочих к техническому персоналу. Это был своего рода рецидив Гражданской войны между красными и белыми. Специалистам в явной или скрытой форме выражали недоверие и рабочие, и директора заводов. Необходимо было его преодолеть и создать для технического персонала такие психологические и материальные условия, в которых они могли бы применить знания и видеть успех своей работы. «Мы должны, — писал Дзержинский, — изменить отношение к спецам, завоевать их доверие, относиться к ним как к коллегам, как к тем товарищам, с которыми мы вместе работаем. От них, от их знаний зависит, как данный завод, как данная фабрика будут выполнять поставленные перед ними задачи» [4, с. 172].

В апреле 1926 г. уже было видно, что экономика СССР почти достигла довоенного уровня и с переходом к реконструкции основного капитала страна превращается в преимущественно промышленную державу. Становится реальностью, что электрификация производства, его механизация, рационализация, равно как и применение в производстве научной организации труда, могут обеспечить дальнейший быстрый подъем народного хозяйства.

Использование достижений науки и техники

Феликс Эдмундович указывал на важность использования достижений науки и техники в ходе индустриализации. Он благожелательно относился к научному и инженерно-техническому персоналу. Его не пугало, что в голове у человека могут бродить антисоветские идеи: по его мнению, было гораздо важнее знать, как он работает, полезен ли он для транспорта, ведомства ВСНХ или промышленности. Об этом можно судить по тому, что при нем ответственные должности в ВСНХ занимали многие бывшие меньшевики. Так, важное место в Главном экономическом управлении занимал А. М. Гинзбург, сделавший попытку разработать проект пятилетнего плана развития промышленности с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1930 г. В отделе торговой политики служил А. Л. Соколовский, председатель бюро цен, специалист в области калькуляции себестоимости и издержек производства отраслей промышленности; в финансовом отделе — А. Б. Штерн, обеспечивший решение сложных финансовых проблем ВСНХ; отделе статистики возглавлял профессор-экономист Л. Б. Кафенгауз, который добился получения сведений от предприятий и трестов, подведомственных ВСНХ с максимальной скоростью, и их обработки, облегчив управление промышленностью. Редактор органа ВСНХ — «Торгово-промышленной газеты» Н. Валентинов, получивший этот пост по предложению Ленина, своевременно и наиболее точно освещал деятельность ВСНХ [8, с. 205—210]. В своей деятельности на любом посту Феликс Эдмундович опирался на специалистов, имеющих хорошую профессиональную подготовку, получивших образование как в российских, так и в европейских университетах. Признав советскую власть, они честно выполняли порученную им работу.

На XIV партконференции в апреле 1925 г. Дзержинский говорил: «Без знаний, без учебы нашей собственной, без поддержки науки... мы... не сможем выполнить поставленную перед нами задачу по поднятию производительности труда. Мы должны поднять на высшую ступень науку и создать условия работы нашему техническому персоналу. Специалист должен работать не за страх, а за совесть. Это является нашей основной задачей, без которой мы экономически победить буржуазную Европу не сможем». Поставив задачу превратить научную мысль в постоянно действующий фактор развития производства, Дзержинский подчеркивает, что сделать это можно благодаря техническому персоналу, использующему в производстве достижения науки. В противном случае «буржуазная заграница будет нас бить, ибо она умеет заставить работать на себя и науку, и ученых, и технический персонал».

«Если бы вы, — обращался он к присутствующим, — ознакомились с положением нашей русской науки в области техники, то вы поразились бы ее успехам в этой области. Но, к сожалению, работы наших ученых кто читает? Не мы. Кто их издает? Не мы. А ими пользуются и их читают англичане, немцы, французы, которые поддерживают и используют ту науку, которую мы не умеем использовать» [4, с. 173—174].

Неоднократно Дзержинский напоминал, что производительность труда можно поднять почти исключительно улучшением технического оборудования, улучшением организации производства. К этому можно добавить и творческое отношение рабочих к своему труду. Участники VII Всесоюзного съезда Союза металлистов приняли решение, что 1925 г. должен пройти под лозунгом: «Дорогу научной мысли, дорогу рационализации, научной постановке производства!» Это был ответ на замечание, высказанное Дзержинским в докладе: «В области рационализации мы пишем и говорим очень много, но, к сожалению, делаем очень мало». Он напомнил о циркуляре «О рабочем изобретательстве»: «В целях поощрения широкого

творчества рабочих у станка целесообразно премировать каждое усовершенствование, разработанное рабочими на заводе. Даже если рабочий „изобретает” то, что уже изобретено и применяется, это изобретение не бесполезно: оно побуждает к творчеству» [4, с. 148, 282]. (Только в 1960—1970-е гг. до этого додумаются японцы, и их «новация» будет подхвачена во многих странах. Не был исключением и СССР. — *М. Р.*). Рабочие чаще обнаруживают узкие места в организации производства и, рационализируя технику, обращают тем самым внимание специалистов на новые конструкторские решения.

Уже в декабре 1924 г. при научно-техническом отделе ВСНХ были созданы научно-технические специализированные советы. В них сотрудничали такие видные ученые, как А. Н. Бах, И. М. Губкин, А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсман, С. А. Чаплыгин и др.

Дзержинский внимательно следил за работой ученых, занимающихся исследованием Курской магнитной аномалии (КМА). В решении президиума ВСНХ было отмечено огромное научное и практическое значение предложенных комиссией работ и признано необходимым продолжить в районе КМА исследовательские работы [5, с. 136].

Несколько опережая время, Дзержинский говорил абсолютно убежденно: «Сейчас, в 1925 г... наша интеллигенция, наши технические силы увидели, что рабочее государство открывает величайшие перспективы для науки, для знания, что впервые только при советском строе... создается действительная база для свободного развития науки, знания, технической мысли!» Продолжая, он с горечью заметил: «Я должен сказать, однако, что многие научные достижения этих наших институтов известны в более широкой степени за границей, чем у нас.

Вопросы науки и техники для Союза ССР имеют огромное значение потому, что на нашей необъятной территории имеются несметные богатства и растительного царства, и ископаемых, и минералов, и металлов, которые ждут научных методов, для того чтобы быть использованными для поднятия мощи, могущества и благосостояния нашей страны. Когда мы будем опираться на науку, тогда только мы сможем выполнить безболезненно те цели и те задачи, которые мы ставим перед собой» [4, с. 229—230].

Проблемы управленческой работы

Особо заботился Дзержинский об улучшении управленческой работы. Будучи убежденным, что без определенного бюрократического аппарата, работающего с точностью часового механизма, управлять нельзя, он стремился сделать ВСНХ таким точным аппаратом [4, с. 12].

Свои представления об улучшении управленческой деятельности Феликс Эдмундович высказал на совещании ответственных работников ВСНХ, которое он проводил 9 июля 1926 г. На нем он предполагал обсудить своего рода технологию управленческой деятельности, направленную на улучшение работы госаппарата. Оказалось, что это совещание было последним в его жизни, а выступление на нем своего рода завещанием коллективу ВСНХ [4, с. 489—500].

Прежде всего, отмечал Дзержинский, следует сосредоточить внимание на обеспечении развития промышленности, состояние которой определяет мощь государства. Эффективность управления может быть достигнута при следующих условиях:

- сокращение числа и продолжительности заседаний, приглашение на них только необходимых, компетентных специалистов;
- сокращение отчетности, упрощение делопроизводства;
- устранение мелочной опеки, необходимости получения санкции на каждый предпринимаемый шаг;

— установление ответственности и гласности разработчиков докладов [4, с. 470].

Необходимо сократить канцелярские аппараты, направив специалистов на предприятия¹.

«Надо лично знакомиться с деталями, а не через пуды отчетов и справок. Пишутся горы бумаг, читать их некому и нет физической возможности. Доклады по текущему управлению, по вопросам управления и отчетности должны быть краткими», — говорил он.

Буквально негодование вызывал у него «организационный фетишизм» (определение дано Ф. Э. Дзержинским. — *М. Р.*). «Нам кажется, что для того, чтобы организовать какое-либо дело, достаточно провозгласить: „Принять энергичные меры“, „Изыскать средства“ и все будет сделано само собой». Бумаги создают впечатление хорошо налаженного дела, тогда как в действительности его нет.

Самым большим бедствием, считал он, является бесконечное обилие всяких заседаний, поглощающих бесконечно много времени без достаточных результатов, не окупающих ни в какой мере потерянных часов [4, с. 236].

По его убеждению, управленческий фактор должен стать важным фактором индустриализации страны. «Мелочная опека, необходимость получения санкции на каждый предпринимаемый шаг, — писал он, — парализует инициативу и затрудняет возможность маневрирования». Это даже похоже на недоверие. Девять десятых сил и энергии многих хозяйственных руководителей уходит «не на создание новых ценностей, не на изучение и подбор работников и организацию дела, а на согласование, отчетность, оправдывание, испрашивание. Бюрократизм и волокита заели нас, хозяйственников. На работу нет времени» [4, с. 470—471].

Разрабатывая проект нового положения о ВСНХ, Ф. Э. Дзержинский вносил принципиальные предложения, направленные на повышение его роли как органа государственной власти, обосновывал идеи совершенствования работы аппарата хозяйственного управления. Не жалея сил, разрабатывал он принципы управления экономикой страны, придавая этой деятельности исключительно важное значение.

Всеми силами он боролся против позиции Троцкого, Каменева и Зиновьева, тормозившей развитие страны. В письме Куйбышеву от 3 июля 1926 г. он писал: «У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством. Если не найдем этой линии и темпа, оппозиция наша будет расти и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, какие бы красные перья не были на его костюме... От этих противоречий устал и я».

20 июля 1926 г. Дзержинский в последний раз выступил с речью на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Резко критикуя доклад Л. Б. Каменева и дополнения к нему Г. Л. Пятакова, он бичевал недочеты и пороки существующей системы управления, ее бюрократизм и душащую дело волокиту. Он не щадил неверные методы руководства в отдельных отраслях, равно как и собственные ошибки.

Скоропостижная кончина через три часа после произнесенной на пленуме речи помешала ему довести до конца задуманную реформу управления. Его смерть потрясла всех, кто с ним работал, опечалила сотрудников ГПУ, наркомата путей сообщений, ВСНХ и многих беспартийных инженеров, техников, рабочих. В это время от управленцев ВСНХ часто можно было услышать: «Жаль умер Дзержинский! С ним было хорошо работать. Нас, специалистов, он ценил и защищал» [8, с. 20].

¹ В апреле 1925 г. аппарат ВСНХ был уменьшен с 6 000 сотрудников до 3 700, включая сотрудников научных институтов и других учреждений НТО.

Он защищал не только их, но и рабочих, и крестьян, и мелких частных торговцев, и кооперацию, и детей... Он защищал страну, строящую социализм.

Для стиля его работы был характерен научный подход к решению народно-хозяйственных проблем, умение решать любую задачу с позиции интересов страны, стремление познать закономерности развития экономики и поставить все на службу социалистическому строительству.

После его смерти прошло почти 100 лет.

Многие его суждения, касающиеся экономической деятельности, не утратили актуальности. В те годы, когда он занимался экономикой, ему приходилось решать проблемы, подобные тем, что стоят перед Россией в настоящее время. Деформирование экономики носит иной характер, но последствия его не менее серьезные, чем почти 100 лет назад. Нарушены ранее существовавшие технологические связи, денежная система еще не обрела необходимую устойчивость, российская экономика подвергается экономическим санкциям, отдаленно напоминающим экономическую блокаду. Лекарством для восстановления полноценного во всех отношениях государства выступает обеспечение экономической независимости, наиболее полная реализация отечественных научно-технических достижений, высокий уровень классического образования, присущий русской высшей школе и советскому государственному рабочему профессиональному образованию. Претворение в жизнь идеи о режиме экономии материальных, трудовых ресурсов и ресурсов рабочего времени, равно как и оптимальное использование знаний и труда управленцев, — все это должно послужить России занять принадлежащее ей место среди наиболее развитых государств планеты.

Список источников

1. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М. : Политиздат, 1977. 494 с.
2. Тишков А. В. Дзержинский. 4-е изд. М. : Молодая гвардия, 1984. 384 с.
3. О Феликсе Дзержинском: воспоминания, очерки, статьи современников. М. : Политиздат, 1987. 335 с.
4. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения : в 2-х т. Т. 2. 1924—1926. М. : Политиздат, 1977. 535 с.
5. Лацис О. Р. Искусство сложения : очерки. М. : Советский писатель, 1984. 336 с.
6. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения : в 2-х т. Т. 1. 1897—1923. М. : Политиздат, 1977. 494 с.
7. Зубов Н. И. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1971. 423 с.
8. Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М. : Современник, 1991. 367 с.

References

1. Feliks Edmundovich Dzerzhinskii: biografiya [Felix Edmundovich Dzerzhinsky. Biography]. Moscow, Politizdat, 1977, 494 p.
2. Tishkov A.V. Dzerzhinskii [Dzerzhinsky], ed. 4. Moscow, Molodaya gvardiya, 1984, 384 p.
3. O Felikse Dzerzhinskom: vospominaniya, ocherki, stat'i sovremennikov [About Felix Dzerzhinsky: memoirs, essays, articles of contemporaries]. Moscow, Politizdat, 1987, 335 p.
4. Dzerzhinskii F.E. Izbrannye proizvedeniya [Selected works], v 2 t, vol. 2, 1924—1926. Moscow, Politizdat, 1977, 535 p.
5. Latsis O.R. Iskusstvo slozheniya [The art of adding up], ocherki. Moscow, Sovetskii pisatel', 1984, 336 p.
6. Dzerzhinskii F.E. Selected Works [Selected works], v 2 t, vol. 1, 1897—1923. Moscow, Politizdat, 1977, 494 p.
7. Zubov N.I. F. E. Dzerzhinskii. Biografiya [Dzerzhinsky. Biography], ed. 3. Moscow, Politizdat, 1971, 423 p.
8. Valentinov N. (N. Vol'skii). Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina: gody raboty v VSNKh vo vremya NEP. Vospominaniya [The new economic policy and the crisis of the party after Lenin's death: the years of work at the All-Union National Economic Council during the NEP. Memoirs]. Moscow, Sovremennik, 1991, 367 p.

Рогачевская М. А. Ф. Э. Дзержинский — председатель Высшего совета народного хозяйства

Информация об авторе

Рогачевская Майя Антоновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: rogachevskaya-ma@ranepa.ru

Information about the author

Maya A. Rogachevskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and credit, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: rogachevskaya-ma@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 21.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 21.01.2023.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В СССР

REPRESSIVE POLICY IN THE USSR

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 68—71.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):68—71.

Репрессивная политика в СССР

Научная статья
УДК 331.556.4(47+57)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-68-71

Немецкие специалисты на Кузнецстрое в 1930-х гг.

Софья Денисовна Устинова

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, ustinova-sd@ranepa.ru

Аннотация. Привлечение иностранных специалистов можно считать одним из факторов успеха индустриализации СССР. Знания иностранных инженеров и конструкторов были необходимы для развития отраслей экономики, которые до этого периода были слабо развиты в Советском Союзе. Опыт привлечения инспекторов может быть полезным, поскольку эта тема остается актуальной и в наши дни. Многие страны по-прежнему привлекают зарубежных специалистов для развития экономики и науки. Исследование опыта СССР в этой области может помочь понять, какие подходы и стратегии были эффективными в прошлом и как их можно применить сегодня.

Ключевые слова: иностранные специалисты, Кемеровская область, Советский Союз, КМК, антифашисты, индустриальное развитие

Для цитирования: Устинова С. Д. Немецкие специалисты на Кузнецстрое в 1930-х гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 68—71. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-68-71.

Repressive policy in the USSR

Original article

German specialists at Kuznetsstroy in the 1930s

Sofia D. Ustinova

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, ustinova-sd@ranepa.ru

Abstract. The attraction of foreign specialists can be considered one of the success factors for the industrialization of the USSR. The knowledge of foreign engineers and designers

was necessary for the development of sectors of the economy that until this period were poorly developed in the Soviet Union. The experience of attracting inspectors can be useful, since this topic remains relevant today. Many countries still attract foreign specialists for the development of the economy and science. A study of the experience of the USSR in this area can help to understand what approaches and strategies were effective in the past and how they can be applied today.

Keywords: foreign specialists, Kemerovo region, Soviet Union, KMK, anti-fascists, industrial development

For citation: Ustinova S.D. German specialists at Kuznetsstroy in the 1930s. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):68—71. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-68-71.

Проблемой привлечения иностранных разработок и рабочей силы в эпоху индустриализации занимались в различные периоды. В 1959 г. В. И. Касьяненко совместно с Л. Ф. Морозовым и Л. К. Шкаренковым исследовали влияние концессионных договоров и договоров о технической помощи на экономику Союза [1, с. 33—59]. А. Е. Иоффе в своем исследовании освещал интернациональные связи трудящихся СССР и зарубежных государств и зарубежный вклад в выполнение плана первых пятилеток [2]. В. И. Касьяненко также исследовал состав иностранных специалистов, привлеченных на территорию Союза из дружественных стран [3].

Для строительства предприятий-гигантов требовались не только новые, как правило зарубежные, технологии, но и обученный инженерный состав. Иностранные методики было мало перенять на бумаге, требовалось обучить советских рабочих монтажу оборудования, его обслуживанию и эксплуатации. Правительством было принято решение организовать систематическое привлечение иностранной технической помощи. Помимо технологий и специалистов требовалась квалифицированная рабочая сила.

Американский и европейский кризис 1920—1930-х гг. привел к масштабной безработице, значительное количество специалистов из разных сфер остались без работы, что заставляло их задуматься о рабочей миграции в страны, не подвергшиеся мировому кризису. Советский Союз оказался единственной страной, не затронутой кризисом в силу своей политической и экономической изоляции. В то же время страна Советов остро нуждалась в иностранных специалистах и технологиях, поэтому было принято решение соглашаться на оплату содержания семей инспекторов.

Второй основной причиной миграции иностранцев, в частности из Германии, стало стремительное становление нацистского режима. Многие члены Коммунистической партии Германии (КПГ) были вынуждены мигрировать в СССР, избегая политического преследования, которое грозило им лагерями. Решение по каждому въезжавшему в страну выносилось отдельно Международной организацией помощи борцам революции (МОПР) после одобрения представительством КПГ и отделом кадров Коминтерна. Немецкие коммунисты незаконно пересекали немецко-чешскую границу и находились в Праге до окончательного решения о разрешении или запрете въезда в Советский Союз.

Среди привлеченных иностранных специалистов можно выделить три группы прибывших в Советский Союз: представители фирм-поставщиков; политические и/или экономические мигранты; рабочие-контрактники.

Основная масса иностранных специалистов была задействована на строительстве Кузнецкого металлургического комбината (КМК). Изначально план проектирования завода был создан в 1928 г. фирмой «Фрейн» (Чикаго). Американцы планировали отправить группу специалистов для помощи на стройке, координирования процесса и контроля над ним, а также оказать помощь с поставками оборудования, которое по проекту должно было присутствовать на КМК. Однако условия кредитования в США были значительно хуже, нежели в Европе, поэтому после длительных переговоров было принято решение закупать оборудование в Германии, где его про-

ектировали по американским чертежам. То же самое касается и рабочих кадров — притязания немецких рабочих были значительно ниже американских.

Инспекты находились на территории СССР и работали на условиях подписанного контракта, поэтому время их пребывания было ограничено. Как правило, контракты продлевались, так как советское руководство было заинтересовано в иностранных кадрах, но с такой же периодичностью контракты расторгались рабочими ввиду тяжелых жилищно-бытовых условий. Вблизи КМК пригодного жилья не было, поэтому рабочим приходилось расселяться в ближайших населенных пунктах либо для них ставили палатки или строили землянки непосредственно на территории комбината. С 1929 г. возводились дощатые бараки, между стенами которых засыпалась земля для того, чтобы сохранять тепло.

Предложенные де-факто условия не устраивали рабочих, потому что в подписанном ими договоре советское правительство гарантировало более комфортный формат проживания. В связи с этим Кузнецкий окружком ВКП(б) обязывает партийных и хозяйственных руководителей Кузнецкстроя обеспечить иностранцам соответствующие бытовые условия (благоустроенная квартира, снабжение и пр.).

Несмотря на это, большинство специалистов так и остались недовольны условиями быта и содержания на комбинате, поэтому и расторгли договоры в одностороннем порядке. Для советского правительства отъезд иностранных специалистов был крайне нежелателен. Во-первых, он подтверждал нестабильность обстановки в стране. Во-вторых, возвращающимися на родину иммигрантами активно интересовалась немецкая военная разведка. Иностранные специалисты работали в СССР на предприятиях оборонного значения. Информация, полученная от них, была особенно актуальна в конце 1930-х гг. в связи с подготовкой военной агрессии. Иностранцы находились под постоянным негласным контролем со стороны органов госбезопасности.

Влияние инспектов на экономику страны в период индустриализации различные исследователи оценивают по-разному. Так или иначе, технологии и навыки, которые принесли с собой зарубежные рабочие, ускорили промышленный рывок СССР, что впоследствии помогло Союзу во времена Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Касьяненко В. И., Морозов Л. Ф., Шкаренков Л. К. Из истории концессионной политики Советского государства // История СССР. 1959. № 4. С. 33—59.
2. Иоффе А. Е. Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932 / АН СССР. Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1969. 199 с.
3. Касьяненко В. И. Завоевание экономической независимости СССР. М. : Политиздат, 1972. 355 с.

References

1. Kas'yanenko V.I., Morozov L.F., Shkarenkov L.K. Iz istorii kontsessionnoi politiki Sovetskogo gosudarstva [From the history of the Soviet state's concession policy], *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 1959, no. 4, pp. 33—59.
2. Ioffe A.E. Internatsional'nye, nauchnye i kul'turnye svyazi Sovetskogo Soyuz, 1928—1932 [International, scientific and cultural relations of the Soviet Union. 1928—1932]. Moscow, Nauka, 1969, 199 p.
3. Kas'yanenko V.I. Zavoevanie ekonomicheskoi nezavisimosti SSSR [Winning economic independence for the USSR]. Moscow, Politizdat, 1972, 355 p.

Информация об авторе

Софья Денисовна Устинова — магистрант, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ustinova-sd@ranepa.ru

Information about the author

Sofia D. Ustinova — Master Student, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, ustinova-sd@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 72—87.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):72—87.

Репрессивная политика в СССР

Научная статья
УДК 343.819 + 323.282
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-72-87

Сверхэксплуатация спецконтингента исправительно-трудового лагеря «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» (1942—1946)

Виктор Михайлович Кириллов

Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Российская Федерация, history_vmk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6878-2171>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена недостаточным исследованием проблемы экономики принудительного труда в СССР. Публикация представляет результаты изучения системы организации труда спецконтингента исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Основные источники исследования — материалы архивного фонда ИТЛ «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» (БМК — ЧМК). Методология исследования: концепция репрессивно-режимной экономики, методы экономической, социальной истории, аналитический. Автор пришел к выводу, что самым тяжелым временем для физического состояния узников ИТЛ была зима 1942—1943 гг. Это было время пика сверхэксплуатации узников лагеря. Руководство ИТЛ скрывало реальное физическое состояние спецконтингента, завышая численность трудового фонда. Сохранить здоровье спецконтингента было невозможно, так как его физические затраты превосходили возможности. Только в 1944 г. начались систематические профилактические мероприятия по улучшению физического состояния заключенных.

Ключевые слова: исправительно-трудовой лагерь, концепция репрессивно-режимной экономики, сверхэксплуатация, заключенные, трудмобилизованные, спецконтингент, лаборатория исторической информатики

Для цитирования: Кириллов В. М. Сверхэксплуатация спецконтингента исправительно-трудового лагеря «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» (1942—1946) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 72—87. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-72-87.

Repressive policy in the USSR

Original article

Overexploitation special contingent labor camp “Bakalmetallurgstroy — Chelyabmetallurgstroy” (1942—1946)

Viktor M. Kirillov

Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, history_vmk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6878-2171>

Abstract. The relevance of the article is due to the insufficient study of the problem of the economy of forced labor in the USSR. The publication presents the results of studying the labor organization system of the special contingent corrective labor camps (ITL). The main sources of research are materials from the archival fund of ITL “Bakalmetallurgstroy — Chelyabmetallurgstroy” (BMK — ChMK). Research methodology: the concept

of a repressive-regime economy, methods of economic, social history, analytical. The author came to the conclusion that the winter of 1942—1943 was the hardest time for the physical condition of the ITL prisoners. This was the time of the peak of the super-exploitation of the prisoners of the camp. The leadership of the ITL concealed the real physical condition of the special contingent, overestimating the size of the labor fund. It was impossible to preserve the health of the special contingent, since its physical costs exceeded its capabilities. Only in 1944 did systematic preventive measures begin to improve the physical condition of prisoners.

Keywords: forced labor camp, the concept of a repressive-regime economy, super-exploitation, prisoners, labor mobilized, special contingent, laboratory of historical informatics

For citation: Kirillov V.M. Overexploitation special contingent labor camp “Bakalmetallurgstroy — Chelyabmetallurgstroy” (1942—1946). *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):72—87. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-72-87.

Начиная с 1990-х гг. лаборатория исторической информатики Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии ведет исследовательскую деятельность по проблеме политических репрессий в СССР. Основными источниками информации являются архивы исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) Урала: Тагиллага, Богословлага, «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» (БМК — ЧМК), Севураллага, Востураллага и Ивдельлага.

Исследовательская работа сотрудников лаборатории имеет высокую степень новизны с точки зрения вводимых в научный оборот первоисточников (неопубликованные архивные документы, источники личного происхождения и устной истории) и применяемой методологии исследования (концепция новой социальной истории, методы исторической информатики: разработка баз и банков данных, выборочный, просопографический методы и др.).

Публикации сотрудников лаборатории приобрели международную известность, сложилось определенное историографическое направление изучения политических репрессий на Урале. Сформированные нами базы данных, включающие сведения о более чем 100 тыс. репрессированных, позволили создать их коллективный (просопографический) социальный портрет и издать целую серию Книг памяти.

Применение методов экономической истории к богатейшему материалу лагерных архивов позволяет изучать вопросы функционирования мобилизационной модели советской промышленности, в частности производительности труда и его эффективности для исторически сложившейся экономики СССР.

В данной публикации мы решаем задачу реконструкции системы организации труда узников ИТЛ «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в период 1942—1946 гг., акцентируя особое внимание на контингенте трудмобилизованных.

В ходе исследования мы столкнулись с целым рядом серьезных проблем: обилием массовых источников, подчас весьма разноречивых; весьма условными критериями эксплуатации в сфере принудительного труда, которые можно обозначить термином «сверхэксплуатация»; ложной заботой НКВД о физическом состоянии бесправного спецконтингента, приводящей к искажениям лагерной отчетности. С точки зрения концепции «принципал — агент» второй в системе мобилизационной экономики всегда стремится обмануть первого [1].

Дело осложняется обстоятельствами военного времени, когда на грани физической смерти от сверхнапряжения и недоедания оказались миллионы людей в тылу. Еще одно препятствие — неудовлетворительное состояние лагерной документации в начальный период строительства ИТЛ, который в случае с БМК — ЧМС длился с декабря 1941 по декабрь 1942 г. В частности, учет трудмобилизованных был налажен плохо. Например,

личные учетные карточки и алфавитная картотека отсутствовали и в середине 1942 г.

В процессе создания ИТЛ «Бакалметаллургстрой — Челябинметаллургстрой» его состав пополнялся разными категориями спецконтингента: заключенными, осужденными по статьям уголовного кодекса, трудмобилизованными российскими немцами, трудмобилизованными из Среднеазиатского военного округа, военнопленными и интернированными. Российские немцы не были свободными гражданами СССР, а являлись репрессированными по национальному признаку людьми, размещенными на спецпоселении. Они стали частью спеконтингента, представлявшего маргинальную группу советского общества, занятую принудительным трудом в условиях жесткого ограничения прав и свобод. В лагере они должны были размещаться отдельно от заключенных.

Трудмобилизованные прибывали в ИТЛ несколькими потоками: по постановлениям Государственного комитета обороны (ГКО) от 10 января 1942 г. № 1123сс (первый массовый призыв), от 14 февраля 1942 г. № 1281сс (второй массовый призыв), от 14 октября 1942 г. № 2409сс; в начале войны отзывались из Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) и переводились из внутренних строительных частей армии; прибывали в разное время из мест заключения после отбытия срока наказания; переводились с других объектов НКВД.

Согласно документам архива ИТЛ первые этапы заключенных поступили в лагерь в первой половине декабря 1941 г., а анализ их состояния последовал только в начале февраля 1942 г.:

Физическое состояние этапов Безымянного лагеря удовлетворительное. Прибывшие же этапы из Алма-Ата, Горького и Златоуста по своему физическому состоянию неудовлетворительны. Из числа заключенных этих этапов истощенных от 25 до 50 %. Имеются малолетки и больные, которые были госпитализированы.

Заключенные поступивших этапов, за исключением Безымянлага, одеты не по сезону, причем часть из них была совершенно раздетой...

На сегодняшний день рабочая сила, имеющаяся в лагере, полностью использована на работе быть не может, т. к. большое количество ее состоит на группе «В»¹, которая выражается в 1 153 чел., или 22,7 % по отношению к списочному составу лагеря.

Группа «В» подразделяется следующим образом: амбулаторно освобожденных — 706 чел.; больные в стационаре — 134 чел.; КВНТ (контингент временно нетрудоспособных. — В. К.) — 313 чел. [2, л. 1—3]

Заключенные по трудоспособности распределялись следующим образом: ТФТ — 1 812 человек (35,6 %), СФТ — 1 753 человека (34,5 %), ЛФТ — 515 человек (10,1 %), «некомиссованные» — 1 001 человек (19,7 %) [2, л. 1—3].

В ИТЛ сложилось угрожающее санитарное состояние, не соответствующее «самым элементарным санитарным требованиям», быстро росла заболеваемость:

...В течение января месяца на первом и втором ЛУ зарегистрировано около 20 тыс. амбулаторных посещений, что в 2 раза превышает практические нормы... Количество амбулаторно-освобожденных (вместе со стационарными больными) на 1 февраля с. г. было около 1 200 чел., что составляет почти 25 % лагерного населения [2, л. 26].

¹ Спецконтингент в ИТЛ делился на четыре категории: А — занятые на производстве, Б — занятые в службе, В — неработающие по болезни, Г — неработающие по разным причинам. По степени трудоспособности: ТФТ — тяжелый физический труд, СФТ — средний физический труд, ЛФТ — легкий физический труд.

Причинами такого положения назывались: зараженность питьевой воды бактериями, «неполноценность физического состояния большинства прибывших этапов (последний этап, поступивший 1 февраля на 3 лагерный участок имел до 40 % истощенных и около 20 % больных)»; проживание в неблагоустроенных, холодных землянках и палатках в условиях суровой зимы [2, л. 26].

Исправительно-трудовой лагерь «Бакалметаллургстрой» находился в процессе строительства, пересыльного пункта, бань и санпропускников в нем не было. Результатом стала «почти 100 % и значительная завшивленность лагнаселения» [2, л. 26—26 об.].

Анализ физического состояния трудмобилизованных (т/м) и заключенных (з/к), по сводкам Главного управления лагерей (ГУЛАГ), начинается с марта 1942 г. (табл. 1).

Таблица 1

Трудовой фонд спецконтингента (1942 г.) [2, л. 129—136 ; 3, л. 2]*
*The labor fund of the special contingent (1942) [2, l. 129—136 ; 3, l. 2]**

Месяц	Среднесписочное число	Группа «А»	Группа «Б»	Группа «В»	Группа «Г»
Март (т/м)	11 654	9 468 (59 %)	634 (6,6 %)	766 (3,4 %)	756 (3,1 %)
Апрель (т/м)	17 290	13 302 (76,9 %)	938 (5,4 %)	1 895 (11 %)	1 155 (6,7 %)
Апрель (з/к)	3 046	1 121 (36,8 %)	222 (7,3 %)	1 534 (50,4 %)	169 (5,5 %)

Инспекторы ГУЛАГа в мае 1942 г. провели два обследования состояния ИТЛ «Бакалметаллургстрой» (табл. 2).

Таблица 2

Результаты комиссования [2, л. 140]*
*The results of the commission [2, l. 140]**

Номер отряда	Всего лиц	Годные к тяжелому труду	Годные к среднему труду	Годные к легкому труду	Инвалиды
3-й отряд	1 181	602	283	277	19
5-й отряд	1 332	1 083	143	96	10
6-й отряд	2 831	2 324	116	371	20
Итого	5 344 (100 %)	4 009 (75 %)	542 (11 %)	744 (13,6 %)	49 (0,4 %)

Из общего количества мобилизованных немцев числилось больных: а) стационарных — 499 человек; б) амбулаторно освобожденных — 2 032 человека; в) инвалидов — 145 человек. Люди страдали от простудных заболеваний, отеков, поносов и истощения. Были названы причины такого положения: прибытие большого количества немцев в истощенном состоянии, плохие жилищно-бытовые и санитарные условия. Осмотр выявил, что больничные стационары при стройотрядах плохо оборудованы. Например, в стационаре 13-го отряда отсутствовали постельные принадлежности и белье, больные в своей грязной одежде спали на голых нарах.

Как уже говорилось, пересыльный пункт в ИТЛ отсутствовал, все прибывающие на станцию Челябинск мобилизованные немцы шли 11 км до места их размещения и простаивали в ожидании санобработки и распределения по стройотрядам на открытом месте более шести часов [2, л. 141].

В мае 1942 г. показатели трудовой занятости трудмобилизованных выглядели так, человек:

среднесписочное число	24 997
группа «А»	19 915 (79,6 %)
группа «Б»	1 354 (5,4 %)
группа «В»	2 918 (11,6 %)
в том числе активированные инвалиды	92
группа «Г»	810 (3,4 %) [3, л. 2]

На 1 мая 1942 г. в ИТЛ состояло на учете 2 419 человек заключенных, из которых 1 095 человек были размещены в центральном лазарете. Заключенных селили в летних палатках. В докладе комиссии зафиксировано:

В палатках грязно, вода для питья отсутствует. Сушилki нет. Из-за отсутствия постельных принадлежностей заключенные спят на голых нарах. Физическое состояние заключенных неудовлетворительное...

<...>

1. Жилищно-бытовые условия содержания мобилизованных немцев — нормальные; 2. Обеспеченность больных лечебными учреждениями, оборудованием, постельными принадлежностями и бельем — недостаточное; 3. Санитарное состояние жилых бараков и коммунально-хозяйственных зданий — удовлетворительное; 4. Достаточные условия приема мобилизованного контингента немцев не созданы (отсутствует приемный пункт); 5. Санитарные условия содержания заключенных, в том числе и КВНТ на 1 лагерном участке неудовлетворительное. Содержание больных заключенных в центральной гостинице — удовлетворительное [3, л. 143—144].

По результатам обследования были выявлены такие инфекционные заболевания, как дизентерия, сыпной тиф. При этом было зафиксировано, что «оборудование существующей больницы-лазарета примитивно; твердым инвентарем обеспечены недостаточно, постельными принадлежностями также, бельем обеспечены недостаточно» [3, л. 143—144].

Смертность характеризовалась следующими данными (табл. 3).

Таблица 3

Показатели смертности трудмобилизованных [2, л. 118]
Mortality rates of labor mobilized [2, l. 118]

Месяц	Списочный состав	Число случаев смерти
Февраль	11 795	7 (0,06 %)
Март	13 186	63 (0,49 %)
Апрель	22 067	164 (0,74 %)

Списочный состав контингента заключенных строительства составлял на момент проверки 2 234 человека. Обследование лагучастка № 1 показало положительные изменения:

Территория участка содержится удовлетворительно. Заключенные размещены в 10 двойных палатках, оборудованных сплошными нарами в два яруса. На участке имеется баня туалетного типа, пропускная способность 20—25 чел. в час и паровая камера на такое же количество комплектов. При этом баня имеет всего 16 шак для мытья. Несмотря на наличие бани и дезокамеры на участке среди заключенных отмечается вшивость [3, л. 143—144].

Было выявлено более 120 человек, заболевших цингой. Смертность характеризовалась следующими данными (табл. 4).

Показатели смертности заключенных [2, л. 119]
Mortality rates of prisoners [2, l. 119]

Месяц	Списочный состав	Число случаев смерти
Январь	1 887	70 (1,6 %)
Февраль	4 011	267 (7,1 %)
Март	3 711	248 (6,3 %)
Апрель	3 551	165 (5,8 %)

Летом 1942 г. удалось достигнуть высокой занятости трудмобилизованных группы «А», но с осени показатель начинает падать и в январе 1943 г. достигает минимального значения, %:

июнь	83,5
июль	85,0
август	86,8
сентябрь	86,2
октябрь	84,1
ноябрь	79,6
декабрь	67,8
январь 1943 г.	58,1

Осенью и особенно зимой увеличивается группа «В», %:

июнь	11,7
август	8,5
декабрь	25,3
январь 1943 г.	33,7

По нашим наблюдениям, это было время наибольшей сверхэксплуатации узников лагеря принудительного труда. В течение года запас физических сил людей был исчерпан [4, л. 2—2 об.].

Основными причинами выбытия заключенных и трудармейцев являлись: смертность, побег, арест, этапирование, освобождение и «возвращение в РВК» (табл. 5).

Выбытие спецконтингента ИТЛ в 1942 г. [5, л. 7—7 об. ; 6, л. 2—2 об.]
Departure of the ITL special contingent in 1942 [5, l. 7—7back ; 6, l. 2—2back]

Категория	Прошли за год	Выбыли	Умерли	Освобождены	Побег	Этапированы	Арестованы
З/к	5 461	5 439 (99,5 %)	1 040 (19 %)	493	27	3 846	—
Т/м	34 446	6 663 (19,3 %)	2 727 (7,9 %)	974	568	922	1 403

Следует учесть, что для освобожденных трудармейцев лучше подходит словосочетание «демобиализованы по состоянию здоровья», а для этапированных — «возвращены в РВК» (фактически — демобилизованы по состоянию здоровья).

С истощением физических сил людей численность группы «В» среди трудармейцев выросла с 6,6 % в марте до 25,3 % в декабре. Число активированных инвалидов увеличилось с 64 человек в марте до 922 человек в декабре. В декабре впервые появилась категория «за балансом», в нее пере-

ли всех активированных инвалидов. До этого момента они числились в составе трудового фонда ИТЛ. Когда стало очевидно, что изможденных условиями жизни и труда людей не вылечить, их списали с баланса, чтобы не портить показатели использования трудового фонда лагеря [4, л. 2—2 об.].

Категория «команда временно нетрудоспособных» (КВНТ), или «команда слабосильных» (КС), увеличилась в три раза. Количество стационарных больных возросло в 20 раз: со 142 человек в марте до 2 840 человек в декабре; количество амбулаторных больных — в 6,3 раза: с 560 человек в марте до 3 509 человек в декабре.

По таким показателям, как «следственные без вывода» и «штрафные без вывода», а также «отказчики» в группе «Г», можно судить об отношении трудмобилизованных к режиму и труду. Первых стало больше в 2,4 раза, число «отказчиков» оставалось относительно небольшим и явно зависело от климатических условий региона: в марте их было 17 человек, в июле—августе — один человек и в ноябре снова 17 [4, л. 2—2 об.].

Показатели 1943 г. заметно изменились (табл. 6).

Таблица 6

Выбытие спецконтингента ИТЛ в 1943 г. [7, л. 4—4 об. ; 8, л. 2—2 об.]
Departure of the ITL special contingent in 1943 [7, l. 4—4back ; 8, l. 2—2back]

Категория	Прошли за год	Выбыли	Умерли	Освобождены	Побег	Этапированы
З/к	15 340	3 858 (25,1 %)	650 (4,2 %)	1 551	142	1 489
Т/м	30 270	9 622 (31,8 %)	2 970 (9,8 %)	5 386	30	1 134

Распределение фонда трудармейцев по степени тяжести труда в декабре 1943 г. выглядело таким образом, %:

ТФТ	20,2
СФТ	33,7
ЛФТ	44,7

Группа «В» по отношению ко всему трудовому фонду ИТЛ уменьшилась в течение года примерно в 3,4 раза. Абсолютная численность трудмобилизованных уменьшилась в 1,3 раза (с 27 430 до 20 719 человек) [9, л. 2—2 об.].

Согласно отчетным документам ИТЛ количество «инвалидов за балансом» в первой половине года нарастало с 1 526 человек в январе до 1 669 человек в апреле, к маю снизилось до 780 человек, в июне—июле их вообще не стало, а с августа снова начало нарастать, составив к концу года 1 896 человек. Количество больных в отделе профилактической помощи (ОПП) уменьшилось с 709 человек в январе до 502 человек в октябре, в ноябре—декабре они вообще исчезли из отчетов. Вывод может быть только один — списаны за баланс хронические больные. То же самое произошло со стационарными больными: их количество уменьшилось с 5 564 человек в январе до 782 человек в октябре, в ноябре—декабре этой категории вообще нет в отчетах. Количество следственных и штрафных без вывода уменьшилось с 36 в январе до 17 в декабре, отказчиков вообще не стало [9, л. 2—2 об.].

В интересах ГУЛАГа от руководства ИТЛ требовали увеличения контингента категории «А» и сохранения трудового фонда. Однако фактические обстоятельства были таковы, что сохранить здоровье спецконтингента бы-

ло невозможно, так как их физические затраты превосходили всякие физические возможности, калорийность питания была ниже предельных норм военного времени. По этой причине начальники подразделений ИТЛ оказались вынуждены идти на прямой подлог, показывая трудовой фонд, не соответствующий реальности, за счет включения в него больных и инвалидов. Нам удалось установить, что количество людей в категории трудоспособных и их количество в категориях труда (ТФТ, СФТ, ЛФТ) не совпадают. Из этого следует вполне логичный вывод: неспособные к труду зачислялись в трудоспособные. Это подтверждает переписка между начальником Главпромстроя и руководством ИТЛ «Челябинскметаллургстрой» (ЧМС):

Резкое снижение трудового фонда Вы объясняете мероприятиями, проведенными в связи с распоряжением Главпромстроя НКВД СССР за № 43/10089 от 25.X-43 г., в результате чего якобы среди рабочего контингента оказались больные, находящиеся длительное время на излечении в стационарах, в ООП и т. д. Это утверждение является неточным.

Физическое состояние з/к з/к — по Вашим данным по физическому состоянию заключенных отнесены [так в тексте. — В. К.]:

ТФТ 1 547 чел.
СФТ 4 537 -/-
ЛФТ 5 690 -/-

В итоге по всем группам 11 774 чел, без инвалидов и неkomиссованных заключенных. Фактически — 11 774 з/к з/к является Вашим рабочим фондом, а практически используется на работах по группе «А» 8 914 чел. по «Б» — 706 чел., а всего 9 620 чел. Остальные заключенные значатся по группе «В» — 684 чел. и отнесенных за баланс — 1508 чел.

Следовательно, имеется разрыв на 2 165 чел., которые могут выполнять работы в соответствии с их физическим состоянием.

В то же время это количество заключенных, по Вашим данным, значит: списанных за баланс 1 508 чел. и больных 584 чел. Непонятны расхождения в Ваших данных [12, л. 81—83].

В 1944 г. показатели выбытия спецконтингента уменьшились (табл. 7).

Таблица 7

Выбытие спецконтингента в 1944 г. [10, л. 4—4 об. ; 10, л. 26—26 об.]
Departure of the ITL special contingent in 1944 [11, l. 4—4 back ; 12, l. 26—26back]

Категория	Прошли за год	Выбыли	Умерли	Освобождены	Побег	Этапированы	Арестованы
З/к	16 163	4 873 (30 %)	488 (3 %)	3 349	59	971	
Т/м	24 315	1 806 (7,4 %)	402 (1,6 %)	540	57	215	592

По данным на 1944 г., трудовой фонд трудмобилизованных по степени тяжести труда распределялся таким образом, %:

	январь	июнь	декабрь
ТФТ	20,5	18,1	29,6
СФТ	33,3	31,4	35,1
ЛФТ	44,3	45,5	27,3

За это время численность всего контингента трудармейцев возросла с 20 648 до 22 522 человек, трудовой фонд за счет притока свежих сил уве-

личился с 83,8 до 86,1 %. Группа «В» по отношению ко всему трудовому фонду ИТЛ уменьшилась в течение года примерно в 1,2 раза [13, л. 27—27 об. ; 14, л. 1—228].

Количество «инвалидов за балансом» увеличилось со 134 человек в январе до 414 человек в декабре. К концу 1943 г. их было 1 896 человек. Таким образом, произошло массовое освобождение инвалидов. Количество больных в ОПП увеличилось с 864 человек в январе до 1 627 человек в сентябре, к декабрю вновь снизившись до 876 человек. Вывод может быть только один — списаны за баланс хронические больные. Стационарных больных в январе было 837 человек, их численность достигла пика в июне — 922 человека, к декабрю снизившись до 578 человек. Количество амбулаторных больных колебалось в пределах от 1,3 % в ноябре до 1,8 % в декабре. В апреле в отчетах появляются неточности в количестве инвалидов: категория активированных из группы «В» исчезает, численность «инвалидов за балансом» колеблется от 182 до 201 и 218 человек (их считают то от среднесписочного состава, то от состава на начало месяца, то на конец месяца). То же самое повторяется в мае. Вновь появляются активированные инвалиды в группе «В», наряду с сохранением «инвалидов за балансом». Это пример манипулирования лагерной статистикой в интересах «правильного» отчета «наверх». Количество следственных и штрафных без вывода увеличилось с 10 человек в январе до 89 человек в декабре, отказчиков практически не было [13, л. 27—27 об. ; 14, л. 1—228].

Из помесечных сводок по лагерю выясняются некоторые подробности относительно судьбы «освобожденных» трудармейцев. Например, в отчете за февраль мы читаем:

Основными причинами убыли контингента лагеря являются освобождение заключенных и демобилизация по инвалидности...

Притока нового пополнения в лагерь почти нет. Здесь необходимо еще раз отметить факт невыполнения военкоматами директив центра о возврате на строительство отпущенных по болезни на определенные сроки трудмобилизованных немцев. Ни одна область не выполнила данного решения. Большинство из них ответило, что указанные контингенты уже мобилизованы вновь и отосланы на другие строительства.

Более того, даже отпущенных в отпуск по болезни в последнее время военкоматы, вопреки имеющимся у них указаниям, продолжают отомобилизовывать и отправлять на другие строительства. Так, облвоенком Восточно-Казахстанской области, в ответ на наши извещения о направлении в отпуск по болезни трудмобилизованных немцев, сообщил, что эти немцы военкоматом уже мобилизованы и направлены на другие строительства.

Прошу через Наркомат Обороны воздействовать на облвоенкоматы в вопросе отзыва ранее демобилизованных нами по болезни немцев и возврата их на ЧМС. Это тем более необходимо, что баланс рабочей силы на 2-й квартал сверстан с дефицитом на 4 000 человек... [12, л. 16—17]

Для реконструкции общей картины организации труда в ИТЛ можно привести расчеты по трудовому использованию заключенных. В 1944 г. трудовой фонд (з/к) по степени тяжести труда распределялся таким образом, %:

	январь	июль	декабрь
ТФТ	10,1	5,0	16,8
СФТ	33,0	61,9	28,1
ЛФТ	55,3	27,2	51,6

За это время численность всего контингента заключенных уменьшилась с 11 482 до 11 063 человек, группа «А» возросла с 66,9 % в январе до

80,5 % в декабре. Группа «В» по отношению ко всему трудовому фонду ИТЛ уменьшилась в течение года с 26 % в январе до 11,2 % в декабре [12, л. 1—242].

Документально засвидетельствовано, что количество активированных инвалидов в январе составило 1,5 %, в июле возросло до 4,5 %, сентябре — до 4,7 %, к декабрю снизилось до 2,3 %. Количество «инвалидов за балансом» в этом году нарастало: 73 человека в январе, достигло пика в сентябре — 494 человека, снизившись в декабре до 363 человек. Стационарных больных в феврале было 1 061 человек, показатель достиг пика в марте — 1 358 человек, к декабрю снизившись до 346 человек. Количество следственных и штрафных без вывода оказалось максимальным в марте — 238 человек, в другие месяцы колебалось в пределах от 0 до 1—4 человек [12, л. 1—242].

На фоне улучшения продовольственного обеспечения контингентов ИТЛ в 1944 г. рецидивы резкого увеличения смертности тем не менее повторялись. Так, например:

В течение апреля месяца имело место повышение смертности трудмобилизованных почти на 50 % в сравнении с мартом месяцем, причем более половины умерших относятся к категории ЛФТ. Основные причины смертности — истощение, пеллагра, воспаление легких.

В связи с этим предпринимались определенные профилактические меры. В очередной сводке по ИТЛ отмечается:

Контингент лагеря, имеющий категорию ЛФТ, в соответствии с указаниями ГУЛАГа НКВД СССР в апреле месяце переведен на 10-ти часовой рабочий день. Приказом по управлению ЧМС НКВД № 232 от 24 апреля с. г. трудиспользование категорий ЛФТ на тяжелых работах запрещено, а в случае использования на работах средней тяжести для них установлен коэффициент — 0,6.

Для предупреждения летних желудочно-кишечных инфекций в течение апреля месяца была произведена вакцинация против брюшного тифа, паратифов и дизентерии всего лагерного контингента, а также вольнонаемного состава строительства [12, л. 65, 72].

Перекомиссование всего списочного состава лагнаселения было закончено в начале июня 1944 г., в результате сложилось следующее состояние (в сравнении с прошлым комиссованием в феврале):

- категория ТФТ уменьшилась на 273 человека (6,3 %);
- категория СФТ уменьшилась на 342 человека (9 %);
- категория ЛФТ уменьшилась на 3325 человек (24,4 %) [12, л. 113].

В сентябре были подведены предварительные итоги выполнения приказа по оздоровлению рабочего фонда. Провели медицинское переосвидетельствование физического состояния лагерного населения «с установкой на тщательное выявление всех лиц, находившихся в состоянии дистрофии и преддистрофии»:

При этом было установлено:

- А) Категория ТФТ — 4 012 чел. 13,7 %
- «—— СФТ — 8 244 чел. 28,3 %
- «—— ЛФТ — 15 161 чел. 52,1 %

Комиссовано стационарно-больных и по другим причинам — 1 649 чел.

Б) Лиц в состоянии различных стадий дистрофии и преддистрофии, главным образом в составе категорий ЛФТ, — около 4 000 чел. по группе «А».

В) Дистрофиков, состоявших на излечении в стационарах, оздоровительных колоннах 1 000 чел. (группа «В»)). Руководству ИТЛ пришлось задуматься о порядке трудиспользования категории ЛФТ, и проведен ряд мероприятий по оздоровлению дистрофиков. Ослабленная часть рабочего фонда направлена на сельскохозяйствен-

ные работы в подсобные хозяйства Челябинского НКВД и совхозы посторонних организаций. При этом около 2 000 чел. предистрофиков были направлены в подсобные хозяйства ЧМС и состояли на учете по группе «А» и столько же дистрофиков (в том числе около 300 чел. стойких инвалидов-дистрофиков и пеллагриков) были направлены в оздоровительную колонну, откуда отдельными партиями направлялись в совхозы посторонних организаций и числились на учете по группе «В».

В подсобных хозяйствах ЧМС и посторонних организаций для всей ослабленной части рабочего фонда были установлены льготные условия трудиспользования: скидки с технических норм до 75 % на средних и легких работах и усиленное питание, калорийность которого была доведена до 3 500—4 000 калорий в день на человека, за счет децентрализованных заготовок и продукции подсобного хозяйства.

За всей ослабленной частью рабочего фонда был установлен строгий медицинский надзор и медицинское освидетельствование каждые 15 дней. Отдельные партии, после восстановления физического состояния, своевременно возвращались на стройплощадку, а в подсобные хозяйства, взамен них, направлялись очередные кандидаты из числа ослабленных, выявленных при медицинском освидетельствовании лагерного населения, а также направляемые из стационаров. Производилось контрольное взвешивание людей... Из 300 чел. стойких инвалидов (дистрофиков и пеллагриков), направленных на с/х работы к 01.10. с. г. разактировано и переведено в полноценные категории около 250 чел. [12, л. 176—183].

В течение июля 1944 г. было произведено повторное медицинское переосвидетельствование всего лагконтингента, в соответствии с инструкцией и расписанием болезней ГУЛАГа весь рабочий фонд ЧМС был разбит на категории труда. Изменили номенклатуру работ по степени тяжести и провели переформирование рабочих бригад по объектам работ и по категорийности. В штате санитарного отдела ИТЛ была создана специальная инспекция по контролю за трудиспользованием, для всех бригад 3-й категории труда введены специальные трудовые паспорта с указанием в них работ, на которых могут быть использованы данные бригады, процентных скидок с технических норм и т. п. Начальникам санчастей и старшему инспектору санитарного отдела (САО) по труду предоставлено право снятия с работы бригад при неправильном их трудоиспользовании на работах, запрещенных врачебно-трудовыми комиссиями.

По мнению руководства лагеря, проведенные мероприятия улучшили показатели физического состояния контингентов:

Динамика физического состояния рабочего фонда за период
май—сентябрь 1944 г.

месяц	1 кат.-я	%	2 кат.-я	%	1-й кат. в %
май	4012	13,7	8244	28,3	42
01.08	4592	15,3	9206	28,3	46,7
01.09	5159	17,7	9279	31,8	49,5
01.10	6039	20,1	9995	32,7	52,8

Таким образом, имеет место заметный рост числа лиц с 1 и 2 категорией труда (на 10,8 %) в абсолютных цифрах и почти на 25 % по отношению к числу 1 и 2 категории по состоянию на май месяц с. г.

В прямой связи с летними оздоровительными мероприятиями наметилась тенденция к снижению гр. «В» среди лагнаселения, особенно по контингенту заключенных. В сентябре месяце в связи с началом уборочных работ значительная часть заключенных легкого физического труда нами послана на сельхозработы в подсобные хозяйства строительства, вследствие чего группа «А» увеличилась на 77,2 %.

Повышение гр. «В» в августе месяце по обоим контингентам и стабилизация ее в сентябре по контингенту трудмобилизованных — является следствием активного отбора всех дистрофиков и предистрофиков с зачислением их в ОК и последующим направлением на с/х работы, о чем подробно указано выше [12, л. 176—183].

В инструктивных документах ИТЛ подчеркивалось, что после окончания летних сельхозработ контингенты ЛФТ будут переведены на основную стройплощадку и вновь будут переведены в группу «В». А легких работ на стройплощадке не предвидится.

К ряду положительных изменений можно отнести резкое снижение заболеваемости, связанной с авитаминозами:

...Это обстоятельство приобретает особое значение, учитывая, что, начиная с апреля месяца 1944 года на довольствии лагнаселения почти полностью отсутствовали свежие овощи и свежие мясо-рыбные продукты.

Трудопотери по этим заболеваниям составляли (в целом по лагерю).

	В апр.	В мае	В июне	В июле	В авг.	В сент.
по пеллагре	24607	20276	17145	12304	12435	4575
по алим. дистрофии	15838	12689	12254	8026	6568	6637
	40445	32965	29399	20330	9003	11112

цинготные заболевания — в лагере отсутствуют [12, л. 176—183].

Общий процент смертности по лагерю снижался: с 0,21 % в июле до 0,18 % в августе и сентябре [12, л. 176—183].

Наступил победный 1945 г. Состояние лагерного контингента имело позитивную динамику (табл. 8).

Таблица 8

Выбытие спецконтингента в 1945 г. [12, л. 242—407 ; 14, л. 4—4 об.]
Departure of the ITL special contingent in 1945 [12, l. 242—407 ; 14, l. 4—4back]

Категория	Прошли за год	Выбыли	Умерли	Освобождены	Побег	Этапированы	Арестованы
З/к	12 551	7 935 (63,2 %)	118 (0,9 %)	6 540	19	1 226	—
Т/м	23 824	2 823 (11,8 %)	169 (0,7 %)	1 028	59	986	540

В 1945 г. фонд трудмобилизованных по степени тяжести труда распределялся таким образом, %:

	март	декабрь
ТФТ	30,6	36,5
СФТ	33,4	36,2
ЛФТ	28,6	23,3

За это время численность всего контингента трудармейцев уменьшилась с 22 509 до 21 001 человека, группа «А» увеличилась с 86,3 % в марте до 90,2 % в декабре. Группа «В» по отношению ко всему трудовому фонду ИТЛ уменьшилась в течение года: с 8,1 % в марте до 4,1 % в декабре [12, л. 242—407].

Количество активированных инвалидов уменьшилось с 650 (3 %) в марте до 208 человек (1 %) в декабре, «инвалидов за балансом» — с 687 человек (3 %) до 151 человека (0,7 %) в декабре. Стационарных больных в марте было 854 человека (3,9 %), в мае их число достигло пика — 1 048 человек (4,8 %), к декабрю снизившись до 201 человека (1 %). Количество следственных и штрафных без вывода в марте достигло 213 человек, в декабре снизилось до 6 человек, появились трудармейцы, служащие в ВОХР, — 166—168 человек [12, л. 242—407].

В 1945 г. трудовой фонд заключенных по степени тяжести труда распределялся таким образом, %:

	март	октябрь	декабрь
ТФТ	14,2	11,0	12,0
СФТ	23,3	31,9	31,6
ЛФТ	63,1	54,8	53,4

Среднегодовые данные по группам «А», «Б», «В», «Г» составили: 80,9, 5,0, 13,8, 0,3 % соответственно.

За это время численность всего контингента заключенных уменьшилась с 11 290 до 5 516 человек, группа «А» возросла с 77,1 % в марте до 79,3 % в декабре. Группа «В» по отношению ко всему трудовому фонду ИТЛ увеличилась в течение года с 14,4 % в марте до 22,8 % в октябре и снизилась до 14 % в декабре. В статистике с августа расчет категорий труда (ТФТ, СФТ, ЛФТ) идет явно не от величины трудфонда. Например, в этом месяце категория ТФТ рассчитана исходя из численности трудоспособных заключенных в 10 190 человек, а суммарная численность категорий «А» и «Г» составила всего 7 957 человек. Перед нами очередной пример ошибок лагерной статистики в сторону завышения истинного количества трудового фонда [12, л. 242—407].

Количество активированных инвалидов в марте составило 2,5 %, в ноябре возросло до 4,4 %, к декабрю снизилось до 3,4 %. Количество «инвалидов за балансом» в этом году с 299 человек в марте нарастало до 640 человек в июле, снизившись в декабре до 191 человека. Стационарных больных в марте было 430 человек, в октябре — 829 человек, к декабрю снизилось до 345 человек. Количество следственных и штрафных без вывода колебалось в пределах от 10 до 15 человек [12, л. 242—407].

Физическое состояние спецконтингента напрямую зависит от жилищных условий. Какими же были «жилищно-бытовые условия содержания контингентов» (формулировка из отчетов ИТЛ. — В. К.) в конце 1945—1946 гг.?

Жилой фонд лагерных участков, где размещаются заключенные, и участка в котором содержатся интернированные немцы, — в основном представляет собой землянки шатрового типа, которых насчитывается 119 и 22 каркасно-засыпных барака. Все землянки, за исключением 26 землянок выстроенных в 1946 г. на вновь организованном 9 лагучастке /при УС 859/, — относятся к постройкам, сооруженным в 1942—43 гг. и как временные сооружения, построенные в свое время из сырого леса, пришли уже в состояние большой изношенности, о чем говорит факт списания в этом квартале, как абсолютно не пригодных для жилья и подлежащих сносу 11 землянок.

В силу этого обстоятельства, жилфонд требует неотложного и большого капитального ремонта. Из 22 бараков каркасно-засыпного типа — 15 построено в 1945—46 гг., 6 бараков, в которых размещены интернированные немцы (Потанино), и барак на 2 лагучастке, где расположены з/к з/к женщины, пришли в состояние крайней изношенности и требуют большого капитального ремонта.

Благодаря надлежащему содержанию и своевременно проводимому текущему ремонту, — все помещения лагучастков (за исключением помещений 1 лагучастка) находятся в хорошем состоянии» [15, л. 26—28].

Помещения лагучастка № 1, построенные в 1941—1942 гг. несколько раз передавались для расселения в них различных контингентов: в начале в нем были военнопленные, затем — рабочие из числа репатриантов, занятые на работах Челябинского металлургического завода, зимой 1945—1946 гг. — контингенты военно-строительных батальонов и только в апреле 1946 г. с организацией лагучастка здесь были размещены заключенные.

Передача помещений из одних рук в другие отрицательно сказалась на состоянии их, т. к. руководители организации, в чьем ведении находились проживавшие в этих помещениях контингенты, не заботились о своевременном ремонте и надлежащем сохранении жилфонда, что и привело в состояние запущенности его, а с организацией лагучастка для з/к з/к привело к необходимости производства большого капитального ремонта, обеспечению заново необходимым оборудованием и инвентарем всех помещений участка.

Руководство ИТЛ в своем отчете подчеркивало, что «физическое состояние з/к з/к значительно улучшилось за счет проводимых оздоровительных мероприятий и частично за счет вновь прибывших в Челябинсталлургстрой этапов» [15, л. 30].

Из проведенного нами анализа следуют вполне определенные выводы.

Во-первых, тяжелое санитарно-эпидемиологическое состояние ИТЛ в 1942 г. связано с началом строительства лагеря в момент прибытия спецконтингента, который уже находился в болезненном и истощенном состоянии. Самым тяжелым временем для физического состояния узников ИТЛ оказалась зима 1942/43 г.

В то же время в летние месяцы 1942 г. была достигнута наиболее высокая занятость трудмобилизованных в группе «А» (август — 86,8 %). Но уже в январе 1943 г. она составила только 58,1 %. Вероятно, это было время пика сверхэксплуатации узников лагеря принудительного труда. В течение года запас физических сил людей был исчерпан.

По нашим наблюдениям, процент трудоспособного контингента трудмобилизованных всегда был выше трудоспособного контингента заключенных.

Работники НКВД пытались маскировать реальное физическое состояние спецконтингента. Так, для официально «освобожденных т/м» лучше подходит словосочетание «демобилизованы по состоянию здоровья», а для «этапированных т/м» — «возвращены в РВК», что фактически равнозначно «демобилизованы по состоянию здоровья». Так больных людей списывали с баланса рабочей силы ИТЛ и отправляли умирать на спецпоселение.

Обстоятельства организации жизнедеятельности ИТЛ всегда были таковы, что сохранить здоровье спецконтингента было невозможно, так как их физические затраты превосходили всякие физические возможности, калорийность питания была ниже предельных норм военного времени. Поэтому начальники подразделений ИТЛ вынуждены были идти на прямой подлог, показывая трудовой фонд, не соответствующий реальности, за счет включения в него больных и инвалидов. Неспособные к труду зачислялись в трудоспособные.

Только в 1944 г. начались систематические профилактические мероприятия по улучшению физического состояния спецконтингента. В 1944 г. показатели выбытия уменьшились. Несмотря на явное улучшение продовольственного обеспечения контингентов ИТЛ в 1944 г., рецидивы резкого увеличения смертности повторялись.

Жилищный фонд лагеря, возведенный в 1942—1943 гг., к 1945—1946 гг. пришел в состояние большой изношенности и требовал капитального ремонта.

В результате проведенного исследования нам удалось установить не только количество трудмобилизованных, прошедших через лагерь, — 42 902 человека, но и общую численность заключенных ИТЛ БМК — ЧМС — около 47 000 человек. Кроме того, мы смогли назвать количество умерших трудармейцев за период 1942—1946 гг. — 6 419 человек (за исключением одного месяца 1945 г. и семи месяцев 1946 г.); сравнить со смертностью заключенных за тот же период — 2 403 человека (без одного месяца 1946 г.). Смертность трудмобилизованных за все время их пребывания

ния в ИТЛ составила 17,3 %. Процент смертности заключенных за аналогичный период — 5,15 %.

Опираясь этими цифрами, следует помнить, что количество персоналий трудармейцев и заключенных, прошедших через ИТЛ, значительно меньше вышеназванного количества. Многие из них этапировались, затем снова возвращались в лагерь и учитывались в прежней учетной карточке. Точную их численность можно было установить только после перевода всей учетной картотеки в электронную базу данных, что мы и сделали. Численность трудармейцев составила 37 086 человек. В то же время мы пришли к выводу о неполноте картотеки, хранящейся в Областном государственном архиве Челябинской области. По всей вероятности, в ней отсутствуют сотни карточек, и причины этого нам остались неизвестны.

Список литературы

1. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 2001. 480 с.
2. Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 1619. Оп. 1. Д. 134.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 386.
4. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 386.
5. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 381.
6. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 398.
8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 402.
9. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1202.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 414.
11. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1215.
12. ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2. Д. 26.
13. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1216.
14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 432.
15. ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2. Д. 48.

References

1. Eggertsson T. Ekonomicheskoe povedenie i instituty [Economic behaviour and institutions]. Moscow, Delo, 2001, 480 p.
2. *Oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO)* [Regional State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO)], coll. 1619, aids 1, fol. 134.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. 9414, aids 1a, fol. 386.
4. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 386.
5. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 381.
6. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 1172.
7. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 398.
8. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 402.
9. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 1202.
10. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 414.
11. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 1215.
12. *OGACHO [(OGACHO)]*, coll. 1619, aids 2, fol. 26.
13. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 1216.
14. *GARF [(GARF)]*, coll. 9414, aids 1, fol. 432.
15. *OGACHO [(OGACHO)]*, coll. 1619, aids 2, fol. 48.

Информация об авторах

Кириллов Виктор Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Российская Федерация. E-mail: history_vmk@mail.ru

Information about the authors

Viktor M. Kirillov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation. E-mail: history_vmk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.

Репрессивная политика в СССР

Научная статья
УДК 376.744(47+57)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-88-102

Возрождение немецкого национального образования в СССР в 1950-х гг.: планы и реальность

Ирина Васильевна Черказьянова

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация, cherk@inbox.ru, ORSID:
0000-0002-1569-002X

Аннотация. В статье рассматривается проблема послевоенного национального образования советских немцев, попытки восстановления немецкой школы начиная с 1957 г.

Послевоенное расселение немцев на востоке страны определяет географию исследуемой темы: территории Западной Сибири и Алтая, Казахстана и Киргизии.

Запрет национальных школ в 1938 г., депортация в годы Великой Отечественной войны, спецпоселение, продолжавшееся до конца 1955 г., — все это подорвало традицию немецкой школы, значительно снизило уровень грамотности советских немцев к этому времени.

Ограниченность реформы 1957 г. заключалась в попытках восстановить только преподавание немецкого языка, речь не шла о возрождении немецкой национальной школы. Преподавание языка было введено сначала лишь в начальных классах, но вскоре стало понятным, что необходимо преподавание языка в целом в школе. Остро стоял вопрос о педагогических кадрах, учителей хронически не хватало. Положительным моментом стала организация подготовки учителей немецкого языка на базе педучилищ Алтая и Казахстана, а также Омского пединститута. Первые успехи конца 1950-х гг. вскоре сменились стагнацией, а затем и сворачиванием реформы в конце 1960-х гг. Одной из причин незавершенности реформы применительно к немцам стало отступление от традиционной педагогической политики СССР, сложившейся в довоенный период: с 1958 г. родители выбирали язык обучения для своих детей. Пережив депортацию и спецпоселение, родители были озабочены будущим детей, поэтому часто отказывались от немецкого языка обучения. Сокращение национального образования в 1960—1970-х гг. было общей тенденцией в СССР, к началу 1980-х гг. число языков, на которых велось преподавание, сократилось с 46 до 16. Особенностью немецкой школы было отсутствие преподавания на немецком языке, сохранялось лишь изучение немецкого языка.

Ключевые слова: национальное образование, реформа 1957 г., советские немцы, немецкий язык как родной, средняя школа, Сибирь, Казахстан, Киргизия

Для цитирования: Черказьянова И. В. Возрождение немецкого национального образования в СССР в 1950-х гг.: планы и реальность // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 88—102. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-88-102.

Repressive policy in the USSR

Original article

The revival of German national education in the USSR in the 1950s: plans and reality

Irina V. Cherkazyanova

Independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation, cherk@inbox.ru, ORSID: 0000-0002-1569-002X

Abstract. The article deals with the problem of post-war national education of Soviet Germans, attempts to restore the German school starting from 1957.

The post-war resettlement of Germans in the east of the country determines the geography of the topic under study: the territories of Western Siberia and Altai, Kazakhstan and Kyrgyzstan.

The prohibition of national schools in 1938, deportation during the Great Patriotic War, the special settlement, which lasted until the end 1955, — all this undermined the tradition of the German school, significantly reduced the level of literacy of Soviet Germans by that time.

Reform limited 1957 consisted in attempts to restore only the teaching of the German language, it was not about the revival of the German national school. Language teaching was first introduced only in the primary grades, but it soon became clear that language teaching in general was needed in schools. The question of teaching staff was acute, there was a chronic shortage of teachers. A positive moment was the organization of the training of teachers of the German language on the basis of pedagogical schools in Altai and Kazakhstan, as well as the Omsk Pedagogical Institute. The first successes of the late 1950s soon gave way to stagnation, and then curtailment of the reform in the late 1960s. One of the reasons for the incompleteness of the reform in relation to the Germans was the retreat from the traditional pedagogical policy of the USSR, which developed in the pre-war period: since 1958, parents chose the language of instruction for their children. Having survived the deportation and special settlement, the parents were concerned about the future of their children, so they often refused the German language of instruction. The decline in national education in the 1960—1970s was a general trend in the USSR, by the early 1980s the number of languages in which teaching was conducted decreased from 46 to 16. A feature of the German school was the absence of teaching in German, only the study of German remained.

Keywords: national education, reform 1957, Soviet Germans, German as a mother tongue, secondary school, Siberia, Kazakhstan, Kyrgyzstan

For citation: Cherkazyanova I. V. The revival of German national education in the USSR in the 1950s: plans and reality. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):88—102. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-88-102.

Введение

Противоречивое развитие национального образования в СССР в 1920—1930-х гг. закончилось в 1938 г. закрытием школ нетитульных наций. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», в котором отмечалось, что национальные школы «искусственно насаждались», что они превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», а педагогический состав засорен врагами, школы наносят огромный вред делу правильного обучения и воспитания. Фактическое закрытие национальных школ прикрывалось пропагандой необходимости изучения русского языка, широко развернувшейся после выхода 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В новой ситуации немецкие школы сохранялись лишь на территории Автономной Советской

Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП). Немцы Сибири и Алтая, Украины и Кавказа, других республик и территорий были лишены обучения на родном языке. В целом документ нанес большой вред национально-языковому строительству, это стало одним из поворотных пунктов в развитии национального образования в СССР.

Депортация немцев и ликвидация Республики немцев Поволжья в 1941 г. на долгие годы вообще закрыли тему немецкой национальной школы. Ликвидация нетитульных школ была частью ограничений по национальному признаку. Поэтому вопрос о возрождении национальной школы с родным языком, поставленный в стране в 1950-х гг., был не только и не столько вопросом педагогической политики и практики, но и, на наш взгляд, мог быть использован как дополнительный механизм реабилитации репрессированных народов.

В середине 1950-х гг. был принят ряд указов по снятию ограничений с различных групп спецпоселенцев и этнических контингентов, по возвращению им гражданских прав и свобод. Важнейшим документом этого периода для немцев стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». После этого снятия ограничений дождались и другие народы, возродились и их национально-территориальные образования. Немцы же остались в местах выселения без права возвращения в родные места. Дисперсность проживания немцев особенно остро ставила вопрос социализации их детей, сохранения родного языка и культурных традиций. Поэтому процесс возрождения школы с родным языком для «наказанных народов», которым была возвращена территориальная автономия, и для немцев, для которых вопрос восстановления Республики немцев Поволжья так и не был решен, развивался по-разному.

О национальной школе постсталинского периода есть немало публикаций, но тема немецкой школы требует более обстоятельного изучения [1—3]. Мы ставим задачу попытаться реконструировать процесс возрождения национальной школы и определить степень реализации намечавшихся планов.

Состояние вопроса после окончания войны

Депортация советских немцев на восток радикально изменила географию их проживания. Сибирь, Казахстан, Киргизия приняли наибольшее число депортированных. При сравнении показателей двух переписей населения (1939 и 1959 гг.) эти изменения особенно ярко проявляются. Немецкое население Украины за это время почти исчезло (уменьшилось с 392 458 до 23 243 человек), в РСФСР — заметно сократилось (с 862 504 до 820 016 человек), зато в Казахстане увеличилось в несколько раз (с 92 571 до 659 751 человека) [4]. Важно отметить, что во многих регионах до войны немцы вообще не проживали, поэтому можно говорить о восстановлении немецкой школы главным образом в Омской области и на Алтае, где они пребывали до войны. На прочих территориях немецкую школу нужно было создавать впервые при отсутствии педагогических кадров и опыта работы с немцами. Проблему усложняли последствия войны и депортации, так как во время войны немцы практически были лишены самой возможности получения какого-либо образования, что было обусловлено не только материальными причинами, но и тем социальным статусом, который несправедливо был им присвоен.

К 1 октября 1945 г. на спецпоселении в стране находилось 328 084 немецких ребенка до 16 лет [5, с. 109], что составляло 47 % от общего количества немцев-спецпоселенцев. Отсутствие вообще любой школы в местах проживания, незнание детьми русского языка усугубляли ситуацию. Бытовые условия — сиротство и беспризорность, развившиеся после мобилиза-

ции родителей в трудармию, нехватка одежды и обуви, необходимость заниматься домашней работой и присматривать за младшими детьми — порой становились серьезной причиной не ходить в школу. Пример Омской области красноречиво отражает ситуацию того периода. По сведениям УНКВД Омской области за 1943 г., в Большереченском районе из 565 детей-немцев в школу ходил только 31 ребенок, в Юргинском районе — не более 8—10 детей [6, с. 40].

Организация школьного обучения для депортированных народов началась после выхода 20 июня 1944 г. постановления СНК СССР «Об обучении детей спецпоселенцев на русском языке». Согласно документу обучение в школе велось исключительно на русском языке, а для учащихся, не владеющих русским языком, привлекали учителей из числа спецпоселенцев. В документе нет упоминания о немцах и калмыках, но позже мы видим появление классов для немцев, не владеющих русским языком, с привлечением педагогов из среды самих спецпоселенцев.

С 1944 г. повсеместно подростки из семей спецпереселенцев призывались в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища, но лишь на территории их расселения. При этом если дети бывших кулаков снимались с учета спецпоселения при направлении на учебу, а по окончании могли работать в любом регионе страны, то на немцев это правило не распространялось. Дети немцев, финнов, калмыков, крымских татар при направлении на учебу передавались на учет в городские или районные отделения НКВД по месту нахождения учебного заведения, а по окончании могли работать только в местах их постоянного расселения.

В Казахстане проблему обучения детей спецпоселенцев начали решать в 1945—1946 гг. В постановлении СНК и ЦК КП(б) Казахской ССР от 26 апреля 1945 г. был поднят вопрос об охвате учебой детей спецпоселенцев, отмечались крупные недостатки [7, с. 70]. Однако правительственное решение фактически не повлияло на положение дел: дети по-прежнему не могли ходить в школу по разным причинам. На 1 января 1949 г. в Восточно-Казахстанской области было учтено 7 419 детей-немцев школьного возраста, но школу посещал 4 331 ребенок (58 %), остальные были заняты на работах [7, с. 71]. По данным на 15 сентября 1950 г., в республике школу не посещали 9,5 % детей-немцев. По сравнению с военным периодом это был значительный сдвиг в положительную сторону [8, с. 84—97]. Увеличение числа учеников шло за счет открытия русских классов в казахских школах. Поскольку во многих районах республики действовали только казахские школы, а отсутствие русских школ было серьезным препятствием не только для немцев, но для всех национальностей, выселенных в Казахстан, то открытие хотя бы русских классов было компромиссным решением. Небольшая численность немцев в некоторых поселках также создавала трудности для обучения их детей — сложно было открыть даже класс. В итоге обучение основной части немецких детей в Казахстане шло на русском языке, некоторой части — на казахском, обучения на родном языке не было вообще.

Таким образом, к началу 1950-х гг. образование немцев утратило национальную основу, школу лишили родного языка, более того, в этот период дети были практически лишены возможности вообще посещать школу. Учитель Виктор Клейн из Славгородского района с болью говорил о молодежи, которая не смогла учиться в годы войны, поэтому не знала русского языка и была безграмотной по-немецки. Для этой категории важно было организовать хотя бы вечернюю школу [9]. В первые послевоенные годы задачи культурного развития и образования не были первоочередными. На первый план выдвигались проблемы хозяйственно-бытового устройства населения. Поэтому проблема школьного обучения немецких детей решалась лишь количественно: росло число учащихся, обучение велось на рус-

ском языке, о возрождении собственных школ и обучении на родном языке не было и речи.

Вопрос школьного образования немецких детей после отмены режима спецпоселения

После снятия ограничений режима спецпоселения культурному развитию немецкого населения повсеместно начали уделять больше внимания. Вопрос введения в школьные программы немецкого языка как родного был следствием общего усиления политической и культурно-просветительской работы с немецким населением во второй половине 1950-х гг. Попытки введения родного языка в школьные программы предпринимались отдельно в каждой республике, где проживали немцы.

В 1956 г. одновременно в Киргизии (15 октября) и Казахстане (18 октября) появились секретные постановления центральных комитетов компартий республик об усилении массово-политической и культурно-просветительской работы среди советских граждан немецкой национальности. В Казахстане, как подчеркивалось в постановлении, необходимо было усилить изучение русского языка, улучшить преподавание родного языка начиная с начальной школы [10, с. 223]. Среди недостатков, отмечаемых в Киргизии, выделялась проблема образования немцев: свыше четырех тысяч граждан (17 %) были малограмотными и неграмотными, а обучение их грамоте не было организовано. ЦК Компартии Киргизии обязал министерство образования разработать меры по ликвидации неграмотности и малограмотности среди немцев республики, а также внести на рассмотрение Совета Министров Киргизской ССР вопрос о необходимости введения в школах, где обучаются дети немецкой национальности, преподавания немецкого языка и литературы [11, с. 194—197].

В 1955 г. партийные органы Казахстана, ссылаясь на пожелания родителей, предложили ввести в 1—4-х классах преподавание немецкого языка как родного в виде самостоятельной дисциплины. Речь шла лишь о предмете немецкого языка, а не о немецком языке преподавания. Для принятия подобного решения власти обратились к мнению родителей учеников. Судя по документам, зачастую взрослые сами были против обучения детей на немецком языке, но не возражали против введения в программу немецкого языка как предмета. Например, подобную позицию выражали немцы Павлодарской области в сентябре 1955 г. [10, с. 202—203] Но можно ли считать свободным волеизъявление людей, которые только что пережили депортацию, трудовую армию и все еще стояли на спецучете? Неуверенность в том, что репрессии по национальному признаку закончатся, страх за судьбу детей — все это заставляло взрослых отказываться от традиции обучения на родном языке. Главным для них было, чтобы их дети адаптировались к новым условиям в дальнейшей жизни, чтобы могли продолжить образование после школы, а это мог дать только русский язык. Очевидно и то, что подобные решения принимались на собраниях после соответствующей обработки родителей со стороны партийных органов.

1957 г. стал значимым в истории послевоенного образования советских немцев: были предприняты первые шаги по возрождению немецкого образования — вводилось обучение детей немецкому языку как родному в школах России, Казахстана и Киргизии.

Эти мероприятия совпали с очередной школьной реформой в стране, которая проводилась в духе решений XX съезда КПСС, — был взят курс на политехнизацию школы. 24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране», который установил всеобщее обязательное восьмилетнее образование, были приняты три формы обучения: очная, вечерняя и заочная. В преамбуле говорилось: «В результате после-

довательного осуществления ленинской национальной политики все народы в Советской стране имеют школу на родном языке» [12, с. 53]. Такое заявление свидетельствовало, что формально вопрос введения родного языка в школы у немцев считался решенным. Но как развивались события на практике, еще предстоит рассмотреть.

Практика применения законодательства о введении преподавания немецкого языка как родного

В РСФСР в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР преподавание немецкого языка как родного вводилось в школах с 1 сентября 1957 г. Обучение планировалось вести по расширенной программе и открыть классы двух типов: 1) обучение начать с 1-го класса, вести преподавание немецкого языка и литературы на немецком языке по 13 часов в неделю; 2) обучение немецкому языку по особой программе начать со 2-го класса, обучение вести на русском языке. Министерство обязало директоров педагогических институтов принимать студентов-немцев, чтобы они по окончании учебы могли преподавать немецкий как родной язык.

На территории России центрами возрождения немецких школ стали Омская область и Алтайский край — территории, где исторически немцы проживали компактными группами. Именно здесь наиболее активно взялись за дело. В Омске планировалось начать обучение уже с осени 1957 г. в 38 школах [13, с. 3]. В некоторых районах Алтая: Славгородском (Подсосновое, Шумановка, Кусак, Редкая Дубрава), Хабаровском (Орлово, Протасово, Дегтярка, Полевое), Табунском, Благовещенском, Кулундинском, Рубцовском, Локтевском, Бурлинском — также началась активная организация обучения языку. К 1959 г. в Алтайском крае работали уже 60 школ, 2 500 учеников изучали немецкий язык как родной [14, с. 117]. В начале 1960-х гг. уже насчитывались 72 подобные школы. Но не все было гладко — введение языка в школах растянулось, что объяснялось разными причинами. Так, в Купино (Новосибирская область) обучение началось лишь 15 сентября 1958 г., язык учили четыре часа в неделю, занятия посещали 31 немецкий ученик и, по желанию родителей, восемь русских детей.

Уже первые шаги по реализации реформы выявили ее несовершенство и ограниченность предлагаемых мер. Поэтому на страницах газеты *Neues Leben* («Нойес Лебен»), первый номер которой вышел в Москве 1 мая 1957 г., развернулась дискуссия о путях улучшения преподавания немецкого языка как родного. Становилось очевидным, что обучение надо вводить уже с 1-го класса, не ограничиваться двумя-четырьмя годами, а продолжать практику преподавания и в старших классах. Звучали предложения о продлении общего курса обучения с 10 до 11 лет, чтобы в полной мере усвоить знание двух языков.

Официально использование в школах Казахстана немецкого языка как родного было узаконено постановлением Совета Министров Казахской ССР от 2 февраля 1957 г. «О введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности в школах Казахской ССР» [10, с. 224—225]. Преподавание вводилось в обязательном порядке со второго полугодия 1957/58 учебного года в местах компактного поселения немцев. Язык преподавался во 2—4-х классах в начальных, семилетних и средних школах в объеме двух часов в неделю сверх учебного плана. Число учащихся в каждой группе по изучению немецкого языка должно было быть не менее 10 человек. По сути, подобная практика изучения языка — уроки после основного цикла уроков с минимальным числом часов — скорее напоминает факультативные занятия, чем обязательные уроки.

Чтобы обеспечить школы республики преподавателями, все учителя-немцы, даже если они работали не по специальности, были взяты на персональный учет. Вначале в республике действовало 975 групп по изучению

немецкого языка, а в 1958/59 г. их было уже 1 099, в них обучалось 17 508 человек [10, с. 231]. Школы приступали к работе без определенной программы, при большом дефиците учебников. Отсутствие программы и учебников затягивало начало занятий. Так, например, в Акмолинской области занятия начались в январе 1958 г. с детьми 2—4-х классов, а с 1 сентября 1958 г. планировалось изучение немецкого уже с 1-го класса. Из учеников разных классов формировали специальные группы, к осени 1958 г. в 82 группах занимались более 1 300 детей.

В Киргизии в соответствии с постановлением Министерства просвещения республики обучение языку вводилось, как и в России, с 1 сентября 1957 г., но только в порядке эксперимента и по желанию родителей учащихся. Обучение начиналось со 2-го класса. В первый год к обучению приступили в десяти школах [15, с. 10].

Уже в 1959/60 учебном году финансирование эксперимента в Киргизии прекратилось. Республиканское руководство забило тревогу лишь после того, как было прекращено обучение родному языку во 2—6-х классах Ленинпольской средней школы Таласского района. Минфин республики ссылался на отсутствие соответствующего постановления Совмина республики, которое бы обязывало министерство просвещения ввести преподавание немецкого языка для детей немцев. Министерство просвещения рассмотрело вопрос 8 января 1960 г.: действия районного отдела просвещения были осуждены, и коллегия министерства постановила ввести обучение родному языку для немецких детей со 2-го по 8-й класс [11, с. 225].

По ходатайству Министерства просвещения Киргизии 5 февраля 1960 г. было принято постановление Совета Министров «О введении обучения родному языку детей немецкой и дунганской национальности». Для немцев предусматривалось обучение родному языку во 2—8-х классах, для дунган — в 5—8-х классах, требовалось проводить занятия при наличии группы желающих не менее 10 человек [11, с. 227]. На уроки родного языка отводилось три часа в неделю. С начала 1960/61 учебного года в трех школах Таласского района расширенный вариант преподавания был введен в 7-м классе. В 1964 г. в некоторых школах даже вводился родной язык и в 9—10-х классах. Неожиданный сбой произошел для тех детей республики, которые в 1960 г. должны были пойти в пятый класс. Руководство сверху ввело изучение немецкого языка как иностранного для всех пятиклассников без исключения, поэтому именно этой группе детей пришлось в течение учебного года осваивать программу по языку как родному [16].

В вузах Киргизии в тот период обучалось 419 немцев, в техникумах — 439 [17, с. 301]. В 1965/66 учебном году обучение родному немецкому языку проводилось в 39 школах, с осени 1966 г. планировалось открыть обучение еще в четырех школах. Был утвержден учебный план, согласно которому на изучение языка во 2—4-х классах отводилось три часа, 5—8-х классах — пять часов, 9—10-х классах — по два часа в неделю [11, с. 245].

Трудности первых месяцев и даже лет были связаны со слабой оснащенностью школ учебными материалами. Школы приступали к работе без определенной программы, при большом дефиците учебников. В Казахстане первые 10 экземпляров программы были получены из Министерства просвещения РСФСР лишь в сентябре 1958 г., они были размножены и разосланы всем областным отделам образования. Программа была далека от совершенства, поэтому учителя руководствовались в основном учебниками. Планировалось, что повсеместно в 1957/58 учебном году все начальные классы будут заниматься по букварю, разработанному Г. Классеном, а со следующего года школы получают «Книги для чтения» Е. Е. Соловьевой для 2, 3 и 4-го классов и учебник русского языка А. А. Гердта для немецких детей 1-го класса (Herdt A. A. «Mein erstes russisches Buch»). Однако обещанные Учпедгизом книги, в первую очередь буквари, начали поступать,

например, в Сибирь только с середины сентября 1957 г. В школы Славгородского района (Алтай) учебные программы попали только в конце октября, а в некоторых школах Табунского района не было ни программы, ни учебников еще в феврале 1958 г. В 1957 г. 36 немецких школ Омской области также вовремя не получили учебники.

Положение в школах усугублялось тем, что в местах компактного проживания немцев дети не владели русским языком и говорили на диалектах. Это было характерно для Алтая (например, села Каратал, Подсосново), для Киргизии (Таласский район), особенно в меннонитских поселениях. Этих детей предстояло обучить немецкому литературному языку, а обучение начиналось только со 2-го класса. Там где в начальных классах работали русские учителя, не владеющие немецким языком, положение оказывалось особенно драматичным. Учитель из Ленинополя (Киргизия) Г. Реймер вспоминал, как он обходился в первые недели без учебников в классах, где были дети, говорящие на диалекте. Сначала они разучивали песни, вторую неделю развивали устную речь и лишь с третьей недели приступили к письму [16].

Сложности первых лет внедрения обучения на родном немецком языке объясняются не только организационными недоработками и бюрократическими проволочками, отсутствием программ и учебников. В России, Казахстане и Киргизии — везде преподавание немецкого языка как родного вводилось по желанию родителей. Это нововведение радикально отличалось от предыдущей школьной политики. В середине 1920-х гг. практика выбора языка обучения путем опроса населения категорически отвергалась Наркомпросом, поскольку это противоречило основным принципам педагогики. В то же время было очевидно, что выбор таким путем носит случайный характер и зависит от условий (агитация той или иной стороны), в которых проходил опрос [18, с. 109]. Право родителей выбирать язык обучения для своих детей, существовавшее на практике с конца 1958 г., в России было законодательно закреплено в Законе Российской Федерации от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации». Как отмечает В. М. Алпатов, сложилась парадоксальная ситуация, характерная для многих народов в СССР: национальные школы в большей степени поддерживались сверху, часто просто по инерции, в то время как снизу шло стремление к обучению на русском языке [19, с. 107].

В некоторых областях и районах руководители вообще не вели разъяснительную работу среди немецкого населения, поскольку считали, что численность проживающих немцев недостаточна для изучения языка по расширенной программе. В других случаях людям предлагали только полный переход на немецкий язык. В итоге население вообще отказывалось от немецкого языка, не подозревая, что имеется урезанный вид программы обучения. Подобная ситуация выявилась, например, в Томской области в 1958 г. во время августовского совещания руководителей в Министерстве образования РСФСР. Заведующий Томским облоно М. Нестеров утверждал, что немецких детей мало, а родители не желают обучать их на немецком языке. В то же время письма родителей из Кожевниковского района свидетельствовали о прямо противоположном [20]. На Алтае некоторые родители в Подсосново выступали за исключительно русскоязычное преподавание. В Серебрянополе Табунского района требовали немецкий язык не только для детей, но и для подростков, а отдельные родители выступали вообще за немецкую школу. Немцы Павлодарской области на собраниях в сентябре 1955 г. выступали против обучения детей на немецком языке, но не возражали против введения в программу немецкого языка как предмета.

В поисках причин нежелания немцев учить детей на немецком языке необходимо учитывать фактор ассимиляции немцев и утраты ими родного

языка за период с конца 1930-х гг., после закрытия немецких школ и начала депортации. По итогам переписи 1959 г. 75 % немцев назвали немецкий язык родным [21, с. 10]. Объяснима тревога родителей за дальнейшую судьбу детей, которым предстояло выбирать в будущем профессию. Полный перевод школьного обучения на немецкий язык при отсутствии возможности продолжить обучение на родном языке был серьезным мотивом отказаться от исключительно немецкоязычного преподавания. Однако начавшаяся реформа образования была построена именно на принципе, позволявшем родителям определять язык обучения для своих детей.

Проблема педагогических кадров

Нехватка педагогических кадров для немецких школ ощущалась на протяжении всего довоенного периода. Она вновь обострилась в связи с тем, что за прошедшие почти два десятилетия старшее поколение учителей либо ушло из жизни, либо снизило квалификацию. К старым учителям власти по-прежнему относились с недоверием по политическим соображениям. Специальным приказом Министерства просвещения Казахской ССР учителя-спецпоселенцы привлекались к работе в начальных классах, а также для обучения точным наукам, но преподавание гуманитарных наук им не доверялось.

С введением в школах немецкого языка как родного остро встал вопрос подготовки учителей. Из-за отсутствия кадров тормозился процесс введения преподавания родного языка в 13 школах Табунского района Алтая, где в феврале 1958 г. еще не приступали к реформе [22]. В Оренбургской области недостаток учителей также привел к тому, что часть школ не смогла начать обучение в 1957 г., поэтому летом 1958 г. были организованы курсы для учителей [23]. С конца 1950-х гг. будущих педагогов обучали на факультетах иностранных языков в пединститутах Барнаула, Кокчетав, Омска, Оренбурга, на заочном отделении Алма-Атинского института иностранных языков, а также в ряде педучилищ Казахстана и Западной Сибири. Наиболее успешно велась работа в Славгородском педучилище. В 1957/58 учебном году при факультете иностранных языков в Омске проводились вечерние курсы, это позволило всем немецким учителям города получить высшее образование. В то же время в Омской области насчитывалось около 400 немецких учителей, не имеющих вузовского диплома. Для них предполагалось организовать заочное обучение в Омском пединституте. Часть учителей повышала квалификацию на двухнедельных курсах при Институте усовершенствования учителей, где большинство предметов преподавалось на немецком [24]. В Алтайском крае к 1960 г. число немецких учителей с высшим образованием увеличилось с 13 до 37 %. Но по-прежнему педагогов не хватало, поэтому на Алтае, по свидетельству корреспондента газеты *Neues Leben* Л. В. Малиновского, в это время даже в селах с преобладающим немецким населением дети учили английский язык [25]. С начала 1960/61 учебного года преподавание немецкого языка по расширенной программе стало вводиться с 5-го класса, предполагалось в следующие годы довести до 8-го класса. В Казахстане для работы этой программы в 1960 г. было подготовлено 20 выпускников Алма-Атинского пединститута, кроме того, планировались летние курсы для учителей [26].

В целом возможности получения немцами высшего образования в послевоенный период были сильно ограничены. Учебные заведения, расположенные в столичных городах, связанные с некоторыми секретными производствами, университеты вообще были недоступны представителям репрессированного народа. Секретным постановлением ЦК Компартии Казахстана от 28 мая 1952 г. немцам был закрыт доступ в Казахский университет им. Кирова, Алма-Атинский юридический, физкультурный и педагогический институты, Казахский горно-металлургический институт, а также

в консерваторию. В ограниченном количестве они допускались в Казахский сельскохозяйственный, Алма-Атинский и Семипалатинский ветеринарно-зоотехнические институты, Алма-Атинский и Карагандинский медицинские институты, Чимкентский технологический и в учительские институты. При отборе кандидатов предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам. Сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, медицина, школьное образование — вот те области, где могли работать немцы с высшим образованием. Школьная реформа расширила доступ немцев в педагогические институты.

Сворачивание обучения в 1960—1970-х гг.

Мероприятия 1950 — начала 1960-х гг по возрождению немецкого национального образования носили ограниченный характер и касались только преподавания немецкого языка как родного. Были открыты классы для изучения родного языка, но все обучение по-прежнему велось лишь на государственном языке. В Киргизии изучение немецкого языка велось в большем объеме, чем в других республиках. Однако вскоре на местах даже эти мероприятия стали сворачиваться.

Анализ ситуации первой половины 1960-х гг. говорит о неблагополучии в преподавании немецкого языка как родного. В феврале 1962 г. в Новосибирске прошло всесоюзное совещание, посвященное этой проблеме. Обсуждались результаты работы Оренбургской области и Киргизии. Руководитель Главного управления школами Киргизии М. Балтабаев отмечал, что из 58 школ, где учатся немцы, язык изучается только в 28. По-прежнему острой была проблема обеспечения школ учителями [27]. Вслед за совещанием в Сибири прошло совещание в Алтайском крае, местом для него выбрали Славгородское педучилище. Руководитель крайоно Б. Исаков отмечал тревожную тенденцию к сокращению в некоторых районах преподавания языка по расширенной программе. Критика звучала в адрес школ Благовещенского, Табунского и Рубцовского районов, где не было расширенной программы в старших классах [28]. Крупные недостатки наблюдались в районах Новосибирской области, где прежде всего не хватало учителей. В Купине в школе № 2 занятия стали проходить нерегулярно из-за перегруженности учителя. В Орловке Купинского района не было специального учителя, поэтому невозможно было перейти на расширенное изучение языка в 5-м классе. В Андреевском районе из четырех школ, где должно было вестись преподавание, оно было введено лишь в Ивановке. В других школах не было учителей. В селах Хорошее и Октябрьское Карасукского района немецкий язык был введен в 1957 г., в 1960 г., преподавание прекратилось из-за «перегруженности школ». В этом районе должно было работать пять школ для немцев, но в действительности было только две [29]. Совсем слабо дело было поставлено в Кемеровской области. Согласно официальной точке зрения учащиеся Крапивинского района прекратили посещение занятий в 1962 г. из-за большой учебной нагрузки. В Белове от изучения языка отказались родители. Как потом выяснилось, в самом начале реформы они отказались от полного перехода на немецкий язык преподавания, но о том, что можно изучать язык по расширенной программе, они не знали. В Юрге сами учителя недоумевали, почему до сих пор у них не вводится расширенная программа. В Прокопьевске работала лишь одна школа [30].

К концу 1960-х гг. в школах произошло еще большее сокращение групп по изучению немецкого как родного языка, а учителей стали все чаще использовать как преподавателей немецкого иностранного языка. Сама практика введения или отмены родного языка в школе стала зависеть от местных руководителей или даже руководства школ. Так, в Целиноградской области только в 1966 г. было сокращено 100 групп родного языка. В 1976 г. в Киргизии лишь в 25 школах немецкий язык изучался как

родной. К началу 1990-х гг. на Алтае из 72 ранее действовавших школ осталась 21. По инициативе местных властей в некоторых районах Алтая (Благовещенский, Бурлинский, Славгородский и др.) в течение 1970-х гг. несколько раз вводилось и отменялось преподавание немецкого языка как родного. Волонтаризм руководства дополнялся некачественными учебными программами и планами «немецких» школ, отсутствием методической литературы и пособий, что в итоге влияло на судьбу самих школ. До 1986 г. родной язык вводился только со 2-го класса, выделяемых на изучение языка часов было явно недостаточно.

В застойный период кризисные явления в образовании продолжали активно накапливаться. В начале 1970-х гг. были предприняты новые попытки политически решить проблемы советских немцев. 26 октября 1972 г. ЦК КПСС было принято постановление «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР», а 26 июня 1974 г. — постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». В документах отмечались крупные недостатки в работе по культурному, интернациональному и патриотическому воспитанию немецкого населения, серьезное отставание уровня общеобразовательной подготовки немцев.

В свете этих постановлений в Киргизии были проведены мероприятия по повышению уровня образования немцев, в том числе изучения родного языка школьниками. Планировалось в течение 1974 г. провести министерскую проверку состояния преподавания немецкого языка как родного в школах, где обучались дети немецкой национальности, организовать республиканские и зональные семинары учителей немецкого языка, а также принять другие меры. По данным переписи 1970 г., в Киргизии проживало 89 834 немца (3,1 % населения республики). В 1970/71 учебном году в вузах республики обучалось 857 немцев, это означало, что на каждую тысячу жителей немецкой национальности приходилось 9,5 студента. Это был самый низкий показатель в республике при среднем показателе 16,5. У русских он составлял 19,7, у киргизов — 17,9, казахов — 31,6, у татар — 18,7, дунган — 13,8 [31, с. 180]. Поэтому предлагалось разработать и внедрить дополнительные меры по приему немецкой молодежи в вузы, техникумы и училища. Через два года в вузах и техникумах Киргизии насчитывалось уже 2 752 юношей и девушек немецкой национальности [11, с. 321].

В конце 1970 — начале 1980-х гг. в связи с нарастанием эмигрантских настроений немцев ЦК Компартии Киргизии принял еще несколько постановлений о работе с немецким населением. В них по-прежнему звучали указы республиканскому министерству образования об увеличении приема в вузы, техникумы и училища молодежи немецкой национальности, о создании условий для детей по изучению немецкого языка как родного [11, с. 526]. Поставленные задачи не отличались новизной. Уже одно то, что они повторялись на протяжении десятилетий, свидетельствует о том, что проблема образования немцев решалась недостаточно активно. Факты свидетельствуют о продолжавшемся сокращении в республике школ с изучением немецкого языка как родного. В 1983 г. их было уже всего 9, в 549 школах немецкий язык изучался как иностранный [11, с. 528]. Таким образом, в Киргизии за 20 лет количество школ с немецким родным языком сократилось с 33 до 9, т. е. на 73 %. Преподавание же предметов на немецком языке отсутствовало даже в тех школах, где подавляющее большинство учащихся были немцами.

В целом ситуация с большинством языков национальных меньшинств резко ухудшилась в 1960—1980-х гг. По данным В. М. Алпатова, в 1956/57 учебном году в РСФСР школьное преподавание велось помимо русского еще на 46 языках, а уже в 1970/71 учебном году их число сократилось до 27, в 1981/82 учебном году — до 16. Среднее образование к началу перестрой-

ки сохранялось, и то в небольшом количестве, лишь на татарском и башкирском языках, а неполное среднее — также на тувинском и якутском [32, с. 120].

Итогом государственной политики по отношению к немцам страны за годы войны и послевоенные десятилетия стало резкое сокращение их уровня грамотности. Если, по данным материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г., немцы занимали по уровню грамотности пятое место в СССР, то в 1989 г. — одно из последних. Среднее и высшее образование имели (на 1 000 человек) 69,7 человека. Для сравнения: тот же показатель составлял у евреев — 268,1, украинцев — 82,1, русских — 81,4. В 1989 г. у немцев отмечен самый низкий процент лиц с высшим образованием и самое большое число людей, имеющих только начальное образование и не имеющих его вообще. Так, в 1989 г. в Новосибирской области на 1 000 человек занятого населения каждой национальности приходилось лиц с высшим образованием: у евреев — 682, украинцев — 238, белорусов — 203, русских — 153, татар — 125, немцев — 83 [33, с. 17]. Как одно из следствий политики застойного периода следует отметить снижение уровня владения немцами родным языком. Например, в Новосибирской области с 1979 по 1989 г. показатель упал с 41,4 до 36,6 %. В Казахстане немецкий родным языком считали в 1959 г. 83,5 % немцев, в 1970 г. — 75,0 %, в 1979 г. — 64,5 %, в 1989 г. — 54,4 % [34, с. 198]. Сфера применения языка все больше сужалась: преимущественно его использовали в бытовых и семейных ситуациях, а школа с немецким языком сохранилась лишь в отдельных сельских районах.

В целом опыт работы Сибири, Казахстана, Киргизии по восстановлению преподавания немецкого языка как родного в 1950—1970-х гг. свидетельствует об активном поиске форм возрождения немецкого национального образования. Проблема любой национальной школы является чрезвычайно сложной, многогранной. Особую сложность она представляла для немецкого населения, получившего психологическую травму в период депортации и послевоенного спецпоселения. Доминирующим событием в исторической памяти народа стала депортация, память о несправедливости порождала неуверенность в будущем своих детей, что заметно отразилось на поведении старшего поколения в период школьной реформы. Отказ руководства страны восстановить АССР НП серьезным образом подрывал веру немцев в целесообразность изучения немецкого языка и уверенность в будущем их детей. В ходе реформирования национального образования наметились определенные сдвиги в лучшую сторону — началось изучение родного языка, активно внедрялась практика изучения немецкого языка как родного в начальной и средней школе, но в целом реформа, изначально носившая половинчатый характер, с конца 1970-х гг. и особенно в период массовой эмиграции немцев в Германию приобрела форму хронического кризиса.

Список источников

1. Черказьянова И. В. Состояние немецкого образования в СССР и на постсоветском пространстве // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956—2000 гг.) : материалы 9-й международной научной конференции. М. : Готика, 2003. С. 247—258.
2. Черказьянова И. В. Попытки возрождения немецкого национального образования в СССР в 1950 — начале 1990-х гг. // Немцы Сибири: история и культура : материалы 4-й международной научно-практической конференции (Омск, 29—31 мая 2002 г.) / отв. ред. Н. А. Томилов, Т. Б. Смирнова. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2003. С. 73—78.
3. Tscherkazjanowa I. Die Kinder der Russlanddeutschen unter den Verhältnissen von Deportation, Trudarmee und Sondersiedlung // Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland / Hrsg. A. Einfeld. Stuttgart, 2008. S. 180—203.

4. Демоскоп Weekly. № 941—942. 19 апр. — 2 мая 2022 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0941/index.php> (дата обращения: 20.04.2022).
5. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». 1940-е годы : сборник документов / сост. Н. Ф. Бугай. М. : Готика, 1998. 352 с.
6. Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири [] : монография: в 2 ч. Ч. 2. Топчиха, 1995. 222 с.
7. Бургарт Л. А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941—1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения []. Усть-Каменогорск, 1997. 376 с.
8. Черказянова И. В. Судьбы детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941—1955 гг. : материалы 7-й международной научной конференции (Москва, 19—22 окт. 2000 г.). М., 2001. С. 84—97.
9. Klein V. Abendschulen tun not! // Neues Leben. 1958. 11 September.
10. Из истории немцев Казахстана. 1921—1975 гг. : сборник документов / отв. ред. Г. А. Карпыкова. Алматы ; Москва, 1997. 376 с.
11. Из истории немцев Кыргызстана. 1917—1999 гг. : сборник документов и материалов / под общ. ред. А. Айсфельда. Бишкек : Шам, 2000. 779 с.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917—1973 гг. : сб. док. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин и др. М. : Педагогика, 1974. 560 с.
13. Martens H. Unterricht in der Muttersprache // Neues Leben. 1957. 13 August.
14. Матис В. И. Проблема национальной школы в поликультурном пространстве []. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1997. 328 с.
15. Baltabaew M. Der muttersprachliche Deutschunterricht in Kirgisien [] // Neues Leben. 1965. 27 Januar.
16. Reimer H. Von der 1. bis zur 7. Klasse // Neues Leben. 1960. 9 Dezember.
17. Кронгардт Г. К. Немцы в Кыргызстане. 1880—1990 гг. Бишкек : Илим, 1997. 415 с.
18. Давыдов И. Д. Национальный язык, его роль и место в просветительной работе среди национальностей нерусского народа // Народное просвещение. 1926. № 8. С. 109.
19. Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917—1997: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : ИВ, 1997. 190 с.
20. Neues Leben. 1958. 9 August.
21. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М. : Госстатиздат, 1960. 38 с.
22. Neues Leben. 1958. 15 Februar.
23. Martens H. Kurse für Deutschlehrer in Orenburg // Neues Leben. 1958. 9 August.
24. Neues Leben. 1958. 14 August.
25. Neues Leben. 1960. 14 April.
26. Neues Leben. 1960. 11 Mai.
27. Zusammen mit den Eltern // Neues Leben. 1962. 24 Februar.
28. Malinovski L. Nun auch im Altai // Neues Leben. 1962. 14 April.
29. Malinovski L. Im Krebsgang // Neues Leben. 1962. 28 Juni.
30. Malinovski L. Die andere Seite // Neues Leben. 1962. 8 Mai.
31. Hertel O. Zur Bildung und Identität der Deutschen in der UdSSR der letzten 50 Jahre am Beispiel Kirgisien // Heimatbuch. 1990/1991. S. 180.
32. Алпатов В. М. Языковые проблемы постсоветской России // Многоязычие и преподавание родных языков. М. : Ин-т национальных проблем образования, 1998. С. 116—128.
33. Барбашина Э. Р. О проблемах исследования культуры и образования российских немцев // Российские немцы: проблемы культуры и образования : по материалам международного научно-практического семинара. Новосибирск, 1996. С. 7—20
34. Колосов А. В. Немецкий язык в Казахстане // Культура немцев Казахстана: история и современность : материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 9—11 окт. 1998 г.). Алматы, 1999. С. 196—200.

References

1. Cherkaz'yanova I.V. Sostoyanie nemetskogo obrazovaniya v SSSR i na postsovetском pro-stranstve [The state of German education in the USSR and the post-Soviet space], *Materialy 9-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Nemetskoe naselenie v poststalinskom SSSR, v stranakh SNG i Baltii (1956—2000 gg.)"* [The German population in the post-Stalinist USSR, CIS and Baltic states (1956-2000)]. Moscow, Gotika, 2003, pp. 247—258.
2. Cherkaz'yanova I.V. Popytki vozrozhdeniya nemetskogo natsional'nogo obrazovaniya v SSSR v 1950 — nachale 1990-kh gg. [Cherkazyanova I. V. Attempts to revive German national education in

- the USSR in the 1950s and early 1990s], *Tomilov N.A. (ed.), Smirnova T.B. (ed.) Materialy 4-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, 29—31 maya 2002 g.) "Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura"* [The Germans of Siberia: History and Culture]. Novosibirsk, IAE SO RAN, 2003, pp. 73—78.
3. Tscherkazjanowa I. Die Kinder der Russlanddeutschen unter den Verhältnissen von Deportation, Trudarmee und Sondersiedlung [The children of the Russian Germans under the circumstances of deportation, trudarmy and special settlement], *A.Eisfeld (ed.) Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland [From the founding of autonomy to banishment and disenfranchisement. The years 1918 and 1941—1948 in the history of the Germans in Russia]*. Stuttgart, 2008, pp. 180—203.
4. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], no. 941—942, 19 apr. — 2 maya 2022 g. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0941/index.php> (accessed: 20.04.2022).
5. Bugai N.F. (ed.) "Mobilizovat' nemtsev v rabochie kolonny... I. Stalin". 1940-e gody ["Mobilise the Germans into labour columns... I. Stalin". 1940s], *sbornik dokumentov*. Moscow, Gotika, 1998, 352 p.
6. Brul' V.I. Nemtsy v Zapadnoi Sibiri [Germans in Western Siberia], *monografiya*, v 2 ch., vol. 2, Topchikha, 1995, 222 p.
7. Burgart L.A. Nemtsy v Vostochnom Kazakhstane v 1941—1956 gg.: deportatsiya i zhizn' v usloviyakh razhima spetsposeleniya [Germans in East Kazakhstan 1941-1956: Deportation and life under the Special Settlement Regime]. Ust'-Kamenogorsk, 1997, 376 p.
8. Cherkaz'yanova I.V. Sud'by detei sovetskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The fate of Soviet German children during the Great Patriotic War], *Materialy 7-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 19—22 okt. 2000 g.) "Nemtsy SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i pervoe poslevoennoe desya-tiletie. 1941—1955 gg."* [Germans in the USSR during the Great Patriotic War and the first post-war decade. 1941—1955]. Moscow, 2001, pp. 84—97.
9. Klein V. Abendschulen tun not! [Evening schools are necessary], *Neues Leben [New life]*, 1958, 11 September.
10. Karpykova G.A. (ed.). Iz istorii nemtsev Kazakhstana. 1921—1975 gg. [From the history of the Germans of Kazakhstan. 1921—1975.], *sbornik dokumentov*. Almaty, Moscow, 1997, 376 p.
11. Aisfel'd A. (ed.). Iz istorii nemtsev Kyrgyzstana. 1917—1999 gg. [From the history of the Germans of Kyrgyzstan. 1917—1999], *sbornik dokumentov i materialov*, Bishkek, Sham, 2000, 779 p.
12. Abakumov A.A. (ed.), Kuzin N.P. (ed.) i dr. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. 1917—1973 gg. [Public education in the USSR. General education school. 1917-1973], *sbornik dokumentov*. Moscow, Pedagogika, 1974, 560 p.
13. Martens H. Unterricht in der Muttersprache [Teaching in the mother tongue], *Neues Leben [New life]*, 1957, 13 August.
14. Matis V.I. Problema natsional'noi shkoly v polikul'turnom prostranstve [The problem of the national school in a multicultural space]. Barnaul, BGPU Publ., 1997, 328 p.
15. Baltabaev M. Der muttersprachliche Deutschunterricht in Kirgisien [German lessons in the mother tongue in Kyrgyzstan], *Neues Leben [New life]*, 1965, 27 Januar.
16. Reimer H. Von der 1. bis zur 7. Klasse [From Grade 1 to Grade 7], *Neues Leben [New life]*, 1960, 9 Dezember.
17. Krongardt G.K. Nemtsy v Kyrgyzstane. 1880—1990 gg. [Germans in Kyrgyzstan. 1880—1990]. Bishkek, Ilim, 1997, 415 p.
18. Davydov I.D. Natsional'nyi yazyk, ego rol' i mesto v prosvetitel'noi rabote sredi natsional'nostei nerusskogo naroda [The national language, its role and place in educational work among non-Russian nationalities], *Narodnoe prosveshchenie [Public education]*, 1926, no. 8, p. 109.
19. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika, 1917—1997: sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 languages and politics, 1917—1997 : sociolinguistic problems in the USSR and post-Soviet space]. Moscow, Institut vostokovedeniya, 1997, 190 p.
20. *Neues Leben [New life]*, 1958, 9 August.
21. Uroven' obrazovaniya, natsional'nyi sostav, vozrastnaya struktura i razmeshchenie nasele-niya SSSR po respublikam, krayam i oblastyam: po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g. [Level of education, national composition, age structure and distribution of the population of the USSR by republics, territories and regions: according to the 1959 All-Union Population census]. Moscow, Gosstatizdat, 1960, 38 p.
22. *Neues Leben [New life]*, 1958, 15 Februar.
23. Martens H. Kurse für Deutschlehrer in Orenburg [Courses for German teachers in Orenburg], *Neues Leben [New life]*, 1958, 9 August.
24. *Neues Leben [New life]*, 1958, 14 August.
25. *Neues Leben [New life]*, 1960, 14 April.
26. *Neues Leben [New life]*, 1960, 11 Mai.

27. Zusammen mit den Eltern [Together with parents], *Neues Leben [New life]*, 1962, 24 Februar.
28. Malinovski L. Nun auch im Altai [Now in the Altai too], *Neues Leben [New life]*, 1962, 14 April.
29. Malinovski L. Im Krebsgang [In the crabwalk], *Neues Leben [New life]*, 1962, 28 Juni.
30. Malinovski L. Die andere Seite [The other side], *Neues Leben [New life]*, 1962, 8 Mai.
31. Hertel O. Zur Bildung und Identität der Deutschen in der UdSSR der letzten 50 Jahre am Beispiel Kirgisien [On the formation and identity of Germans in the USSR in the last 50 years, using Kyrgyzstan as an example], *Heimatsbuch [Local history book]*, 1990/1991, p. 180.
32. Alpatov V.M. Yazykovye problemy postsovetskoi Rossii [Language problems in post-Soviet Russia], *Mnogoyazychie i prepodavanie rodnykh yazykov [Multilingualism and the teaching of native languages.]*. Moscow, Institut natsional'nykh problem obrazovaniya, 1998, pp. 116—128.
33. Barbashina E.R. O problemakh issledovaniya kul'tury i obrazovaniya rossiiskikh nemtsev [On the Problems of Researching the Culture and Education of Russian Germans], *Po materialam mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar "Rossiiskie nemtsy: problemy kul'tury i obrazovaniya" [Russian Germans: Cultural and Educational Problems]*. Novosibirsk, 1996, pp. 7—20.
34. Kolosov A.V. Nemetskii yazyk v Kazakhstane [German in Kazakhstan], *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Almaty, 9—11 okt. 1998 g.) "Kul'tura nemtsev Kazakhstana: istoriya i sovremennost'" [The culture of the Germans of Kazakhstan: history and modernity]*. Almaty, 1999, pp. 196—200.

Информация об авторе

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 15.01.2023.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СССР И В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

RESISTANCE MOVEMENT IN THE USSR AND IN EUROPEAN COUNTRIES

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 103—111.

Siberia Humanitarian. 2023;(2):103—111.

Движение Сопротивления в СССР и в европейских странах

Научная статья

УДК 355. 425. 4 «1942 / 1943»: 94 (47)

DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-103-111

Страницы истории деятельности сейтлерской (нижегорской) подпольно-патриотической организации под руководством И. С. Дьяченко

Вячеслав Александрович Иванов^{1, 2}

¹ Центральный музей Тавриды, Симферополь, Российская Федерация

² Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация
slavik1855@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Аннотация. В статье на основании неопубликованных документов из Государственного архива Республики Крым, фондов Нижегородского историко-краеведческого музея, личных архивов крымчан, родственники которых принимали участие в подпольном движении Сопротивления, рассматривается деятельность подпольно-патриотической организации под руководством Ивана Сергеевича Дьяченко на территории Сейтлерского (Нижегородского) района в годы нацистской оккупации. Акцентируется внимание на личностях уроженцев Сейтлерского района, внесших свой вклад в разгром гитлеровской Германии и фактически забытых сегодня. Анализируются основные боевые операции подпольщиков: пропагандистская работа, саботаж и диверсии. Автор подчеркивает огромный вклад сейтлерской (нижегорской) подпольно-патриотической организации в общее дело разгрома немецко-румынских оккупационных войск на территории Крыма.

Ключевые слова: Сейтлерский (Нижегородский) район, Великая Отечественная война, Иван Сергеевич Дьяченко, Крымский областной подпольный комитет ВКП(б), партизаны, подпольщики, нацистская оккупация

Для цитирования: Иванов В. А. Страницы истории деятельности сейтлерской (нижегорской) подпольно-патриотической организации под руководством И. С. Дьяченко // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 103—111. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-103-111.

Resistance movement in the USSR and in European countries

Original article

Pages of the history of the activities of the Seitler (Nizhnegorsk) underground patriotic organization under the leadership of I.S. Dyachenko

Vyacheslav A. Ivanov^{1, 2}

¹ Central Museum of Tavrida, Simferopol, Russian Federation

² Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation
slavik1855@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Abstract. Based on unpublished documents from the State Archives of the Republic of Crimea, funds of the Nizhnegorsk Local History Museum, personal archives of Crimeans whose relatives took part in the underground resistance movement, the article examines the activities of an underground patriotic organization led by Ivan Sergeevich Dyachenko on the territory of the Seitlersky (Nizhnegorsky) district during the years of Nazi occupation. Attention is focused on the personalities of the natives of the Seitler region, who contributed to the defeat of Nazi Germany and are actually forgotten today. The main combat operations of the underground are analysed: propaganda, sabotage and diversions. The author emphasizes the huge contribution of the Seitler (Nizhnegorsk) underground patriotic organization to the common cause of defeating the German-Romanian occupation forces in the Crimea.

Keywords: Seitlersky (Nizhnegorsky) district, the Great Patriotic War, Ivan Sergeevich Dyachenko, Crimean Regional Committee of the Communist Party of Bolsheviks, underground workers, Nazi occupation

For citation: Ivanov V.A. Pages of the history of the activities of the Seitler (nizhnegorsk) underground patriotic organization under the leadership of I.S. Dyachenko. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):103—111. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-103-111.

В годы Великой Отечественной войны одним из важнейших условий разгрома нацистской Германии и ее сателлитов являлось развитие антифашистского движения Сопротивления на оккупированной территории Советского Союза. Антифашистское сопротивление включало в себя партизанское движение и деятельность подпольно-патриотических организаций, направляемых и возглавляемых Всесоюзной Коммунистической партией большевиков (ВКП(б)).

Развертывание антифашистской борьбы на территории оккупированного Крыма уже через несколько дней после начала войны регламентировалось специальной Директивой ЦК ВКП(б) от 29 июня и постановлением от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». Эти документы, содержащие конкретную программу действий, послужили опорой для партийно-советского актива полуострова. ЦК ВКП(б) предписывал в занятых районах «создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [1, с. 161].

К сожалению, Крымский обком, а также райкомы и горкомы, выполнили только первую часть из поставленных ЦК ВКП(б) задач: подготовили материальную базу и начали формирование партизанских отрядов на территории Крымской АССР. Однако мало что было сделано по подготовке кадров для подпольной работы в глубоком вражеском тылу [2, с. 199].

В начале октября 1941 г. в Керчи создается областной подпольный партийный центр во главе с Иваном Андреевичем Козловым. Он был членом ВКП(б) с 1905 г., имел опыт подпольной работы еще со времен Первой русской революции 1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны 1917—1922 гг. Однако Керченский подпольный обком партии проработал совсем недолго и ничем себя, собственно говоря, не проявил.

Комиссар партизанского движения Крыма Николай Дмитриевич Луговой в своих дневниковых записях, посвященных героической борьбе, подчеркивает, что с момента падения Севастополя в июле 1942 г. до начала октября 1942 г. партизаны усиленно засылали своих представителей в города и села Крымского полуострова для решения следующих задач:

- укрепить связи и наладить тесное взаимодействие партизан с местными населением;

- устранить продовольственную проблему, от которой вследствие потери продуктовых баз весьма сильно страдало партизанское движение Крыма;

- расширить ряды представителей подпольного движения Сопротивления;

- значительно усилить политическую работу среди населения оккупированного полуострова для того, чтобы привлечь как можно больше добровольцев в ряды антифашистских сил [3, с. 361].

Как отмечал Н. Д. Луговой, «раньше мы надеялись на работу „малых сил” ходоков и агитаторов. Теперь посылаем десятки и даже сотни» [3, с. 361]. К 6 октября 1942 г., по подсчетам Н. Д. Лугового, из крымских лесов было отправлено 392 человека. Это были коммунисты, комсомольцы и беспартийные, мужчины и женщины, пожилые и молодые [3, с. 362].

Задачи актуализировались развертыванием нацистской пропаганды, которая использовала в своей работе ряд тяжелых поражений Красной Армии в 1941—1942 гг.: отсутствие правдивой информации о состоянии дел на советско-германском фронте; недовольство части населения Крымской АССР предвоенной политикой советской власти (сталинские политические репрессии и принудительная коллективизация конца 1920-х — начала 1940-х гг.). Особо надо выделить национальную политику гитлеровской оккупационной администрации, направленную на разделение народов Крыма — русских, украинцев, крымских татар — по этническому и религиозному признакам.

Крымские партизаны и подпольщики оказались в чрезвычайно затруднительных условиях: в мае 1942 г. гитлеровцы прорвали ак-монайские позиции и разгромили войска Крымского фронта под Керчью; в июле 1942 г. пал захваченный нацистами Севастополь. Эти обстоятельства существенно сократили поставку оружия, боеприпасов и продовольствия антифашистам Крыма. У немцев, ставших хозяевами полуострова, были развязаны руки — они бросили свободные подразделения против партизан, которые были усилены частями так называемых добровольцев (военизированные части из числа местных жителей и бывших советских военнопленных).

6 апреля 1942 г. Крымский обком партии назначил своим уполномоченным по подпольной работе Ивана Гавриловича Генова, имевшего опыт партизанской борьбы в Гражданскую войну. Он начинает отбор, подготовку и отправку кадров профессиональных агитаторов из числа коммунистов и комсомольцев в удаленные от крымских лесов районы полуострова. Можно утверждать, что под началом И. Г. Генова в города и села Крымской АССР были отправлены 34 уполномоченных, среди которых В. С. Чумасов, И. С. Дьяченко, В. Ф. Младенов и др. Эта тактика имела как положительные, так и отрицательные стороны. Население получало последнюю актуальную информацию о положении дел на советско-германском фронте. Постепенно в ряды создаваемых подпольных органи-

заций активно привлекались новые члены, приверженцы советской власти. Проводилась динамичная пропагандистская работа. Закладывалась и формировалась структура подпольных организаций и групп. В то же время пришедшие из крымских лесов вчерашние партизаны становились легкой добычей для гитлеровцев, поскольку соблюдать строжайшую конспирацию умели далеко не все. Основы подпольной работы шли вразрез с тактикой партизанской борьбы, и поэтому не все могли перестроиться с ходу на нужные рельсы. Были большие жертвы. Так, был расстрелян Яков Григорьевич Гусев, бывший председатель колхоза «Красная Нива» районного центра Зуя, убит Василий Федорович Младенов, бывший заведующий Зуйским райфинотделом, арестованы и увезены в тюрьмы Симферополя Александра Рябовалова, Надежда Яблонская и др. [3, с. 362]. Были казнены нацистами партизан Василий Степанович Чумасов и его супруга Евгения [4, л. 40 об., 41]. Расстрелян посланный на задание партизан Федор Иванович Ремез [4, л. 20].

Нацисты захватили п. Сейтлер 30 октября 1941 г. [5, с. 404]. С первых дней нацистской оккупации начались массовые аресты и казни советских активистов. Всего за время оккупации были расстреляны свыше 900 жителей Сейтлерского района, угнаны на принудительные работы в Германию 2 тыс. человек [6, с. 3].

По мере усиления репрессий активизировалось антифашистское движение Сопротивления. Так, например, с октября 1941 г. действовал в горах Крыма сейтлерский партизанский отряд под командованием работника милиции, коммуниста А. Ф. Мухамедьярова (после его гибели отряд возглавил И. И. Юрьев) и комиссара — секретаря райкома партии М. И. Пузакина [6, с. 3].

Для поддержания постоянной связи с партизанами создается сейтлерская (нижегорская) подпольно-патриотическая организация, которая действовала с мая по сентябрь 1943 г. Ее возглавил председатель Сейтлерского райисполкома в 1938—1941 гг., уполномоченный Крымского областного подпольного партийного центра Иван Сергеевич Дьяченко. Когда началась Великая Отечественная война, Дьяченко вступил в ряды сейтлерского партизанского отряда, где сражался с ноября 1941 г. по июнь 1942 г. [7; 8, с. 2].

В деятельности подпольной группы И. С. Дьяченко принимали активное участие его двоюродная сестра Дарья Донцова, Федор Никонов, П. П. Бижеч, Федор Данченко [9, с. 393].

К концу 1942 г. патриотические группы района насчитывали 78 человек [9, с. 270; 10, с. 212—213]. Подпольные и патриотические группы создаются также в селах Желябовка, Емельяновка, Тамак (Изобильное), Бурнаш (Уваровка), Ново-Ивановка, Ново-Царицыно, Двуречье, Аликеч (Охотское).

Подпольщики проводили разведывательную работу: передавали партизанам сведения о противнике, снабжали их продовольствием. Основным местом добычи информации являлся район железной дороги Джанкой — Керчь, где патриоты добывали сведения о дислокации войск, их составе и численности. К сожалению, при выполнении задания погибли желябовские подпольщики М. И. Пирогов и А. П. Пирогова [9, с. 393; 10, с. 212—214].

Активно проводилась пропагандистская деятельность среди населения Сейтлерского района. Через подпольщика Бижеча была налажена тайная печать листовок, которые распространялись среди населения. Листовки и газеты разбрасывались на сенокосах, на прополке кукурузы и близь железной дороги [11, л. 44].

И. С. Дьяченко установил связь со старостой дер. Уваровки Сейтлерского района Томасом Арамовичем Эрияном. В своем донесении в штаб 2-го партизанского района Крыма И. С. Дьяченко отмечал: «Я... подробно узнал, как он себя вел раньше и как ведет сейчас, и пришел к выводу, что

это наш человек, преданный и надежный и поэтому можно ему довериться» [11, л. 2]. Т. А. Эриян стал связным И. С. Дьяченко, его «глазами и ушами»; предпринимал меры по охране и безопасности конспиративной квартиры подпольной организации; снабжал подпольщиков и связных продуктами питания. Об этом, в частности, свидетельствует краевед О. Тимшин, взявший интервью у Таисии Ивановны Зипунык (Вениосовой) из с. Заречье. Она вспоминала: «...из Ново-Царицыно (ныне с. Садовое) к нам приезжала женщина на бричке, а у брички двойное дно. В этот тайник насыпали зерно, спрятанное у фашистов. Женщина уезжала, а потом это зерно отправляла партизанам. Также я хорошо помню, как моя мама Ольга, бабушка Катя, соседка Магдалина пекли большие буханки хлеба для партизан. Печка стояла во дворе, топили ее кураем, а, чтобы не было слышно запаха хлеба, бросали в печку кизяк (высушенный навоз), который при сгорании выделял резкий запах. И немцы, которые стояли у нас в селе, ничего не подозревали» [8, с. 2].

Т. А. Эриян сумел завоевать доверие представителей оккупационной администрации в районной управе, комендатуре, полиции и жандармерии. Это помогло добывать секретную информацию для дальнейшей ее передачи подпольщикам. Он узнавал сведения о намеченных мероприятиях оккупационных властей и совместно с патриотами старался срывать эти инициативы. Как староста села он старался постепенно удалить с руководящих должностей представителей зажиточного крестьянства — опору нацистского оккупационного режима [10, с. 263—264; 12]. В своем отчете И. С. Дьяченко так описывал подвиг А. Т. Эрияна: «...под всяким предлогом и всякими путями поснимал с руководящих постов кулаков, несмотря на их сильный групповой протест и групповые жалобы в райуправу и комендатуру, ничего им не помогло, он заставил их работать наравне с другими вплоть до того, что двух кулаков Вдовиных, которые заупрямились работать на рядовых работах, исключили из общины и лишили права земли. Действительно создал им такие условия, что они по два дня ходили за ним, просили, чтобы он выписал хотя бы 5 килограммов хлеба для семьи и, действительно, они изменили свое отношение к немецкой власти и грустили о жизни при Советской» [13, с. 264].

В своих воспоминаниях Р. Кирьянова, внучка Овсёпа Ашотовича Оганяна (Степана Антоновича), участника подпольно-патриотической организации, рассказывала, что «Арам Томасович Эриян, самый уважаемый человек в Бурнаше, создал первый партизанский отряд [имеется в виду подпольную группу. — В. И.], имевший широкую, разветвленную агентурную сеть и связь с партизанами Белогорска. Подпольщики доставляли им продукты, оружие, сведения, жены пекли хлеб, привозили листовки, участвовали в подрыве железной дороги, мешая немцам продвижению к фронту» [14, с. 2].

По указанию И. С. Дьяченко А. Т. Эриян создал вторую подпольную группу. В нее вошли А. Луцикян¹, С. Луцикян и А. Олавердян. Их первой задачей была пропагандистская работа и добыча агентурных сведений. Кроме того, они помогали населению Сейтлерского района скрываться от принудительной мобилизации на трудовые работы в Германию. Гитлеровцы намеревались насильно отправить в Третий Рейх 800 человек из Сейтлерского района, а смогли отправить только 400 так называемых добровольцев. В июле 1942 г. из 400 человек были отправлены только 180 и то по принуждению. В августе 1942 г. из 200 человек немцы смогли отправить 70 человек, захваченных, как в предыдущих случаях, насильственным путем (главным образом их задержали из-за отсутствия необходимых документов в результате ночных облав). Молодежь, предупрежденная под-

¹ Далее в тексте фамилия встречается в разных написаниях, что, по-видимому, связано с различным написанием в архивных источниках. — *Прим. ред.*

польщиками, пряталась где только возможно: в малонаселенных пунктах, садах, бахчах, саботируя отправку в нацистскую Германию [8, с. 2].

Акции саботажа включали в себя также мероприятия по срыву сбора черного и цветного металла, теплых вещей, крайне необходимых гитлеровцам. Подпольщики противодействовали сбору средств на ремонт православных храмов, видя в этом инструмент нацистской оккупационной политики по переманиванию на свою сторону местного населения и провоцированию антисоветских настроений в Сейтлерском районе. Как отмечал И. С. Дьяченко в своем отчете, «...районный староста и комендант вынуждены были поставить вопрос на районном совещании старост о том, что в районе проводится усиленная антинемецкая агитация против всех проводимых мероприятий... надо повести борьбу с большевистскими агитаторами» [15, с. 265].

Подпольщики организовали переправку в лес населения, которое подлежало угону в нацистскую Германию на принудительные работы.

Весьма крупным достижением подпольщиков под руководством И. С. Дьяченко была организация актов саботажа сельскохозяйственных мероприятий немецко-румынских оккупантов [16, с. 3]. Так, один из старост Сейтлерского района, связанный с подпольным движением Сопротивления, настоял на том, чтобы комендантами ВИКО был произведен раздел общинных посевов на индивидуальные участки якобы для лучшей обработки земли. И. С. Дьяченко в своем отчете отмечал: «Наша цель была, чтобы каждый хозяин со своей делянки собрал урожай в свой амбар, тогда он [немец. — В. И.] не возьмет всего урожая от крестьянина» [15, с. 265]. Инициативу сейтлерских крестьян одобрил Крымский подпольный партийный центр. В итоге, как и предполагали подпольщики, крестьяне Сейтлерского района, выполняя указания старост, связанных с подпольем, саботировали зернозаготовки: ссыпали в амбары только часть зерна, а остальное развозили по домам и прятали в тайниках. Овощи и фрукты раздавали местному населению под видом некачественных. Несмотря на неоднократные объявления и установление сроков сдачи кукурузы и подсолнечника в общий амбар для вывоза и даже обыски, нацистам не удавалось собрать в Сейтлерском районе богатый урожай и вывезти его в Германию.

И. С. Дьяченко с 5 июля по 9 ноября 1942 г. потерял связь с партийным центром и не получал от него новых заданий. Несмотря на это обстоятельство, он продолжал руководить работой подпольной организации в Сейтлерском районе.

В ответ на скоординированные действия подпольщиков и партизан нацисты усилили репрессии против жителей Сейтлерского района. Так, были схвачены и зверски замучены житель Ново-Царицыно Александр Афанасьевич Цветков (проводивший подпольную работу в с. Таймаз (Кукурузное) [17, л. 2, 41] и его дочь Мария Цветкова. Погибли директор Сейтлерской неполной средней школы П. В. Колоколов и работник МТС М. И. Кирпаль [17, л. 41], К. С. Фатеева из совхоза Карпе (Цветущее), Ф. А. Никонова, учительница из Керлеута, Е. Н. Осипенко, Н. А. Ханина, мать и сестра И. С. Дьяченко — Екатерина Антоновна, Мария Сергеевна, его двоюродная сестра Дарья Карповна, зять А. Б. Лусикьян и еще пять родственников, а также учитель Г. А. Романенко, активный организатор подполья в с. Тамак (Изобильное), К. Ф. Беличенко, председатель Желябовского Совета, и Г. М. Матюхина, заведующая детскими яслями [15, с. 394], Аргон Луцькьян, Мария Матвеевна Луцкьян, Сергей Матвеевич Луцкьян [17, л. 2 об.]. И. С. Дьяченко удалось скрыться.

20 сентября 1942 г. у с. Аблеш был задержан Я. Д. Марцовенко, после трехдневного допроса подпольщик был расстрелян [4, л. 40]. Нацистами были арестованы и жестоко казнены А. Т. Эриян, его сын Томас Эриян, 80-летний Ашот Карпович Оганян и трое его сыновей: Овсеп, Алексан

и Левон в окрестностях бывшего совхоза «Красный», превращенного в годы войны в концлагерь [14, с. 2 ; 18, с. 2]. В актах КЧРК погибшими жителями Сейтлерского района числятся: Эйрьян Арам Там., Эйрьян Тарас Арам., Органов (Оганов. — В. И.) Степан Антон., Органов Леонтий Антон., Органов Антон Карп. [17, л. 2 об]. Краевед О. Тимшин называет месяц ареста А. Т. Эрияна, матери и сестры И. С. Дьяченко, Акопа Бедросовича Лусикяна и его сына Сергея Акоповича Лусикяна. Все погибли, кроме Сергея, которому чудом удалось вырваться [16, с. 3].

Несмотря на тяжелые потери, борьба продолжалась. 28 сентября 1943 г. на станции Сейтлер подпольщики подложили мину под состав с боеприпасами из 56 вагонов. Произошел взрыв, загорелся находящийся рядом железнодорожный состав с продовольствием. Пожар продолжался 16 часов. Одновременно взрывом было уничтожено здание местной комендатуры.

На подпольной работе И. С. Дьяченко пробыл до апреля 1944 г. — до начала Крымской стратегической наступательной операции советских войск против гитлеровских захватчиков, причем за это время дважды возвращался в лес для восстановления связи с партизанским отрядом [7 ; 8, с. 2].

Руководитель сейтлерского подполья И. С. Дьяченко за свою деятельность был награжден орденом Красного Знамени [19, с. 407 ; 20—21].

Несмотря на то обстоятельство, что сейтлерская (нижегорская) организация к середине 1943 г. прекратила свое существование, деятельность И. С. Дьяченко и его соратников приблизила скорейшее освобождение Крыма от немецко-румынских захватчиков весной 1944 г.

Список источников

1. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938—1958 гг. Кн. 1. 1938—1945 гг. / отв. ред. П. Н. Поспелов. М. : Политиздат, 1970. 723 с.
2. Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров и др. Симферополь : Таврия, 1981. 376 с.
3. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага : дневниковые записи. Симферополь : Эльнино, 2004. 732 с.
4. Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 10.
5. Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні : збірник документів і матеріалів / відп. ред. І. Л. Бугич, А. А. Батюк, П. М. Костриба та ін. Київ : Державне видавництво політичної літератури УРСР, 1963. 486 с.
6. Бутовченко А. К 70-летию Октября. Трудный путь становления. На конкурс «Летопись Нижегородья» // Трудовая слава. 1987. 15 октября.
7. Автобиография Ивана Сергеевича Дьяченко // Личный архив Олега Тимшина.
8. Тимшин О. По лезвию бритвы. Неизвестные страницы Сейтлерского подполья. Ч. 1 // Нижегородье. 2015. 21 апреля.
9. Книга памяти Республики Крым : в 9 т. Т. 4. Джанкойский район, Красноперекоский район, Нижегородский район, Первомайский район, Советский район. Симферополь : Таврида, 1995. 639 с.
10. Чирва И. С. Крымское подполье 1941—1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. : сборник / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь : Крымиздат, 1963. С. 204—261.
11. ГА РК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 402.
12. Фонды Нижегородского историко-краеведческого музея, Республика Крым.
13. Міста і села України. Автономна Республіка Крим. Місто Севастополь / відп. ред. В. Болгов, М. Купрацевич, Д. Васильчук та ін. Київ , 2009. 478 с.
14. Кирьянова Р. Память и боль. Восстанавливая страницы истории // Нижегородье. 2009. 16 мая.
15. Крым в период Великой Отечественной войны 1941—1945 : сборные документов и материалов / отв. ред. М. Р. Акулов. Симферополь : Таврия, 1973. 494 с.
16. Тимшин О. По лезвию бритвы. Неизвестные страницы Сейтлерского подполья. Ч. 2 // Нижегородье. 2015. 8 мая.
17. ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 15.

18. Оганьян А. Возвращение к справедливости // Нижнегорье. 2005. 18 мая.
19. История городов и сел Украинской ССР : в 26 т. Крымская область / отв. ред. Л. Д. Солодовник, Н. В. Багров, В. И. Балахонов и др. Киев : Гл. ред. Укр. Сов. Энцикл. Акад. Наук УССР, 1974. 624 с.
20. Дьяченко Иван Сергеевич // Память народа : [интернет-портал]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero83336897/> (дата обращения: 11.05.2023).
21. Дьяченко Иван Сергеевич // Подвиг народа. 1941—1945 : электр. банк документов. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=49124623&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 11.05.2023).

References

1. Pospelov P.N. (ed.) *Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz, v 6 t.* [History of the Communist Party of the Soviet Union], vol. 5, *Kommunisticheskaya partiya nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, v period uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva. 1938—1958 gg., part 1, 1938—1945 gg.* [The Communist Party on the eve and during the Great Patriotic War, during the period of consolidation and development of socialist society. 1938—1958. Part 1. 1938—1945]. Moscow, Politizdat, 1970, 723 p.
2. Bagrov N.V. (ed.) i dr. *Ocherki istorii Krymskoi oblastnoi partiinoi organizatsii* [Sketches of the history of the Crimean regional party organization]. Simferopol', Tavriya, 1981, 376 p.
3. Lugovoi N.D. *Strada partizanskaya: 900 dnei v tylu vraga : dnevnikovye zapisi* [Partisan Strada: 900 Days Behind Enemy Lines : Diary Notes]. Simferopol', El'in'o, 2004, 732 p.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GA RK) [State Archive of the Republic of Crimea (GA RK)], coll. R-1289, aids 1, fol. 10.
5. Butich I.L. (ed.), Batyuk A.A. (ed.), Kostriba P.M. (ed.) ta in. *Nimets'ko-fashists'kii okupatsiinii rezhim na Ukraini, zbirnik dokumentiv i materialiv* [The Nazi occupation regime in Ukraine]. Kii'v : Derzhavne vidavnistvo politichnoi literaturi URSR, 1963, 486 p.
6. Butovchenko A. K 70-letiyu Oktyabrya. Trudnyi put' stanovleniya. Na konkurs «Letopis' Nizhnegor'ya» [To the 70th anniversary of the October Revolution. The hard way of formation. For the competition "Chronicle of Nizhnegorskoye"], *Trudovaya slava [Labor Glory]*, 1987, 15 oktyabrya.
7. *Avtobiografiya Ivana Sergeevicha D'yachenko* [Autobiography of Ivan Sergeyevich Diachenko], *Lichnyi arkhiv Olega Timshina [Personal archive of Oleg Timshin]*.
8. Timshin O. Po lezviyu britvy. Neizvestnye stranitsy Seitlerskogo podpol'ya, part 1 [On the razor's edge. Unknown Pages of the Seidler Underground, part 1], *Nizhnegor'e [Nizhnegorye]*, 2015, 21 aprelya.
9. *Kniga pamyati Respubliki Krym, v 9 t.* [Memory Book of the Republic of Crimea], vol. 4, *Dzhankoi'skii raion, Krasnoperekopskii raion, Nizhnegorskii raion, Pervomaiskii raion, Sovetskii raion* [Dzhankoi'sky district, Krasnoperekopsky district, Nizhnegorsky district, Pervomaysky district, Sovetsky district]. Simferopol', Tavrida, 1995, 639 p.
10. Chirva I. S. *Krymskoe podpol'e 1941—1944 gg.* [Crimean Underground 1941—1944], *Chirvy I.S. (ed.). Krym v Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuz 1941—1945 gg. [Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941—1945]*. Simferopol', Krymizdat, 1963, pp. 204—261.
11. *GA RK [(GA RK)]*, coll. P-151, aids 1, fol. 402.
12. *Fondy Nizhnegorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Funds of the Nizhnegorsk History Museum]*, Respublika Krym.
13. Bolgov V (ed.), Kupratsevich M. (ed.), Vasil'chuk D. (ed.) et all. *Mista i sela Ukraini. Avtonomna Respublika Krim. Misto Sevastopol'* [Cities and villages of Ukraine. Autonomous Republic of Crimea. City of Sevastopol]. Kii'v, 2009, 478 p.
14. Kir'yanova R. *Pamyat' i bol'. Vosstanavlivaya stranitsy istorii* [Memory and Pain. Retrieving the pages of history], *Nizhnegor'e [Nizhnegorye]*, 2009, 16 maya.
15. Akulov M.R. (ed.) *Krym v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945, sbornie dokumentov i materialov* [Crimea during the Great Patriotic War of 1941—1945]. Simferopol', Tavriya, 1973, 494 p.
16. Timshin O. *Po lezviyu britvy. Neizvestnye stranitsy Seitlerskogo podpol'ya* [On the Razor Blade. Unknown Pages of the Seidler Underground], part 2 *Nizhnegor'e [Nizhnegorye]*, 2015, 8 maya.
17. *GA RK [(GA RK)]*, coll. R-1289, aids 1, fol. 15.
18. Ogan'yan A. *Vozvrashchenie k spravedlivosti* [A Return to justice], *Nizhnegor'e [Nizhnegorye]*, 2005, 18 maya.
19. Solodovnik L.D. (ed.), Bagrov N.V. (ed.), Balakhonov V.I. (ed.) et all. *Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR* [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR], v 26 t. *Krymskaya oblast'* [Crimean region]. Kiev, 1974, 624 p.
20. D'yachenko Ivan Sergeevich [Ivan Sergeyevich Dyachenko], *Pamyat' naroda [Memory of the Nation]*, [internet-portal]. Available at: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero83336897/> (accessed: 11.05.2023).

21. D'yachenko Ivan Sergeevich [Ivan Sergeyevich Dyachenko], *Podvig naroda. 1941—1945 [The feat of the people. 1941–1945], elektr. bank dokumentov*. Available at: <http://podvignaroda.ru/?#id=49124623&tab=navDetailManCard> (accessed: 11.05.2023).

Информация об авторе

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Центральный музей Тавриды, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: slavik1855@gmail.com

Information about the author

Vyacheslav A. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Central Museum of Taurida, Simferopol, Russian Federation. E-mail: slavik1855@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Движение Сопротивления в СССР и в европейских странах

Научная статья
УДК 94(430)«1939/45»:930.2
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-112-126

«Собственноручные показания» майора Куна как источник по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления

Борис Львович Хавкин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация,
novistor@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа нового источника по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления — «собственноручных показаний» майора генерального штаба вермахта Йохима Куна, данных им 2 сентября 1944 г. в советском плену, воссоздается история заговоров немецких военных против Гитлера. Документы майора Куна — уникальный источник и немецкой, и российской новейшей истории.

Йохим Кун с сентября 1943 г. принадлежал к антигитлеровской оппозиции. Его имя стало известно в Германии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Кун состоял в тесной связи с фактическим руководителем заговора полковником генштаба графом Штауффенбергом и его активным участником генерал-майором Х. фон Тресковым. Кун был осужден и в Третьем рейхе как заговорщик и перебежчик, и в СССР — как военный преступник.

По ходатайству Гюнтера Вагенленера, председателя Объединения бывших репатриантов, военнопленных и членов семей лиц, пропавших без вести (ФРГ), Главная военная прокуратура Российской Федерации 23 декабря 1998 г. реабилитировала бывшего германского офицера Куна Йохима, осужденного в 1951 г. Военным судом Московского военного округа, «за отсутствием в его действиях состава преступления».

В историографии считалось, что следы Куна затерялись в сталинских застенках. Но после реабилитации документы из досье Куна стали доступны исследователям. Автору этой статьи на основе российских архивных источников удалось проследить жизненный путь Куна в советском плену и после его возвращения в Германию.

Ключевые слова: сопротивление национал-социализму, источники и литература по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления, заговоры против Гитлера, «собственноручные показания» майора Йохима Куна, заговор 20 июля 1944 г., Национальный комитет «Свободная Германия», Союз немецких офицеров

Для цитирования: Хавкин Б. Л. «Собственноручные показания» майора Куна как источник по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 112—126. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-112-126.

Resistance movement in the USSR and in European countries

Original article

“Handwritten testimony” of Major Kuhn as a source on the history of the German anti-Hitler Resistance

Boris L. Khavkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, novistor@mail.ru

Abstract. In the article, based on the analysis of a new source on the history of the German anti-Hitler Resistance — “handwritten testimony” of the Wehrmacht General Staff Major Joachim Kuhn, given by him on September 2, 1944 in Soviet captivity, the history of the German military conspiracies against Hitler is recreated. Major Kuhn's documents are a unique source of both German and Russian recent history.

Joachim Kuhn since September 1943 belonged to the anti-Hitler opposition. His name became known in Germany after the assassination attempt on Hitler on July 20, 1944. Kuhn was in close contact with the actual leader of the conspiracy, Colonel of the General Staff, Count Stauffenberg, and his active participant, Major General H. von Treskov. Kuhn was convicted both in the Third Reich as a conspirator and defector and in the USSR as a war criminal.

At the request of Günther Wagenlener, chairman of the Association of Former Repatriates, Prisoners of War and Family Members of Missing Persons (FRG), the Main Military Prosecutor's Office of the Russian Federation on December 23, 1998 rehabilitated the former German officer Kun Joachim, convicted in 1951 by the Military Court of the Moscow Military District, “due to the absence of corpus delicti in his actions.”

In historiography, it was believed that Kuhn's traces were lost in Stalin's dungeons. But after the rehabilitation, documents from Kuhn's dossier became available to researchers. Based on Russian archival sources, the author of this article was able to trace Kuhn's life in Soviet captivity and after his return to Germany.

Keywords: resistance to National Socialism, sources and literature on the history of the German anti-Hitler Resistance, conspiracies against Hitler, Major Joachim Kuhn's “handwritten testimony”, conspiracy of July 20, 1944, Free Germany National Committee, Union of German Officers

For citation: Khavkin B.L. “Handwritten testimony” of Major Kuhn as a source on the history of the German anti-Hitler Resistance. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):112—126. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-112-126.

Сопротивление национал-социализму — тема современной истории, которая и в XXI в. вызывает общественный резонанс. По словам немецкого историка П. Штайнбаха, «сопротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое» [1, s. 19].

Во время холодной войны история германского Сопротивления была включена в политико-идеологическую конфронтацию между Востоком и Западом. Если на Западе в качестве примера «другой Германии» рассматривались консерваторы и церковная оппозиция, то для Советского Союза олицетворением Сопротивления были немецкие коммунисты.

В послесталинские времена в СССР изучались такие аспекты германского Сопротивления, как коммунистическое сопротивление [2—6], сопротивление военнопленных, узников и принудительных рабочих [7—10], деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и «Красной капеллы» [11—13], оппозиции в вермахте и заговор 20 июля 1944 г. [14—16]. Почти все представители старшего поколения советских историков, изучавших немецкое Сопротивление, участвовали в Великой Отечественной войне в качестве немецкоязычных пропагандистов, политработников, раз-

ведчиков и контрразведчиков. Несмотря на ограниченность источников, коммунистический пафос и идеологическую пристрастность, работы советских историков-фронтовиков отличала ясная и последовательная антифашистская позиция, что делает эти труды актуальными для современных читателей.

В современной российской историографии произошла переоценка исторической роли германского Сопротивления. Как подчеркивал российский историк А. И. Борозняк, движение Сопротивления в Германии 1933—1945 гг. никогда не было общенациональным, массовым и народным, однако оно было значительно шире, чем это представлялось ранее, и во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого» [17].

В появившихся в России новых интересных исследованиях внимание уделяется расширению базы источников, их критике и публикации. Среди новых российских источников по теме исследования, опубликованных в России в последние годы, отметим письма Эрнста Тельмана Сталину и Молотову [18, л. 1—148 ; 19—21 ; 22, с. 103—175 ; 23, с. 40—43], досье участника заговора немецких военных против Гитлера майора Куна [22, с. 295—357 ; 24—26], показания и следственные дела пленных военных [27] и дипломатов [28] Третьего рейха, документы по Эвианской конференции 1938 г. из архивов России [29], протоколы допросов в гестапо немецкого антифашиста, члена организации «Белая роза» Александра Шмореля [30—32].

30 ноября 1997 г. первый президент России Б. Н. Ельцин в подмосковной резиденции Завидово вручил канцлеру ФРГ Г. Колю подарок: копии ряда хранящихся в российских архивах материалов по новейшей германской истории. Среди них были и датированные 1944 г. документы майора Куна. Российские чиновники, которые готовили подарок «друга Бориса другу Гельмуту», очевидно, так торопились, что в спешке не заметили, что эти документы еще не были рассекречены. Так в 1997 г. на Запад попали фрагменты уникального исторического источника, неизвестного тогда в России, — досье майора Куна [33 ; 34, s. 57].

Материалы, составляющие дело по обвинению Куна Йоахима, на котором основана наша публикация, хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) [24].

Дело по обвинению Куна Йоахима, имевшее первоначальный следственный номер 5141, было начато 29 августа 1951 г. и окончено 6 октября 1951 г. Документы дела подобраны в соответствии с требованиями делопроизводства НКГБ — МГБ СССР. По содержанию дело Куна стоит в одном ряду с другими следственными делами пленных германских офицеров, привлеченных в 1945—1952 гг. в СССР к уголовной ответственности за совершение военных преступлений.

23 декабря 1998 г. Главная военная прокуратура Российской Федерации «за отсутствием в его действиях состава преступления» реабилитировала германского подданного Йоахима Куна, осужденного в 1951 г. Военным судом Московского военного округа [35]. В связи с этим документы дела Куна были рассекречены и стали доступны историкам.

О чем рассказывает этот исторический источник?

Через неделю после провала заговора 20 июля 1944 г. в советский плен добровольно сдался участник заговора против Гитлера майор генштаба Йоахим Кун. 2 сентября 1944 г. он дал подробные «собственноручные показания» о подготовке частью немецкой военной и политической элиты государственного переворота с целью свержения Гитлера и его клики [36, s. 355—358].

Документы позволяют восстановить биографию Йоахима Куна. Он родился 2 августа 1913 г. в Берлине в семье адвоката Артура Куна и его жены Хильдегард-Марии, урожденной Кустер. В 17 лет Йоахим окончил гимна-

зию и поступил в технический институт, который не окончил. В 1932 г. он был принят на службу в стотысячный рейхсвер — профессиональную армию Веймарской республики. В 1933—1934 гг. Кун обучался в военных училищах в Дрездене и Мюнхене и в конце 1934 г. получил специальность военного инженера. В должности батальонного, а затем полкового адъютанта лейтенант Кун принимал участие в кампании Германии против Польши в 1939 г., командовал ротой в войне против Франции в 1940 г. За наведение понтонной переправы под огнем противника и личную храбрость был награжден Железным крестом. Летом 1941 г., когда Германия напала на СССР, капитан Кун служил в должности 1-го адъютанта (начальника штаба) 111-й пехотной дивизии вермахта. До ноября 1941 г. он был на Восточном фронте. Затем, как образцовый штабист, был направлен на учебу в Берлин в Академию Генерального штаба, где обучался до мая 1942 г. Окончив ее, как лучший офицер своего выпуска, он вошел в германскую военную элиту — корпус офицеров Генерального штаба. Для дальнейшего прохождения службы Кун, в январе 1943 г. получивший чин майора, был направлен в генштаб сухопутных сил — в организационный отдел Верховного командования сухопутных сил (ОКХ). Его непосредственным начальником был граф Клаус фон Штауфенберг, один из руководителей военного заговора против Гитлера. 20 июля 1944 г. Штауфенберг привел в действие взрывное устройство в ставке Гитлера, но Гитлер чудом уцелел. После провала покушения Штауфенберг в ночь на 21 июля 1944 г. был расстрелян в Берлине во дворе штаба ОКХ.

17 февраля 1945 г. офицеры советской военной контрразведки Смерш на основе показаний Куна раскопали на территории бывшей штаб-квартиры ОКХ в Мауэрвальде под Растенбугом (Восточная Пруссия) тайник, организованный Куном осенью 1943 г. по указанию Штауфенберга. В двух банках, металлической и стеклянной, была спрятана документация заговора против Гитлера 1943 г. Из тайника были извлечены: «календарь мероприятий по реализации плана смены главы германского государства и верховного главнокомандующего», постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы, обращения, оперативные распоряжения, подготовленные в связи с так и не состоявшимся убийством Гитлера [37, с. 306—307].

Как отмечал в составленной в феврале 1945 г. пояснительной записке к этим документам начальник Главного управления советской военной контрразведки (ГУК) Смерш генерал-полковник В. С. Абакумов, «приказ верховного главнокомандующего, как показал Кун, был составлен осенью 1943 г. руководителем заговора генерал-полковником Беком (застрелился) и Штауфенбергом (казнен). На пост верховного главнокомандующего и главы государства заговорщиками намечался Бек, который и должен был подписать этот приказ. Приказ об объявлении чрезвычайного военного положения в стране должен был подписать фельдмаршал Вицлебен (казнен), намечавшийся заговорщиками командующим вооруженными силами Германии» [38, л. 2].

Приведем эти документы в официальном переводе, сделанном в Смерше в феврале 1945 г., с сохранением оформления, стиля, орфографии и пунктуации.

Перевод с немецкого.

Главная ставка

Приказ

Фюрер мертв.

Испорченные и бессовестные элементы, преследовавшие с давних пор под защитой неограниченной власти свои личные цели, сделали попытку захватить в свои руки власть. Они знали, что народ и армия со все увеличивающимся ожесточением следят за их незаконными действиями. Равнодушные к жертвам, понесенным Гер-

манией, незатронутые тем, что родина лежит в развалинах, они были озабочены лишь собственном благополучии и надеялись с помощью безграничного насилия спасти самих себя и свою добычу, затопив в реках крови голос справедливости.

В минуту высшей опасности для отечества выступила армия, обезвредила предателей и взяла на себя исполнительную власть.

Один солдат руководит сейчас империей и главнокомандованием вооруженных сил. Из всех слоев народа, из всех областей империи стоят рядом с ним испытанные люди со знанием своего дела и с незапятнанной честью.

Солдаты

Будучи облечен верховной властью над вооруженными силами, я ручаюсь, что буду руководить Вами по-деловому. С этого часа от Вас будут требовать лишь необходимых для спасения отечества жертв. Ни одному из Ваших командиров не будет угрожать позорное удаление из армии за самостоятельные действия, основанные на знании обстоятельств и чувства ответственности.

Солдатское руководство страной гарантирует Вам, что родина будет такова, какой Вы, сражающиеся на фронтах, хотите ее видеть и увидите, когда возвратитесь. Эта родина будет всеми силами служить делу Вашей борьбы. Родина в свою очередь надеется на Вас. Она верит и ждет, что Вы ее спасете.

Солдаты

и прежде всех вы, бойцы Восточного фронта.

За эту родину вы должны выступить. После 4-х лет величайшей борьбы выйти в последний бой за родину, не за фантастические планы, безграничные завоевания, а за простую цель: за Ваш очаг, Ваш дом, за спасение Ваших жен и детей.

Если Вы не устоите, то все, что Вам дорого станет достоянием гибели и опустошения. Выдержите эту борьбу, чтобы мы могли свободно искать примирения, мира, достойного наших погибших.

Именем отечества обязую я Вас снова к верности, послушанию и храбрости.

Вместе с отечеством я надеюсь на ваше непреклонное мужество, которое становится тверже, чем больше угроза.

Я доверяю Вашим силам и Вашей вере в Германию.

Подпись [38, л. 6—7].

Перевод с немецкого.

Транслировать по радио.

Приказ об объявлении чрезвычайного положения в занимаемых запасной армией имперских областях.

Фюрер Адольф Гитлер мертв.

Изменническая клика «СС»-овских и партийных руководителей, используя серьезность положения, ударила в спину находящемуся в тяжелой борьбе Восточному фронту и пытается в целях достижения личного благополучия захватить власть.

II. Для единения всех сил нации в этот тяжелый час, для обеспечения права, спокойствия и порядка, имперское правительство поручило мне одновременно верховное командование вооруженными силами и исполнительную власть в занимаемых запасной армией имперских областях, а также распорядилось немедленно объявить чрезвычайное военное положение.

III. Исходя из этого, приказываю:

1. Исполнительную власть в имперских областях, занимаемых запасной армией, принять командующему запасной армией генерал-полковнику _____

2. Исполнительную власть в военных округах немедленно принять командующим округами, им же передать полномочия имперских комиссаров обороны.

Командующим округами подчинены:

а) все находящиеся в их округах воинские учреждения и части, включая войска «СС», отряды трудовой армии и организации ТОДТ;

б) все общественные учреждения (империи, провинций и общин), в особенности вся административная полиция, а также полиция порядка, безопасности и порядка;

в) органы и подразделения НСДАП и приданные им части;

г) транспортные средства и пищевая промышленность.

3. Командующий запасной армией и находящиеся в его области командующие военными округами принимают необходимые решения и мероприятия для поддержания и восстановления права, порядка и общественной безопасности и проводят их в жизнь, с случае необходимости, вооруженной силой.

На все время действия чрезвычайного военного положения в имперских областях, занимаемых запасной армией, допустимы сокращения имеющихся законных границ в отношении личной свободы, собственности, права свободного выражения мнений, прав союзов и собраний, нарушения тайны почтовой и телеграфной и телефонной связи, а также приказы о домашних обысках и конфискациях.

4. Лица, выступающие против проведения приказов и распоряжений чрезвычайного военного положения или призывающие другие лица к непослушанию, будут переданы полевому суду.

Главкомандующий
вооруженными силами
фельдмаршал [38, л. 4—5].

Календарный план оперативных мероприятий заговорщиков, составленный Куном совместно с генералами Штифом и Фельгибелем и полковником Штауфенбергом, был рассчитан по минутам [38, л. 2]. Момент казни Гитлера был условно обозначен знаком «Х», время до покушения — «Х минус». Например, указанное в плане время «Х минус 24» означало «за 24 часа до покушения». Время после покушения обозначалось «Х плюс». Например, «Х плюс 10 минут» означало «через 10 минут после убийства Гитлера». Была разработана система условных фраз: фраза «все восточные батальоны переводятся» означала, что Гитлер в результате покушения убит; «половина восточных батальонов переводятся» — Гитлер ранен; «восточные батальоны остаются, следует ждать признаков разложения» — заговор раскрыт, покушение не удалось; «восточные батальоны остаются, переорганизация не нужна» — покушение не удалось, но заговор не раскрыт.

Характерно, что В. С. Абакумов еще в феврале 1945 г. предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы военного заговора против Гитлера, однако в нашей стране они оставались секретными до конца 1990-х гг. [26, с. 29]

2 сентября 1944 г. Кун, содержащийся во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, напечатал на немецкой пишущей машинке «собственноручные показания». Изучение этого уникального источника, введенного нами в научный оборот в начале 2000-х гг., позволяет прийти к выводу, что благодаря показаниям Куна в сентябре 1944 г. Сталин, Берия и Абакумов знали гораздо больше о заговоре группы немецких военных и политиков против Гитлера, чем сам Гитлер, рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер (он возглавлял расследование по делу 20 июля 1944 г.), не говоря уже о лидерах западных стран — участниках антигитлеровской коалиции.

Показания Куна позволили создать многогранный портрет первых лиц антигитлеровского заговора, в них содержались политические и личные оценки ряда высокопоставленных германских военачальников и других ответственных лиц, включая генерал-фельдмаршалов Браухича, Клюге, Манштейна, Кюхлера, Вайса, министра К. фон Нейрата.

Кун рассказывал о своей беседе с графом Штауфенбергом (фактическим военным руководителем офицерского заговора), состоявшейся в ставке Верховного главнокомандования вермахта в Виннице в августе 1942 г. Штауфенберг сказал Куну: «Утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым... Эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве... Первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистской теории... Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира». Кун вспоминал, что эта беседа со Штауфенбергом потрясла его до глубины души. К тому же она состоялась летом 1942 г., до Сталинграда и последующих катастроф вермахта [25, с. 163].

Еще один разговор Штауфенберга и Куна состоялся 3 февраля 1943 г. накануне отъезда Штауфенберга в Тунис, куда он был направлен в качестве начальника штаба 10-й танковой дивизии. «Выход, который мы так долго искали, — это установление временной военной диктатуры», — произнес Штауфенберг [25, с. 164].

Следующая встреча двух офицеров состоялась через три месяца, 6 мая 1943 г. Кун пришел в берлинский госпиталь к Штауфенбергу, тяжело раненому в Тунисе: он потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки. На этот раз Штауфенбергом были произнесены слова, к которым Кун был уже морально готов: «Успешная борьба против национал-социализма, его фанатических теорий и целей, то есть путь к спасению народа, может идти только по линии устранения личности Гитлера и его ближайшего окружения» [25, с. 164].

В сентябре 1943 г. генерал-майор Хельмут Штиф с группой офицеров штаба Верховного главнокомандования вермахта пытался уничтожить Гитлера в его ставке. Но бомба, установленная заговорщиками в водонапорной башне, взорвалась преждевременно. Виновных не нашли: расследование по этому делу вели офицеры абвера, сами связанные с заговорщиками. В то же время заговорщики продолжали обсуждать нелегкий для них вопрос об офицерской чести и верности воинской присяге. Кун писал в показаниях: «В кругах организации неоднократно подчеркивалось, что непосредственное участие в убийстве Гитлера не достойно звания офицера, но все же этот поступок может быть оправдан как казнь преступника» [25, с. 167].

Куну была поручена организация переворота и создание новой военной администрации в Восточной Пруссии, где находилась гитлеровская ставка «Волчье Логово». Вот как описывал Кун непосредственно поставленную перед ним задачу: «...подготовка захвата расположенных в военном округе № 1 главных ставок Гитлера и Геринга. Мы должны были воздержаться от непосредственного захвата ставки фюрера в связи с тем, что она охранялась значительными силами охранного батальона». В район расположения главных ставок заговорщиками были стянуты части действующей армии. «Концентрация этих сил происходила под благовидным предлогом отражения возможных вражеских десантов» [25, с. 170].

После неудавшегося покушения на Гитлера Кун по личному указанию Штауфенберга закопал в Мауэрвальде две банки с секретной документацией заговорщиков. Этот тайник Кун и выдал офицерам Смерша 17 февраля 1945 г.

В декабре 1943 г. Кун побывал у фельдмаршала Вицлебена, который рассматривался заговорщиками как будущий главнокомандующий вооруженными силами Германии. «Я надеюсь, что все будет сделано для ускорения переворота, — заявил фельдмаршал, — так как дольше ждать нельзя» [25, с. 171].

20 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, Кун находился на фронте, в Польше, в штабе 28-й Егерской дивизии. За месяц до этого, 22 июня 1944 г., майор генштаба Кун был назначен на должность начальника штаба этой дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Густав фон Цильберг. 27 июля 1944 г., через неделю после провала заговора, Кун добровольно сдался в плен под Белостоком наступающим войскам Красной армии. В «собственноручных показаниях» Кун описывает свое пленение не как заранее подготовленный переход на сторону противника, а как вынужденное бегство с целью спасения своей жизни: он был на волосок от ареста и неминуемой казни как заговорщик. Однако в Германии как во время, так и после войны он считался перебежчиком [39, s. 129, 190 ; 40, s. 304 ; 41, s. 534 ; 42, s. 117].

Пленение Куна было сразу же замечено нацистскими фюрерами. 10 августа 1944 г. начальник Главного управления имперской безопасности

Э. Кальтенбруннер писал рейхслейтеру М. Борману: «Не будет неожиданностью, если из-за участия в поставке заговорщикам взрывчатого вещества перебежавший к большевикам майор Кун всплывет в Национальном комитете» («Свободная Германия», далее — НКСГ. — Б. Х.) [39, s. 190, 193—194].

В этой связи представляют интерес воспоминания бывшего вице-президента НКСГ графа Генриха фон Айнзиделя, правнука князя Бисмарка. В письме автору этой статьи, написанном в 2002 г., Айнзидель отмечает, что он впервые услышал о Куне 22 августа 1944 г. из рапорта фронтового уполномоченного НКСГ по 2-му Белорусскому фронту лейтенанта Вильмса, сообщавшего, что Красной армией взят в плен один из участников заговора 20 июля 1944 г. майор Генштаба Кун, который хочет включиться в движение «Свободная Германия» и войти в Союз немецких офицеров (СНО)¹. Но ни в НКСГ, ни в СНО Кун не появился. На все вопросы председателя СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица о Куне работавшие с НКСГ и СНО советские офицеры вразумительного ответа не давали.

31 декабря 1944 г. Айнзидель в качестве фронтового уполномоченного НКСГ прибыл на 2-й Белорусский фронт в район Нарева. Там он познакомился с офицером 7-го отдела (отдел контрпропаганды и разложения войск противника) политуправления фронта Львом Копелевым. Майор Копелев спросил Айнзиделя о Куне и был очень удивлен, узнав, что в НКСГ и СНО Куна в глаза не видели. Копелев рассказал, что в июле 1944 г. в только что освобожденной польской деревне к нему и еще двум советским офицерам подошла крестьянка и сказала, что скрывающийся у нее немецкий офицер хочет сдаться в плен. Этим немецким офицером и был майор Кун. Кун заявил Копелеву о своем желании примкнуть к движению генерала Зайдлица. Копелев выдал Куну документ как пленному, имеющему особое значение, и выделил офицера для сопровождения в вышестоящие инстанции. Однако сначала Кун попал в обычный пересыльный лагерь для военнопленных и уже оттуда его направили в Москву. Спустя много лет после войны, когда Айнзидель, депутат германского бундестага, был в гостях у Копелева, знаменитого писателя и ученого-германиста, у них речь вновь зашла о Куне. Причем Копелев так и не смог объяснить, почему Куну не дали установить контакт с Зайдлицем, СНО и НКСГ². Таким образом, немецкий лейтенант Вильмс и советский майор Копелев независимо друг от друга сообщали о желании Куна войти в СНО, глава которого генерал Зайдлиц был информирован об этом и хотел встретиться с Куном.

Почему же советские инстанции не дали Куну возможности связаться с НКСГ и СНО? Это обстоятельство объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. Кун в итоге попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций — Главного политуправления Красной армии и Главного управления по делам военнопленных, а «в объятия» Главного управления контрразведки (ГУК) Смерш: перебежчик, к тому же офицер Генштаба рассматривался как возможный шпион.

2 сентября 1944 г., находясь в ГУК Смерш в Москве на Лубянке, Кун напечатал «собственноручные показания», которые на русский язык пере-

¹ В деле 3-го Сената имперского военного трибунала против генерал-лейтенанта Цильберга есть свидетельства двух немецких унтер-офицеров, которые 31 июля 1944 г. видели в советском лагере для военнопленных, расположенном примерно в 75 км восточнее Белостока, немецкого майора, одетого в кожаную танкистскую куртку и носившего эмблему Генштаба. Фамилия майора была Кун. Он искал возможности срочно быть доставленным в Москву для дачи важных показаний. Немецкий лейтенант, занимавшийся «большевистской обработкой военнопленных, которых затем с заданием от русских возвращали в Германию» (Вильмс. — Б. Х.), сказал унтер-офицерам, что майор Кун был связан с людьми, совершившими 20 июля 1944 г. покушение на Гитлера. Поэтому по возвращении в Германию они ничего не должны о нем говорить. [43, s. 244].

² Как пишет Г. Айнзидель в письме Б. Л. Хавкину от 9 января 2002 г., по словам Куна, сказанным в личной беседе с Айнзиделем в Германии после войны, Штауфенберг в апреле 1944 г. сказал Куну, что возможно путь Зайдлица был не так уж и неверен [25, с. 152, прим. 24].

вел оперативный уполномоченный Даниил Копелянский. На последней странице перевода он написал: «Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО (Государственный комитет обороны. — Б. Х.). Оперуполн. 2-го отдела Гл. упр. Смерша капитан Копелянский» [24, л. 55].

23 сентября 1944 г. начальник ГУК Смерш генерал-полковник Виктор Абакумов направил члену ГКО Георгию Маленкову письмо следующего содержания:

«В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Йоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной армии и в связи с этим объявлен изменником родине... Будучи доставлен в Москву в Главное управление контрразведки Смерш и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах... Большую осведомленность в делах заговора и близкие связи с высокопоставленными лицами германского военного командования Кун объясняет своим служебным положением в Генеральном штабе, прошлым своих родителей (дед был генералом от кавалерии) и тем, что начальники рассматривали его как способного и растущего офицера. Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, не исключена возможность, что он под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями... Об изложенном доложено товарищу Сталину. При этом представляю перевод собственноручных показаний Куна» [24].

Однако для следственной практики НКВД — НКГБ — МГБ было необычно то, что к материалам дела Куна были приобщены его «собственноручные показания», данные до ареста. Эти документы, которые не легли в основу обвинения и не использованы в нем, могли быть уничтожены как «не представляющие оперативного интереса» или приобщены к материалам переписки ГУК Смерш. Сохранение в уголовном деле Куна его «собственноручных показаний», данных им в качестве военнопленного, а не подследственного, — редчайший случай, объяснимый лишь тем, что первый экземпляр этих показаний попал в конце сентября 1944 г. на стол Председателю ГКО и Верховному главнокомандующему Красной армией. Таким образом, Сталин был подробно информирован о ходе подготовки германскими офицерами покушения на Гитлера.

В сентябре 1944 г. капитан Копелянский, так же как и его начальники, не располагал всей поступавшей из Германии информацией о Куне. Ни Копелянский, ни сам Кун тогда еще не знали, что 27 июля 1944 г., в тот же день, когда майор Кун попал в советский плен, его отец Артур и мать Хильдегард-Мария были взяты в Берлине под превентивный арест как родители перебежчика.

Находясь в плену, Кун ничего не узнал ни о судьбе своих родственников, ни о своей участи как участника заговора против Гитлера, что объясняет непреднамеренные ошибки, содержащиеся в тексте его показаний.

Например, он пишет: «4.VIII.1944 года я обратился к находившемуся в лагере г. Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения. Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни» [25, с. 153]. Этот факт не соответствовал действительности. В то же время сообщенная Куну советской стороной версия о том, что 4 августа 1944 г. он был приговорен в Германии к смертной казни, не являлась сознательной дезинформацией с целью получения от Куна требуемых на Лубянке показаний. О том, что

Кун «германским судом был заочно осужден к смертной казни», говорилось и в письме Абакумова Маленкову от 23 сентября 1944 г. Конечно же, Абакумов не собирался вводить Маленкова в заблуждение. Информация о том, что 4 августа 1944 г. Куна приговорили в Третьем рейхе к смерти, была основана на справке, составленной Смершем по материалам Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 9 августа 1944 г., а ТАСС в свою очередь ссылалось на агентство «Трансоцеан» [25, с. 154]. В действительности же 4 августа 1944 г. Кун приговорен к смерти не был: в этот день майор Генштаба ОКХ Йоахим Кун по предложению суда чести сухопутных сил и приговору народного трибунала Третьего рейха был лишь исключен из рядов вермахта «как перебежчик и в связи с событиями 20.VII.1944 года» [25, с. 154].

Но в дальнейшем нацисты все же вынесли Куну смертный приговор. 6 февраля 1945 г. 3-й Сенат имперского военного трибунала под председательством судьи Шмаусера заочно приговорил Йоахима Куна к смерти «за измену родине, боевому знамени, воинскому долгу и переход на сторону врага». 20 февраля 1945 г. Гитлер лично утвердил смертный приговор Куну и потребовал «немедленно привести его в исполнение, как только преступник попадет в немецкие руки».

С 12 августа 1944 г. до 1 марта 1947 г. военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и в Бутырской тюрьме. «Из соображений оперативной необходимости» ему было дано другое имя. В тюремном деле Кун значился как Йоахим фон Маловиц. Обращение с заключенным Маловицем и условия его содержания были относительно хорошими. В госпитале Бутырской тюрьмы ему оказывалась необходимая медицинская помощь. Все это время контрразведка Смерш вела с особо ценным пленным активную оперативную работу. В целях оперативной работы военнопленный Кун согласно указаниям Абакумова, который в это время возглавлял МГБ СССР, от 15 февраля 1945 г. и от 28 февраля 1947 г. дважды вывозился на особые объекты. В 1947 г. по указанию Абакумова Кун был помещен на особый объект — подмосковную дачу, где под наблюдением находился с 1 марта 1947 г. до 22 апреля 1948 г. На даче он не столько отдыхал, сколько готовился к репатриации в Восточную Германию в качестве будущего сотрудника новой администрации. По сообщению следившего за ним информатора, Кун «критиковал советскую власть»: в частной беседе он якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам. Разумеется, после этого о репатриации в Германию Куну пришлось забыть.

Весной 1948 г. Куна вновь поместили в тюрьму. Он сидел в московских тюрьмах: в Лефортове с 22 апреля 1948 г. и в Бутырке с 5 апреля 1950 г. Парадокс состоял в том, что юридически он в это время арестованным не считался. Ордер на его арест был выписан лишь 30 августа 1951 г. Капитану И. С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и арестовать его «по месту нахождения» [25, с. 155]. Местом нахождения Куна в это время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 г.: исключением из ВКП(б), снятием с должности, а затем арестом и расстрелом министра госбезопасности СССР Абакумова, которого среди прочего обвинили в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 г. новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С. Д. Игнатьев, который стал «наводить порядок» и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ СССР немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы.

Майор Кун был обвинен на основании «пункта 1 (а) статьи II Закона № 10 Контрольного совета в Германии» и признан виновным «в подготовке

и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 г. особое совещание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен — 27 июля 1944 г.

Участие Куна в заговоре против Гитлера сталинские следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, «установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами» [25, с. 156].

6 октября 1951 г., т. е. за 11 дней до вынесения приговора по делу Куна, его следователь майор госбезопасности Кичигин принял решение: «Куна Йоахима, как военного преступника, после осуждения направить для отбывания наказания в особую тюрьму». Особой тюрьмой, в которой сидел Кун с 1951 по 1956 г., был известный во всей России Александровский централ — каторжная тюрьма близ Иркутска. По иронии судьбы немецкий офицер, участвовавший в заговоре против Гитлера, сидел в той же тюрьме, что и русские офицеры-декабристы, участники заговора против царя в 1825 г. В тюрьме Кун страдал от недоедания, у него началась дистрофия. Офицеры МГБ предполагали также, что он заболел психически. Хотя состояние здоровья узника Александровского централа вызывало опасения, его продолжали использовать на общих каторжных работах. Но в 1954 г. появились послабления режима: Кун получил возможность писать и получать письма и принимать посылки. В тюремном деле есть отметки о получении им 43 посылок от матери. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. заключенный Йоахим Кун подлежал досрочному освобождению. Но в сентябре 1955 г. его не освободили, а перевели в тюрьму г. Первоуральска, где он провел последние, самые тягостные месяцы заключения, продолжавшегося до 7 января 1956 г.

16 января 1956 г. Кун был передан в распоряжение правительства ФРГ и через лагерь для перемещенных лиц Фридланд вернулся на родину. 11 лет заключения превратили его в тяжелобольного и морально надломленного человека. О своем прошлом он предпочитал не говорить. Многие в Западной Германии в те годы осуждали участников антигитлеровского заговора как людей, нарушивших воинскую присягу, хотя Конституция ФРГ и провозглашала законность неподчинения военным служащим преступным приказам.

По свидетельству графа Айнзиделя, навестившего Куна в конце 1970-х гг., Кун жил замкнуто и одиноко в дешевом пансионе в Бад-Боклете, неподалеку от г. Бад-Киссингена на реке Саале. Там он и умер, всеми забытый, 6 марта 1994 г., прожив 80 лет. Как отметил Айнзидель, говоря о личной трагедии Куна, «выжившие заговорщики о нем просто умалчивали, как будто под страхом смерти. Он же больше не имел сил (возможно, он действительно страдал шизофренией), чтобы оправдаться и рассказать свою историю, какой она была на самом деле. В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в ЧК, он не поумнел... Человека, который был так сломлен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве борца Сопротивления. Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар холодной войны, запретной темой. Итак, его похоронили еще при жизни. Он пал жертвой не только Гитлера и Сталина, но и жертвой насквозь лживой исторической легенды» [25, с. 159].

Список литературы

1. Steinbach P. Widerstand im Widerstreit : Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen : Ausgew. Studien. Paderborn : Schöningh, Cop. 1994. 297 с.
2. Давидович Д. С. Эрнст Тельман: Страницы жизни и борьбы. М. : Наука, 1988. 224 с.
3. Бланк А. С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945) : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.00. М., 1964. 396 с.
4. Гинцберг Л. И., Драбкин Я. С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 152 с.
5. Гинцберг Л. И. Отважные борцы против фашизма: борьба немецких антифашистов против гитлеровской тирании. М. : Знание, 1984. 64 с.
6. Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма: 1933—1945. М. : Наука, 1987. 338 с.
7. Бродский Е. А. Живые борются. М. : Воениздат, 1965. 240 с.
8. Бродский Е. А. Славная страница пролетарского интернационализма: немецкие антифашисты в борьбе с гитлеризмом. М. : Мысль, 1980. 270 с.
9. Бродский Е. А. Забвению не подлежит: об участии советских военнопленных и угнанных в Германию советских граждан в европейском антифашистском движении Сопротивления. М. : Мысль, 1993. 413 с.
10. Бродский Е. А. Это известно немногим : воспоминания политработника РККА. Красногорск : Мемор. музей немецких антифашистов, 1996. 392 с.
11. Бланк А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945 гг. / Череповецкий гос. пед. ин-т. Вологда, 1963. 92 с.
12. Бланк А. С., Левель Б. Наша цель — свободная Германия: из истории антифашистского движения «Свободная Германия». 1943—1945 гг. М. : Мысль, 1969. 293 с.
13. Бланк А. С. В сердце «третьего рейха»: из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М. : Мысль, 1974. 237 с.
14. Безыменский Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М. : Соцэкгиз, 1961. 368 с.
15. Безыменский Л. А. Гитлер и германские генералы. М. : Вече, 2004. 349 с.
16. Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: причины и следствия. М., 1965. 300 с.
17. Борозняк А. И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». М. : Интердиалект+, 1999. 62 с.
18. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 20. Д. 116.
19. Неизвестные письма Эрнста Тельмана И. В. Сталину и В. М. Молотову, 1939—1941 гг. / предисл. и коммент. В. С. Рыкина, Б. Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 76—111.
20. Неизвестные письма Эрнста Тельмана И. В. Сталину и В. М. Молотову, 1939—1941 гг. / предисл. и коммент. В. С. Рыкина, Б. Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 75—106.
21. Неизвестные письма Эрнста Тельмана И. В. Сталину и В. М. Молотову, 1939—1941 гг. / предисл. и коммент. В. С. Рыкина, Б. Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 87—112.
22. Хавкин Б. Л. Россия и Германия, 1900—1945. Сплетение истории. М. : Новый хронограф, 2014. 423 с.
23. Хавкин Б. Л. Нежелательные письма // Дилетант: исторический журнал для всех. 2014. № 10 (34). С. 40—43.
24. Дело по обвинению Куна Йоахима // Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Р-46988.
25. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального архива ФСБ России / предисл. А. М. Калганова, Б. Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 148—179.
26. Хавкин Б. Л. Заговор против Гитлера: его главного участника приговорили к 25 годам советской тюрьмы // Родина. 2004. № 6. С. 25—30.
27. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951 / сост.: В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М. : МФД, 2009. 576 с.
28. Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944—1955. М. : МФД, 2011. 880 с.
29. Хавкин Б. Л. Документы Третьего рейха по Эвианской конференции 1938 г. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 717—730.

30. Шморель А. Протоколы допросов в гестапо февраль—март 1943 г. / сост. И. Храмов. Оренбург : Оренбургское книжное издательство им. Г. П. Донковцева, 2018. 184 с.
31. Храмов И. В. Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2001. 224 с.
32. Храмов И. В. Александр Шморель. М., 2018. 224 с.
33. Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1998. 20 VII.
34. Von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944—1956 // Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof. Berlin, 2001, 549 s.
35. Определение № Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23 декабря 1998 г. // ЦА ФСБ России [].
36. Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2001. № 2. S. 355—358.
37. Калганов А. М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. // Тайные страницы истории : сб. М. : ЛГ Информэйшн Груп, АСТ, 2000. С. 289—321.
38. По материалам ГУК Смерш. Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами // ЦА ФСБ России.
39. «Spiegelbild einer Verschwörung». Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt / H.-A. Jacobsen (Hrsg.). 2 B-de. Stuttgart 1984. 1013 s.
40. Herwarth H. von Zwischen. Hitler und Stalin : Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt a. M. etc. : Propyläen, 1982. 368 s.
41. Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn : Bundeszentrale für Politische Bildung, 1994. 671 s.
42. Lexikon des Widerstandes 1933—1945. München : Beck, 1998, 251 s.
43. Haase N. Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft Katalog zur Sonderausstellung der Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin, 1993. 280 c.

References

1. Steinbach P. Widerstand im Widerstreit : Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen : Ausgew. Studien [Resistance in Conflict, The Resistance to National Socialism in the Memory of the Germans : Ausgew. Studies. Paderborn]. Paderborn, Schöningh Cop., 1994, 297 p.
2. Davidovich D.S. Ernst Tel'man: Stranitsy zhizni i bor'by [Ernst Telman: Pages of life and struggle]. Moscow, Nauka, 1988, 224 p.
3. Blank A.S. Kommunisticheskaya partiya Germanii v bor'be protiv fashistskoi diktatury (1933—1945) [The Communist Party of Germany in the struggle against the Fascist dictatorship (1933—1945)], Dr. ist. sci. diss. Moscow, 1964, 396 p.
4. Gintsberg L.I., Drabkin Ya.S. Nemetskie antifashisty v bor'be protiv gitlerovskoi diktatury (1933—1945) [German anti-fascists in the struggle against the Hitler dictatorship (1933—1945)]. Moscow, Publ. Akad. nauk SSSR, 1961, 152 p.
5. Gintsberg L.I. Otvazhnye bortsy protiv fashizma: bor'ba nemetskikh antifashistov protiv gitlerovskoi tiranii [Brave fighters against fascism: the struggle of German anti-fascists against Hitler's tyranny]. Moscow, Znanie, 1984, 64 p.
6. Gintsberg L.I. Bor'ba nemetskikh patriotov protiv fashizma: 1933—1945 [The struggle of German patriots against fascism: 1933—1945]. Moscow, Nauka, 1987, 338 p.
7. Brodskii E.A. Zhivye boryutsya [The living are struggling]. Moscow, Voenizdat, 1965, 240 p.
8. Brodskii E.A. Slavnaya stranitsa proletarskogo internatsionalizma: nemetskie antifashisty v bor'be s gitlerizmom [The Glorious Page of Proletarian Internationalism: German anti-fascists in the fight against Hitlerism]. Moscow, Mysl', 1980, 270 p.
9. Brodskii E.A. Zabveniyu ne podlezhit: ob uchastii sovetskikh voennoplennykh i ugnannykh v Germaniyu sovetskikh grazhdan v evropeiskom antifashistskom dvizhenii Soprotivleniya [Not to be forgotten: about the participation of Soviet prisoners of war and Soviet citizens abducted to Germany in the European anti-fascist Resistance movement]. Moscow, Mysl', 1993, 413 p.
10. Brodskii E.A. Eto izvestno nemnogim : vospominaniya politrabotnika RKKA [This is known to few : memoirs of a political worker of the Red Army]. Krasnogorsk, Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 1996, 392 p.
11. Blank A.S. Natsional'nyi komitet "Svobodnaya Germaniya" — tsentr antifashistskoi bor'by nemetskikh patriotov. 1943—1945 gg. [The National Committee "Free Germany" — the center of the anti-fascist struggle of German patriots. 1943—1945.]. Vologda, 1963, 92 p.

12. Blank A.S., Level' B. *Nasha tsel' — svobodnaya Germaniya: iz istorii antifashistskogo dvizheniya "Svobodnaya Germaniya". 1943—1945 gg.* [Our goal is a free Germany: from the history of the anti—fascist movement "Free Germany". 1943—1945]. Moscow, Mysl', 1969, 293 p.
13. Blank A.S. V serdtse "tret'ego reikha": iz istorii antifashistskogo Narodnogo fronta v podpol'e [In the heart of the "Third Reich": from the history of the anti-Fascist Popular Front underground]. Moscow, Mysl', 1974, 237 p.
14. Bezymenskii L.A. *Germanskii generaly — s Gitlerom i bez nego* [German generals — with and without Hitler]. Moscow, Sotsekgiz, 1961, 368 p.
15. Bezymenskii L.A. *Gitler i germanskii generaly* [Hitler and the German generals]. Moscow, Veche, 2004, 349 p.
16. Mel'nikov D.E. *Zagovor 20 iyulya 1944 g. v Germanii: prichiny i sledstviya* [The conspiracy of July 20, 1944 in Germany: causes and consequences]. Moscow, 1965, 300 p.
17. Boroznyak A.I. FRG: opyt stanovleniya antitotalitarnogo soglasiya. Problema "preodoleniya proshlogo" [Germany: the experience of the formation of anti-totalitarian consent. The problem of "overcoming the past"]. Moscow, Interdiagnost, 1999, 62 p.
18. *Arkhiv Prezidenta Rossiiskoi Federatsii (AP RF)* [Archive of the President of the Russian Federation (AP RF)], coll. 3, aids 20, fol. 116.
19. *Neizvestnye pis'ma Ernsta Tel'mana I. V. Stalinu i V. M. Molotovu, 1939—1941 gg.* [Unknown letters of Ernst Telman to I. V. Stalin and V. M. Molotov, 1939—1941], *Novaya i noveishaya istoriya* [New and contemporary history], 1996, no. 6, pp. 76—111.
20. *Neizvestnye pis'ma Ernsta Tel'mana I. V. Stalinu i V. M. Molotovu, 1939—1941 gg.* [Unknown letters of Ernst Telman to I. V. Stalin and V. M. Molotov, 1939—1941], *Novaya i noveishaya istoriya* [New and contemporary history], 1997, no. 1, pp. 75—106.
21. *Neizvestnye pis'ma Ernsta Tel'mana I. V. Stalinu i V. M. Molotovu, 1939—1941 gg.* [Unknown letters of Ernst Telman to I. V. Stalin and V. M. Molotov, 1939—1941], *Novaya i noveishaya istoriya* [New and contemporary history], 1997, no. 2, pp. 87—112.
22. Khavkin B.L. *Rossiia i Germaniya, 1900—1945. Splenie istorii* [Russia and Germany, 1900—1945. The Weave of History]. Moscow, Novyi khronograf, 2014, 423 p.
23. Khavkin B.L. *Nezhelel'nye pis'ma* [Undesirable letters], *Diletant: istoricheskii zhurnal dlya vseh* [The Dilettante: a historical magazine for everyone], 2014, no. 10(34), pp. 40—43.
24. *Delo po obvineniyu Kuna Ioakhima* [The case against Kuhn Joachim], *Tsentral'nyi arkhiv FSB Rossii (TsA FSB Rossii)* [Central Archive of the Federal Security Service of Russia (TsA FSS of Russia)], R-46988.
25. *Novyi istochnik po istorii zagovora protiv Gitlera 20 iyulya 1944 g. iz Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii* [New source on the history of the July 20, 1944 plot against Hitler from the Central Archive of the FSB of Russia], *Novaya i noveishaya istoriya* [New and contemporary history], 2002, no. 3, pp. 148—179.
26. Khavkin B.L. *Zagovor protiv Gitlera: ego glavnogo uchastnika prigovorili k 25 godam sovetsskoi tyur'my* [Conspiracy against Hitler: its main participant was sentenced to 25 years in a Soviet prison], *Rodina* [Rodina], 2004, no. 6, pp. 25—30.
27. Makarov V.G. (ed.), Khristoforov V.S. (ed.). *Generaly i ofitsery vermakhta rasskazyvayut... Dokumenty iz sledstvennykh del nemets-kikh voennoplennykh. 1944—1951* [Generals and officers of the Wehrmacht tell... Documents from the investigation files of German prisoners of war. 1944—1951]. Moscow, MFD, 2009, 576 p.
28. *Tainy diplomatii Tret'ego reikha: germanskii diplomaty, rukovoditeli zarubezhnykh voennykh missii, voennye i politseyskie attashe v sovetsskom plenu. Dokumenty iz sledstvennykh del. 1944—1955* [Secrets of Third Reich diplomacy: German diplomats, heads of foreign military missions, military and police attachés in Soviet captivity. Documents from investigative cases. 1944—1955]. Moscow, MFD, 2011, 880 p.
29. Khavkin B.L. *Dokumenty Tret'ego reikha po Evianskoi konferentsii 1938 g.* [Documents of the Third Reich on the Evian Conference of 1938], *Vestnik arkhivista* [Archivist Vestnik], 2018, no. 3, pp. 717—730.
30. Khramov I. (ed.). *Shmorel' A. Protokoly doprosov v gestapo fevral'—mart 1943 g.* [Minutes of interrogations at the Gestapo in February—March 1943]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe publ. im. G. P. Donkovtseva, 2018, 184 p.
31. Khramov I.V. *Russkaya dusha «Beloi rozy»* [The Russian soul of "White Rose"]. Orenburg, 2001, 224 p.
32. Khramov I.V. *Aleksandr Shmorel'* [Alexander Schmorel]. Moscow, 2018, 224 p.
33. Hoffmann P. *Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes* [Tresckow and Stauffenberg. A Testimony from the Archives of the Russian Secret Service], *Frankfurter Allgemeine Zeitung* [Frankfurter General Newspaper], 1998, 20 VII.

34. Von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944—1956 [The Fate of Major (G.S.) Joachim Kuhn in Soviet Captivity 1944—1956], *Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof* [The defendants on July 20 in People's Court]. Berlin, 2001, 549 p.
35. Opređenje № N-240 Voennogo suda Moskovskogo voennogo okruga ot 23 dekabrya 1998 g. [Determination № H-240 of the Military Court of the Moscow Military District from December 23, 1998], *TsA FSB Rossii* [Central Archive of the Federal Security Service of Russia].
36. Chavkin V., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands [Documents concerning the history of the military resistance in the Third Reich from the Central Archive of the Federal Security Service of Russia], *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte* [Forum on East European ideas and historical research], 2001, no. 2, pp. 355—358.
37. Kalganov A.M. Pokushenie na Gitlera 20 iyulya 1944 g. [An attempt on Hitler's life on July 20, 1944], *Tainye stranitsy istorii* [Secret Pages of History]. Moscow, LG Informeshn Grup, ACT, 2000, pp. 289—321.
38. Po materialam GUK Smersh. Dokumenty, obnaryuzhennyye v stavke glavnogo komandovaniya germanskimi sukhoputnymi silami [According to the materials of the SMERSH GUK. Documents found in the headquarters of the German Land Forces], *TsA FSB Rossii* [Central Archive of the Federal Security Service of Russia].
39. Jacobsen H.-A. (ed.). "Spiegelbild einer Verschwörung". Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt ["Mirroring the Conspiracy. The Opposition to Hitler and the coup d'état of July 20, 1944 in the reports of the Security Service. Secret documents of the previous General Directorate of security of the Reich"], ed. 2. Stuttgart 1984, 1013 p.
40. Herwarth H. von Zwischen. Hitler und Stalin : Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945 [Hitler and Stalin : contemporary history experienced from 1931 to 1945]. Frankfurt a. M., Propyläen, 1982, 368 p.
41. Widerstand gegen den Nationalsozialismus [Resistance to National Socialism]. Bonn, Bundeszentrale für Politische Bildung, 1994, 671 p.
42. Lexikon des Widerstandes 1933—1945 [Encyclopedia of resistance 1933—1945]. München, Beck, 1998, 251 p.
43. Haase N. Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft Katalog zur Sonderausstellung der Gedenkstätte Deutscher Widerstand [Reich Military Tribunal and the resistance to National Socialist rule Catalogue for the special exhibition of the German resistance memorial center]. Berlin, 1993, 280 p.

Информация об авторах

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация. E-mail: novistor@mail.ru

Information about the authors

Boris L. Khavkin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation. E-mail: novistor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 10.12.2022.

The article was submitted 12.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 10.12.2022.

Движение Сопротивления в СССР и в европейских странах

Научная статья
УДК 070:94 (497.1) «1939/1945»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-127-133

Образ генерала Дражи Михайловича в советской печати в годы Великой Отечественной войны

Дмитрий Анатольевич Плужников

Московский государственный областной педагогический университет, Москва, Российская Федерация, dpluzh@gmail.com

Аннотация. В статье показано, как в годы Великой Отечественной войны эволюционировало отношение советского руководства к движению четников в Югославии, возглавляемому Дражи Михайловичем; как через государственную печать в СССР формировались представления граждан Советского Союза о событиях в Югославии, где одновременно велись сразу две войны: освободительная и гражданская. Гражданская война не позволяла объединить все силы Сопротивления в Югославии, так как четники и партизаны не уступали друг другу в вопросе, кто из них должен был стать непререкаемым лидером в борьбе с оккупантами и коллаборационистами. Особое внимание уделено тому, как советское руководство поэтапно убеждало граждан, что именно партизаны во главе с коммунистом Иосипом Броз Тито — истинные патриоты страны, а не четники Дражи Михайловича. Автор показывает роль печати как незаменимого источника информации для исследователя.

Ключевые слова: Югославия, Вторая мировая война, движение Сопротивления, Великая Отечественная война, гражданская война, Дражи Михайлович, четники, партизаны, коллаборанты, газетоведение, источниковедение, советская печать

Для цитирования: Плужников Д. А. Образ генерала Дражи Михайловича в советской печати в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 127—133. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-127-133.

Resistance movement in the USSR and in European countries

Original article

The image of General Draži Mikhailovich in the Soviet press during the Great Patriotic War

Dmitry A. Pluzhnikov

Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, dpluzh@gmail.com

Abstract. The article shows how the attitude of the Soviet leadership to the Chetniks movement in Yugoslavia, led by Drazhi Mikhailovich, evolved during the Great Patriotic War; how were the ideas of the citizens of the Soviet Union formed through the state press in the USSR about the events in Yugoslavia, where two wars were fought simultaneously: the liberation and the civil war. The civil war did not allow to unite all the resistance forces in Yugoslavia, since the Chetniks and Partisans did not yield to each other on the issue of which of them was to become the undisputed leader in the fight against the invaders and collaborators. Special attention is paid to how the Soviet leadership gradually convinced citizens that it was the partisans led by the communist Josip Broz Tito who

were the true patriots of the country, and not the Chetniks of Draži Mikhailovich. The author shows the role of print as an indispensable source of information for the researcher.

Keywords: Yugoslavia, World War II, Resistance movement, Great Patriotic War, civil war, Draži Mihailović, Chetniks, partisans, collaborators, newspaper studies, source studies, Soviet press

For citation: Pluzhnikov D.F. The image of General Draži Mikhailovich in the Soviet press during the Great Patriotic War. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):127—133. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-127-133.

В период крушения мировой системы социализма началась, а с распадом СССР и Югославии продолжилась переоценка взглядов на прошлое: то, что еще вчера казалось незыблемым, в одночасье стало неверным и подверглось остракизму. Не стали исключением и события Второй мировой войны. В югославской, советской, современной сербской и российской историографиях образ генерала Дражи Михайловича претерпевал изменения от строго негативного до героя и жертвы предательства, что позволило некоторым исследователям оправдывать его сотрудничество с оккупантами.

Серьезные исследователи могут спорить, долго выдвигая различные гипотезы на основе доступных источников [1 ; 2]. Но как современники относились к движению четников, возглавляемых Дражей Михайловичем? Где они черпали информацию для формирования своих взглядов? В рамках истории повседневности особый интерес представляет ответ на вопрос, что знали советские граждане, участвовавшие в освобождении Югославии в 1944—1945 гг. о генерале и его сторонниках. Этот вопрос поднимает (не давая на него ответа) в своей статье отечественный исследователь-югославист, в настоящее время работающий в белградском университете, — А. Ю. Тимофеев [3].

Для советского человека — как до войны, так и в годы войны — основным источником информации о событиях за пределами СССР были советские печать, радио, выпуски киноновостей. При этом большее значение в силу своей доступности имела печать. Именно так распространилась информация о Югославии в годы Второй мировой войны.

Формат статьи не позволяет исследовать все публикации в советской печати 1941—1945 гг., посвященные Драже Михайловичу, поэтому мы представим отдельные из них, показывающие общие тенденции процесса освещения деятельности югославского полковника, а затем генерала.

До 22 июня 1941 г. советская печать довольно сдержанно освещала события, происходившие между Югославией, Германией и ее союзниками [4—6]. Хотя после разгрома королевской Югославии в апреле 1941 г. Советский Союз официально не признал возникшие на ее обломках государства, тон публикаций до нападения нацистской Германии оставался нейтральным. Ситуация радикально изменилась сразу после 22 июня 1941 г. [7—11] Советское руководство, изначально выдвигавшее на первый план марксистскую идеологию, с началом войны вынуждено было внести коррективы во внешнюю политику, поиск союзников привел к переносу акцентов с лозунгов пролетарского интернационализма на славянскую идею [12], или славянское братство [13].

Первый очаг движения Сопротивления под руководством полковника югославской королевской армии Дражи Михайловича, взявший традиционное для сербов название «четники», появился сразу после поражения Югославии в Апрельской войне. После нападения нацистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз в оккупированных странах активизировались местные коммунистические партии, подчиненные Коминтерну, а в действительности советскому руководству. Не была исключением и коммунистическая партия Югославии (КПЮ), возглавляемая Йосипом Броз Тито. Впоследствии партизанское движение во главе с КПЮ стало ре-

альной военной силой, а его руководители увидели шанс превратить народно-освободительную войну в революционную.

Советское руководство, заключившее еще 5 апреля 1941 г. договор о дружбе и ненападении между Советским Союзом и Югославией, после 22 июня признало югославское правительство в изгнании. С одной стороны, для советского руководства, как и для руководства Великобритании, была важна активизация боевых действий на территории всей оккупированной Германией Европы, включая Югославию внутри Югославии, с другой — оно не имело ни полной информации о событиях, ни реальных рычагов влияния на них. Поэтому ставка была сделана на консолидацию всех сил, оказывающих сопротивление гитлеровцам внутри страны.

В советской печати сообщения о борьбе югославских народов выходили регулярно, но только 27 ноября появляется публикация, где лидером и организатором сопротивления оккупантам и коллаборационистам назван Михайлович, а воинские подразделения, оказывающие это сопротивление, — армией Михайловича [14]. На следующий день из публикации, посвященной боевым действиям в Югославии, читатель узнает воинское звание лидера движения — полковник Дражи Михайлович. В то же время стоит отметить, что все войсковые части, оказывающие сопротивление, названы партизанскими [15]. В следующей серии публикаций в декабре 1941 г. всячески подчеркивается руководство партизанской борьбой в Югославии полковником Дражи Михайловичем; рассказывается о том, что он возглавляет партизанскую армию, состоящую из пяти дивизий, а за его голову оккупантами и их сторонниками объявлена высокая цена [16—20]. Затем имя Дражи Михайловича надолго исчезает из советской печати, а в течение 1942 г. возникает новая тенденция: в новых материалах появляются имена командиров партизанских отрядов, среди которых есть и бывшие офицеры королевской армии, но предпочтение отдается бывшим участникам гражданской войны в Испании (1936—1939), чем подчеркивается, что борьбу с фашизмом они начали задолго до начала Второй мировой войны. О роли КПЮ в движении не упоминается, но появляются упоминания, что в армии партизан есть отдельный от командиров институт политических комиссаров (о чем ранее не упоминалось) [21—23].

После того, как 26 и 27 ноября 1942 г. в городе Бихач прошло первое заседание возглавляемого КПЮ Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), включавшего в том числе и депутатов последней скупщины Югославии, тон публикаций о движении, возглавляемом Михайловичем, начинает меняться. На этом этапе советское руководство, не имея возможность сразу заявить о своей поддержке только сторонников КПЮ и АВНОЮ, начинает подготовку общественного мнения. Появляются публикации о сотрудничестве четников Михайловича с оккупантами, например в «Правде» от 15 декабря 1942 г. говорится о сотрудничестве Дражи Михайловича с итальянским командованием [24]. Но число подобных публикаций невелико. Еще в августе 1943 г. генерал Михайлович упоминается как военный министр нового югославского правительства [25].

По-настоящему переломным для движения четников, возглавляемого Дражей Михайловичем, стал 1943 г. Уже в период Московской конференции глав Министерств иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г., в «Правде» от 20 октября 1943 г. четники Дражи Михайловича названы врагами своего народа, а истинным руководителем народной борьбы в Югославии объявлен Броз Тито [26]. 29—30 ноября 1943 г. одновременно с началом Тегеранской конференции на подконтрольной партизанам территории в городе Яйце прошел второй съезд АВНОЮ, на котором был создан Национальный комитет по освобождению Югославии с полномочиями правительства. Это стало одним из доводов советской делегации в пользу признания решений второго заседания

АВНОЮ и начала диалога между королевским правительством Югославии, находившимся в Лондоне, и движением, возглавляемым КПЮ, с целью консолидации сил внутри страны для скорейшего разгрома оккупантов. После окончания конференции в декабре в советской печати позиция Михайловича характеризуется во многом как двусмысленная, выжидательная и пассивная, что приводит к дискредитации возглавляемого им движения четников [27]. В последнем номере важного идеологического журнала «Большевик» за 1943 г. вышла статья Д. Влахова, в которой Дража Михайлович назван предателем, а сторонники АВНОЮ настоящими патриотами [28]. Не стала исключением и газета «Правда» [29].

Начиная с 1944 г. все ведущие издания однозначно дают понять, что Михайлович и его четники — предатели, а партизаны Тито — единственные настоящие борцы с оккупантами. Антифашистское вече Югославии — народный парламент, который сделал свой выбор, взяв курс на борьбу с оккупантами и их сторонниками до полного освобождения страны, а Комитет национального освобождения — это временное правительство, которому поручено руководить борьбой [30—32].

Судьба Дражи Михайловича в ходе переговоров с СССР уже была решена и его союзниками по антигитлеровской коалиции. Их СМИ и лидеры всячески убеждали свое население о том, что те, о ком они еще недавно говорили и писали как о борцах с нацизмом и фашизмом, в одночасье стали предателями [33 ; 34]. Перемена отношения к Михайловичу и четникам на Западе также нашла отражение в советской печати [35].

С самого начала мартовских событий 1941 г. в Югославии и последовавшего поражения в Апрельской войне сербский патриарх Гавриил V выступил как противник компромиссов и сотрудничества с немцами и итальянцами, за что был арестован и впоследствии отправлен в концлагерь Дахау. В православной части югославского общества из-за позиции патриарха произошел раскол: оккупанты всячески преследовали ту часть православного духовенства, которая поддержала активное сопротивление врагу, священники вступали в отряды и четников и партизан. К началу 1944 г. наметилась тенденция ухода от Михайловича той части духовенства, которая считала, что компромисс невозможен и которая открыто осудила и Недича, и Михайловича [36].

После освобождения Белграда в результате совместных действий РККА и Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) в идеологической борьбе была использована дочь Михайловича, бывшая медицинской сестрой в НОАЮ, которая публично осудила отца и его сторонников [37].

Публикации, разоблачающие деятельность Михайловича и его сторонников, продолжились и в 1945 г. [38] Под давлением советского и британского руководства королевское правительство и правительство Тито пришли к компромиссу, который был зафиксирован 1 ноября 1944 г. в соглашении, подписанном председателем Национального комитета освобождения Югославии И. броз Тито и премьером эмигрантского правительства М. Шубашичем. Лидеры КПЮ и партизанского движения, такие как Джилас, всячески подчеркивали в своих выступлениях, что их главная задача — это освобождение страны, а силы, подобные Михайловичу, втянули страну в кровавую гражданскую войну [39]. Представители короля в коалиционном временном правительстве и довоенные партии отныне должны были в открытую выражать свою негативную позицию по отношению к генералу Михайловичу [40 ; 41].

К моменту вступления советских войск на территорию Югославии до личного состава РККА была доведена информация о том, что союзниками являются части НОАЮ и партизаны, а четники, усташи, домобраны — однозначно враги. Косвенным подтверждением этого служат воспоминания участника освобождения Югославии П. А. Михина, который регулярно называет четников Михайловича фашистами [42].

В заключение хочется отметить, что число работ, связанных с анализом печатных СМИ в годы войны, среди исследований по истории Второй мировой войны в нашей стране становится все больше. Приятным сюрпризом стало появление работы И. А. Фатеевой [43], охватывающей 20—30-е гг. XX в., знакомящей читателя с основателями советской печати и газетоведения, а также ролью печатных СМИ в СССР.

Список источников

1. Гибианский Л. Я. Развертывание Сопrotивления и гражданской войны // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М. : ИНДРИК, 2011. С. 403—444.
2. Тимофеев А. Ю. Четники. Королевская армия. М. : Вече, 2012. 304 с.
3. Тимофеев А. Ю. Военнослужащие Красной Армии и население Сербии осенью 1944 г. // Человек на Балканах глазами русских. СПб. : Алетей, 2011. С. 277—305.
4. Подписание протокола о присоединении Югославии к пакту трех держав // Комсомольская правда. 1941. 26 марта.
5. Германия объявила войну Югославии и Греции // Комсомольская правда. 1941. 8 апр.
6. Присоединение Хорватии к пакту трех держав // Комсомольская правда. 1941. 19 июня.
7. Германский террор в Югославии // Комсомольская правда. 1941. 24 июня.
8. Закрытие всех сербских и чешских школ в Хорватии // Комсомольская правда. 1941. 24 июня.
9. Фашистский террор в Югославии // Комсомольская правда. 1941. 26 июня.
10. Режим террора и голода в Сербии // Комсомольская правда. 1941. 27 июня.
11. Югославия борется // Комсомольская правда. 1942. 31 июля.
12. Досталь М. Ю. Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941—1945) // Славяноведение. 2007. № 2. С. 17—31.
13. Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М. : Новое литературное обозрение, 2011. 1014 с.
14. Героическая борьба югославских патриотов // Комсомольская правда. 1941. 27 нояб.
15. Ожесточенные бои югославских партизан с оккупантами // Комсомольская правда. 1941. 28 нояб.
16. Героическая борьба югославских партизан // Комсомольская правда. 1941. 2 дек.
17. Партизанская борьба в Югославии // Комсомольская правда. 1941. 3 дек.
18. Бои в Югославии. Коммюнике Верховного командования югославской армии // Комсомольская правда. 1941. 6 дек.
19. Бои в Югославии // Комсомольская правда. 1941. 7 дек.
20. Борьба югославских партизан с немецкими захватчиками // Комсомольская правда. 1941. 13 дек.
21. Савич О. Милан Благоевич // Комсомольская правда. 1942. 16 мая.
22. Савич О. Югославия в огне. Так борются наши югославские сверстники // Комсомольская правда. 1942. 28 июня.
23. Савич О. Коста Надж // Комсомольская правда. 1942. 21 июля.
24. Освободительная борьба югославского народа: статья американского журнала «Тайм» // Правда. 1942. 15 дек.
25. Создание нового югославского правительства // Правда. 1943. 12 авг.
26. Генералам, офицерам и солдатам народно-освободительной армии Югославии и югославским партизанам. 6-й пленум Всеславянского Комитета // Правда. 1943. 20 окт.
27. «Таймс» о событиях в Югославии // Правда. 1943. 11 дек.
28. Влахов Д. Борьба народов Югославии против гитлеровской Германии // Большевик. 1943. № 23—24. С. 39—43.
29. Влахович В. Югославия сражается // Правда. 1943. 31 дек.
30. Беликов С. Успехи народно-освободительной армии Югославии // Красная звезда. 1944. 1 марта.
31. Четники Михайловича сражаются против партизан // Известия. 1944. 21 марта.
32. Свободная Югославия // Огонёк. 1944. № 12—13. С. 11.
33. Новые документы, разоблачающие деятельность генерала Михайловича // Красная звезда. 1944. 16 марта.
34. Американский журналист разоблачает связь Михайловича с немцами // Красная звезда. 1944. 21 июля.
35. Выступление Черчилля в палате общин // Известия. 1944. 23 февр.
36. Призывы югославских священников к поддержке народно-освободительной армии // Красная звезда. 1944. 6 окт.
37. Дочь Михайловича разоблачает предательскую деятельность своего отца // Известия. 1944. 3 нояб.

38. Банды Михайловича на службе у гитлеровцев // Правда. 1945. 1 февр.
39. Джилас М. Нерушимое единство народов Югославии // Правда. 1945. 16 апр.
40. «Михайлович будет судим перед лицом всего мира»: заявление Шубашича // Правда. 1945. 13 мая.
41. Конференция земледельческой партии Сербии // Правда. 1945. 19 марта.
42. Михин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. М. : Яуза, Эксмо, 2006. 576 с.
43. Фатеева И. А. Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя. М. : МПГУ, 2020. 388 с.

References

1. Gibianskii L.Ya. Razvertyvanie Soprotivleniya i grazhdanskoi voyny [The unfolding of the Resistance and the Civil War], *Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoi istorii [Yugoslavia in the Twentieth Century: Essays on political history]*. Moscow, INDRIK, 2011, pp. 403—444.
2. Timofeev A.Yu. Chetniki. Korolevskaya armiya [Chetniks. Royal Army]. Moscow, Veche, 2012, 304 p.
3. Timofeev A.Yu. Voennosluzhashchie Krasnoi Armii i naselenie Serbii osen'yu 1944 g. [Red Army soldiers and the population of Serbia in the fall of 1944], *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh [Man in the Balkans in the eyes of the Russians]*, Saint-Petersburg, Aleteiya, 2011, pp. 277—305.
4. Podpisanie protokola o prisoedinenii Yugoslavii k paktu trekh derzhav [Signing of the Protocol on Yugoslavia's accession to the Three Power Pact], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 26 marta.
5. Germaniya ob'yavila voynu Yugoslavii i Gretsii [Germany declared war to Yugoslavia and Greece], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 8 apr.
6. Prisoedinenie Khorvatii k paktu trekh derzhav [Croatia's accession to the three-power pact], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 19 iyunya.
7. Germanskii terror v Yugoslavii [German terror in Yugoslavia], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 24 iyunya.
8. Zakrytie vseh serbskikh i cheshskikh shkol v Khorvatii [Closing all Serb and Czech schools in Croatia], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 24 iyunya.
9. Fashistskii terror v Yugoslavii [Fascist terror in Yugoslavia], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 26 iyunya.
10. Rezhim terrora i goloda v Serbii [Terror and Famine in Serbia], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 27 iyunya.
11. Yugoslaviya boresitsya [Yugoslavia is fighting], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1942, 31 iyulya.
12. Dostal' M.Yu. Slavistika: mezhdru proletarskim internatsionalizmom i slavyanskoi ideei (1941—1945) [Slavistics: between proletarian internationalism and the slavic idea (1941—1945)], *Slavyanovedenie [Slavyanovedenie]*, 2007, no. 2, pp. 17—31.
13. Romanenko S.A. Mezhdru «proletarskim internatsionalizmom» i «slavyanskim brat-stvom»: rossijsko-yugoslavskie otnosheniya v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo XX veka — 1991 god) [Between "proletarian internationalism" and "Slavic brotherhood": Russian-Yugoslav relations in the context of ethno-political conflicts in Central Europe (early twentieth century — 1991)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 1014 p.
14. Geroicheskaya bor'ba yugoslavskikh patriotov [The heroic struggle of Yugoslav patriots], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 27 noyab.
15. Ozhestochennyye boi yugoslavskikh partizan s okkupantami [Violent battles between Yugoslav partisans and the occupiers], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 28 noyab.
16. Geroicheskaya bor'ba yugoslavskikh partizan [The heroic struggle of Yugoslav partisans], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 2 dek.
17. Partizanskaya bor'ba v Yugoslavii [Partisan struggle in Yugoslavia], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 3 dek.
18. Boi v Yugoslavii. Kommyunike Verkhovnogo komandovaniya yugoslavskoi armii [Fighting in Yugoslavia. Communiqué of the Supreme command of the Yugoslav army], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 6 dek.
19. Boi v Yugoslavii [Battles in Yugoslavia], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 7 dek.
20. Bor'ba yugoslavskikh partizan s nemetskimi zakhvatchikami [Fighting the Yugoslav partisans against the German occupiers], *Komsomol'skaya pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1941, 13 dek.
21. Savich O. Milan Blagoevich [Milan Blagojeovich], *Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]*, 1942, 16 maya.

22. Savich O. Yugoslaviya v ogne. Tak boryutsya nashi yugoslavskie sverstniki [Yugoslavia is on fire. This is the way in which our Yugoslav peers struggle], *Komsomol'skaya Pravda* [*Komsomolskaya Pravda*], 1942, 28 iyunya.
23. Savich O. Kosta Nadzh [Costa Naj], *Komsomol'skaya pravda* [*Komsomolskaya Pravda*], 1942, 21 iyulya.
24. Osvoboditel'naya bor'ba yugoslavskogo naroda: stat'ya amerikanskogo zhurnala «Taim» [The liberation struggle of the Yugoslav people: an article by American Time magazine], *Pravda* [*Pravda*], 1942, 15 dek.
25. Sozdanie novogo yugoslavskogo pravitel'stva [Creation of a new Yugoslav government], *Pravda* [*Pravda*], 1943, 12 avg.
26. Generalam, ofitseram i soldatam narodno-osvoboditel'noi armii Yugoslavii i yugoslavskim partizanam. 6-i plenum Vseslavyanskogo Komiteta [To the generals, officers and soldiers of the People's Liberation Army of Yugoslavia and the Yugoslav partisans. 6th Plenum of the All-Slavic Committee], *Pravda* [*Pravda*], 1943, 20 okt.
27. «Taims» o sobyitiyakh v Yugoslavii ["The Times" of events in Yugoslavia], *Pravda* [*Pravda*], 1943, 11 dek.
28. Vlahov D. Bor'ba Narodov Yugoslavii protiv gitlerovskoi Germanii [The struggle of the peoples of Yugoslavia against Hitler's Germany], *Bol'shevik* [*Bolshevik*], 1943, no. 23—24, pp. 39—43.
29. Vlahovich V. Yugoslaviya srazhaetsya [Yugoslavia is fighting], *Pravda* [*Pravda*], 1943, 31 dek.
30. Belikov S. Uspekhi narodno-osvoboditel'noi armii Yugoslavii [Successes of the people's liberation army of Yugoslavia], *Krasnaya Zvezda* [*Krasnaya zvezda*], 1944, 1 marta.
31. Chetniki Mikhailovicha srazhayutsya protiv partizan [Chetniks of Mikhailovich are fighting against partisans], *Izvestiya* [*Izvestiya*], 1944, 21 marta.
32. Svobodnaya Yugoslaviya [Free Yugoslavia], *Ogonek* [*Ogoniok*], 1944, no. 12—13, p. 11.
33. Novye dokumenty, razoblachayushchie deyatel'nost' generala Mikhailovicha [New Documents exposing General Mikhailovich's activities], *Krasnaya Zvezda* [*Krasnaya zvezda*], 1944, 16 marta.
34. Amerikanskii zhurnalyst razoblachaet svyaz' Mikhailovicha s nemtsami [American journalist exposes Mihajlovic's relationship with the Germans], *Krasnaya Zvezda* [*Krasnaya zvezda*], 1944, 21 iyulya.
35. Vystuplenie Cherrchillya v palate obshchin [Churchill's speech in the House of Commons], *Izvestiya* [*Izvestiya*], 1944, 23 fevr.
36. Prizyv yugoslavskikh svyashchennikov k podderzhke narodno-osvoboditel'noi armii Calls from Yugoslav priests to support the People's Liberation Army, *Krasnaya zvezda* [*Krasnaya zvezda*], 1944, 6 okt.
37. Doch' Mikhailovicha razoblachaet predatel'skuyu deyatel'nost' svoego ottsa Mikhailovich's daughter exposes her father's treacherous activities], *Izvestiya* [*Izvestiya*], 1944, 3 noyab.
38. Bandy Mikhailovicha na sluzhbe u gitlerovtsev [Mikhailovich's gangs in the service of the Nazis], *Pravda* [*Pravda*], 1945, 1 fevr.
39. Dzhilas M. Nerushimoe edinstvo narodov Yugoslavii [The unbreakable unity of the peoples of Yugoslavia], *Pravda* [*Pravda*], 1945, 16 apr.
40. «Mikhailovich budet sudim pered litsom vsego mira»: zayavlenie Shubashicha ["Mihajlovic will be judged in the face of the whole world": Shubasic's statement], *Pravda* [*Pravda*], 1945, 13 maya.
41. Konferentsiya zemledel'cheskoi partii Serbii [Conference of the agricultural party of Serbia], *Pravda* [*Pravda*], 1945, 19 marta.
42. Mikhin P. A. "Artilleristy, Stalin dal prikaz!" My umirali, chtoby pobedit' ["Gunners, Stalin gave the order!" We were dying to win]. Moscow, Yauza, Eksmo, 2006, 576 p.
43. Fateeva I. A. Gazetovedenie kak nauchno-obrazovatel'naya shkola v Rossii: sto let spustya [Newspaper studies as a scientific and educational school in Russia: a hundred years later]. Moscow, MPG, 2020, 388 p.

Информация об авторах

Плужников Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, Московский государственный областной педагогический университет, Москва, Российская Федерация. E-mail: dpluzh@gmail.com

Information about the authors

Dmitry A. Pluzhnikov — Senior Lecturer at the Department of History, Culture and Social Development of the Moscow Region. Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russian Federation. E-mail: dpluzh@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 134—139.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):134—139.

Движение Сопротивления в СССР и в европейских странах

Научная статья
УДК 94(575.1)«1939/45»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-134-139

Участники итальянского Сопротивления: неизвестные герои

Татьяна Ивановна Дорошенко

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан,
doctata@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена двум узбекистанцам — Алексею Флейшеру и Кариму Турабекову, ставшими героями итальянского движения Сопротивления. Об их судьбе написал ташкентский журналист С. Н. Нестерович, который собрал свои статьи, а также статьи других авторов в свой личный архив (ф. 2657), хранящийся ныне в Национальном архиве Узбекистана. Статья подготовлена на базе документов, хранящихся в его личном архиве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, герои, судьба, итальянское движение Сопротивления, подвиг

Для цитирования: Дорошенко Т. И. Участники итальянского Сопротивления: неизвестные герои // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 134—139. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-134-139.

Resistance movement in the USSR and in European countries

Original article

Members of the Italian Resistance: unknown heroes

Tatyana I. Doroshenko

National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan,
doctata@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to two Uzbeks — Alexei Fleisher and Karim Turabekov, who became heroes of the Italian resistance movement. The Tashkent journalist S. N. Nesterovich wrote about their fate, who collected his articles, as well as articles by other authors, in his personal archive (f. 2657), now stored in the National Archives of Uzbekistan. The article was prepared on the basis of documents stored in his personal archive.

Keywords: Great Patriotic War, heroes, fate, Italian resistance movement, feat

For citation: Doroshenko T.I. Members of the Italian Resistance: unknown heroes. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):134—139. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-134-139.

Великая Отечественная война была беспрецедентной по масштабам и ожесточенности. Задуманная как война на истребление, она поставила вопрос о историческом выживании Советского Союза, изменила судьбу всей страны и каждого в ней живущего.

Память о войне — это прежде всего память о тех людях, кто воевал. Ныне в Национальном архиве Узбекистана (НАУз) имеется около 200 фон-

дов личного происхождения. Изучая личный фонд журналиста С. Н. Нестеровича (ф. 2657), много писавшего в 1960-х гг. о героях Великой Отечественной войны, наткнулась на интереснейшие истории о двух малоизвестных участниках итальянского движения Сопротивления Алексее Флейшере и Кариме Турабекове.

Об участии в боевых действиях в Италии англичан, американцев, французов и даже поляков из армии Андерса широко известно. И, если союзнические войска имели самую широкую этническую основу, то еще более широким спектром национальностей представлено движение Сопротивления. Именно в итальянское движение Сопротивления, как в главную местную силу, противостоявшую фашизму, вливались представители самых разных этносов, оказавшиеся в тот момент на территории Италии.

Тема русских участников Сопротивления разрабатывается отечественными исследователями в разных аспектах. Исследование М. Талалая об итальянском движении Сопротивления посвящено в первую очередь проблеме коллаборационизма [1]. С. С. Смирнов в своей книге описывает истории русских солдат, оказавшихся волею судеб в итальянском движении Сопротивления [2]. Невозможно, к сожалению, вспомнить всех героев поименно, но рассказывать о тех, чьи имена сохранили архивы, наш долг.

Алексей Николаевич Флейшер был выходцем из русского дворянского рода, которому иностранная фамилия досталась от давних предков — датских купцов. Со времен Кутузова все мужчины в этой семье были офицерами, среди которых были и генералы. Сын подполковника царской армии Алексей Флейшер тоже готовился стать офицером. Когда в России началась Гражданская война, он был воспитанником кадетского корпуса на Кавказе. Врангелевцы отправили кадетов сначала в Крым, а потом вывезли их за границу. Так не по своей воле семнадцатилетний Алексей Флейшер оказался на чужбине без средств к существованию.

Где только не жил А. Флейшер, кем только не работал: в Болгарии шахтером, в Люксембурге рабочим на кожевенной фабрике, во Франции экскаваторщиком, в Ницце шофером у итальянского дипломата и даже у иракского принца. Потом он поселился в столице Югославии Белграде и служил там шофером в греческом посольстве.

В 1941 г., незадолго до гитлеровской агрессии против СССР, Германия и Италия оккупировали Югославию. Бежавшее из Белграда греческое посольство было захвачено итальянскими войсками и перевезено в албанский порт Дураццо. Греков вскоре отпустили на родину, в Афины, тоже занятые немцами, а А. Флейшера оставили. Когда началась война на востоке, ему предложили вернуться в Белград при условии, что он вступит добровольцем в белоэмигрантские батальоны, которые немцы формировали для советско-германского фронта.

Через швейцара гостиницы, где его содержали как интернированного, он узнал, что в горах рядом с Дураццо действуют албанские и югославские партизаны. Этот же швейцар помог ему связаться с партизанами. Было условлено, что вскоре Флейшер присоединится к их отряду, но кто-то донес властям о его намерении. Его тут же в сопровождении жандармов пароходом отправили на поселение в маленькую деревню в Италию. Друзья из числа русских эмигрантов, живших в Риме, выхлопотали ему разрешение переехать в итальянскую столицу, где он устроился метрдотелем в сиамское посольство. Когда в 1943 г. союзные войска высадились на юге страны, а Гитлер оккупировал Италию, посол Сиам со всем персоналом уехал на север — в резиденцию марионеточного правительства Муссолини, а Флейшеру оставили ключи от виллы Тай, поручив охранять здание и имущество.

В Риме Флейшер сдружился с несколькими патриотически настроенными русскими эмигрантами. Вместе они глубоко переживали события, происхо-

дившие на родине, страдали от мысли, что в такой трудный час они остаются в стороне от борьбы своего народа. Через них Флейшер познакомился со многими итальянскими коммунистами, участниками подпольного антифашистского Сопротивления в Риме [3]. Это были люди самых разных профессий и состояний: адвокат Оливьери, инженер Сантини, врач Лорис Гаспери, торговец Джованни Гаффи, бывший капитан итальянской армии Андреано Танни, профессор медицины Оскар ди Фонци. Коммунист столяр-краснодеревщик Луиджи де Цорци, работавший в то время швейцаром большого жилого дома, вместе со своей женой Чезариной прятали на чердаке этого здания группы вооруженных партизан, отдавали им последнее, живя впроголодь.

Во второй половине 1943 г. гитлеровцы начали привозить в Италию советских военнопленных для демонтажа оборудования заводов, подлежащих вывозу в Германию. В окрестностях Рима было несколько лагерей, где содержались советские военнопленные. У Флейшера и его товарищей возникла мысль помочь этим пленным бежать, вооружить их и направить в итальянские партизанские отряды или сформировать из них самостоятельные группы. Вилла Тай была идеальным убежищем для беглецов, так как пользовалась правом дипломатической неприкосновенности, а Флейшер был ее полновластным хозяином в то время. При помощи князя Сергея Оболенского, ставшего монахом-бенедиктинцем, и князя Александра Сумбатова он превратил виллу Тай в главную базу коммунистического подполья. Он и его бойцы спасали советских пленных, снабжали оружием и помогали добраться до партизан в горах либо устраивали их в Риме и приобщали к борьбе с нацистами. За два года группе Флейшера удалось организовать побег из плена 182 советским военнопленным. Неофициальную помощь отряду оказывал и Ватикан, особенно католический клир восточного обряда [2].

В итальянских нацистских лагерях, созданных прежде всего для рабского труда на предприятиях и строительстве дорог, к моменту подписания мира на севере Италии в каторжных условиях работали до 20 тыс. пленных солдат и офицеров РККА. Когда королевское правительство объявило о выходе из войны и союза с нацистами, итальянские охранники некоторых лагерей перестали выполнять свои обязанности. На короткое время (около двух суток) у пленных появилась возможность уйти из лагерей. Этим шансом воспользовались тысячи советских пленных, растворившись в Альпах и Апеннингах.

После войны удалось подсчитать, что в итальянских партизанских отрядах сражались до полумиллиона человек, пять тысяч из них (каждый сотый) были бывшими советскими военнопленными. Итальянцы очень ценили русских бойцов за отвагу, боевой опыт и непримиримость к врагу. Из оставшихся в лагерях пленных итальянские партизаны стремились освободить в первую очередь советских: англичане и американцы обычно хотели добраться до своих войск за линией не очень далекого фронта или до швейцарской границы, советские — бить нацистов и мстить им [1, с. 30].

В разных районах итальянской столицы было до 40 конспиративных квартир, где постоянно скрывались небольшие группы советских партизан. Хозяевами этих квартир были и русские эмигранты, и итальянские патриоты, которые, рискуя жизнью, прятали советских людей, кормили их и помогали Флейшеру во всех его мероприятиях. В конспиративную квартиру превратил свою студию известный русский художник, ученик Серова, Васнецова и Коровина, Алексей Исупов, который в 1926 г. по предписанию врачей уехал из Советского Союза в Италию и до смерти в 1957 г. жил в Риме. Его студия находилась прямо напротив фашистской казармы, но у художника всегда скрывались три-четыре партизана, о которых Ису-

пов и его жена заботились и с которыми с грустью расставались, когда наступало время им возвращаться в отряд.

Активными помощниками Флейшера стали русские эмигранты Александр Сумбатов, Вера Долгина, Кузьма Зайцев. Последний был арестован, выдержал пытки в гестапо, но не выдал товарищей. Отважными подпольщиками были два русских католических священника Дорофей Бесчастнов и Илья Марков, выполнявшие многие опасные поручения Флейшера. После войны оба сбросили католические сутаны и вернулись в СССР. Группа Флейшера раздражала немецкое гестапо, вскоре по всему Риму были расклеены объявления, в которых за голову каждого участника обещали 300 тыс. лир. Каждый день сводки о действиях советских подпольщиков ложились на стол коменданта Рима полковника Эберхарда фон Макензена: сожжен склад, пущен под откос военный эшелон, бесследно исчез высокопоставленный эсэсовский офицер. Макензен потребовал от своих подчиненных найти руководителя советских подпольщиков. Гитлеровское командование рассчитывало, арестовав его, одним ударом обезглавить большую, слаженно действующую организацию. Командир полка СС, палач итальянского народа подполковник Эбергард Каплер поручил лично заняться русским подпольем своему ближайшему помощнику Пиетро Коху. Вскоре в донесениях агентов гестапо появилось имя «Червонный» («Алессио», «Червонный» — подпольные клички Флейшера). Но кто он и где его искать, не знали не только гитлеровцы, но и большинство советских партизан. Таково было железное требование конспирации.

Ближайшим помощником А. Флейшера был Дорофей Бесчастный («падре Доротео»), знакомство с которым состоялось в декабре 1943 г. Кроме самого руководителя подпольной группы, только «падре» знал всю сеть конспиративных квартир. Когда «Алессио» разносил по квартирам документы, деньги, одежду и оружие, его сопровождал «падре», иногда в рясе, иногда в штатском костюме или в форме немецкого офицера, готовый каждую минуту прийти на помощь другу. Много раз складывались ситуации, когда подпольщики выходили победителями только благодаря «русской отчаянной удали» [3]. Немало до дерзости смелых поступков на счету «падре Доротео». Алексей Флейшер вспоминал такой эпизод. Гестаповцам стало известно о местонахождении подпольной типографии коммунистической газеты «Унита». Фашисты рано утром оцепили дом. Типографию итальянские коммунисты накануне перебазировали в другое место. Но в доме скрывались после побега из лагеря трое советских военнопленных. Немцы медлили с обыском, ожидали начальство. К подъезду подошел стройный, молодцеватый офицер СС, приветствовал собравшихся, приказал никого внутрь не пускать до его возвращения и направился в окруженное здание. На крыше он обнаружил скрывавшихся беглецов, вывел их на лестничную площадку соседнего дома, позвонил в какую-то квартиру и скрылся за ее дверью. Через пять минут оттуда вышел уже не офицер СС, а смиренный священник в рясе, сопроводивший бежавших дальше.

Самую крупную акцию группа Флейшера провела во время отступления нацистов из Рима в 1944 г. Они атаковали немецкую колонну в Монтеротондо, сожгли два танка и несколько автомобилей, убили около ста солдат и две сотни взяли в плен. Над ратушей города подняли итальянский флаг. Когда в тот же день американские и британские войска вошли в Рим, Флейшер и его бойцы решили представить СССР на начинавшихся в городе празднованиях. Но ни одного советского флага в наличии не было. Тогда они спорили с одного из флагов Таиланда белого слона и вместо него нашили звезду, серп и молот. Под получившимся знаменем полсотни советских партизан и подпольщиков под овации горожан, распевая «Широка страна моя родная», вошли в Ворота Пия, промаршировали к площади Свя-

того Петра, где папа Пий XII принял Флейшера и его людей и пригласил на победный прием в Ватикан в качестве представителей СССР [1, с. 37].

В послевоенные годы А. Н. Флейшер жил и работал в разных странах Европы, в 1956 г. переехал в СССР, в Ташкент, где прошло его детство. Работал чертежником в Среднеазиатском отделении «Гидропроекта». Переписывался с бывшими партизанами, живущими как в СССР, так и в Италии. В 1966 г. переехал в Москву. Дружил с писателем С. Смирновым, который по его рассказам написал книгу. А. Флейшер хотел написать свои воспоминания, но не успел, после преждевременной кончины его материалы вошли в состав Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), оформленные как отдельный фонд (ф. 2598). Часть их, например воспоминания «За красную ниточку: русское подполье в Риме» (автор сам послал их писателю), а также переписка Флейшера и Смирнова попали в фонд С. С. Смирнова (ф. 2528).

Второй неизвестный герой нашего рассказа — Карим Турабеков, призванный в Риме «Карло». В 1941 г., призванный из Узбекистана, он был направлен на фронт, в 1943 г. под Калугой попал в окружение. В личном фонде С. Нестеровича (ф. 2657) Национального архива Узбекистана хранятся воспоминания К. Турабекова: «Из окружения нас выходило 13 человек, изможденные, голодные, больные, мы упорно шли на восток, пытались прорваться сквозь плотное кольцо фашистских войск. В каком-то колхозном сарае заночевали. Просидели там день и решили остаться на вторую ночь, накопить сил для броска. На рассвете сарай окружили автоматчики. Фашисты кричали: „Русс, сдавайся!“ [4]. Стали отстреливаться, в живых остались только двое: лейтенант Егоров и старшина Турабеков, были ранены, попали в плен. Очнулись в подвале, кругом свои. Головы опущены, раны не перевязаны.

Потом был лагерь для военнопленных в Калуге — ни сесть ни лечь. Спали стоя, грязь, духота, из еды — немного баланды в консервной банке раз в день. В этих условиях родилась дружба, которая дала силы Кариму Турабекову для дальнейшей борьбы. Карим встретил в лагере однополчанина Сашу Савранского, который был родом из селения Солдатское, что под Ташкентом. Саша поддерживал терявшего силы Карима, призывая его двигаться, работать, чтобы избежать смерти. Превозмогая боль и слабость, Карим стал ходить на работу [4]. Рубили дрова, разгружали вагоны и автомашины. Когда Красная армия стала наступать, фашисты, спасаясь, перегнали более шести тысяч пленных в город Юхны. Тех, кто не мог идти, конвоиры пристреливали. «Старожилы» нового лагеря, среди них и женщина-врач, выходили Турабекова, у которого была обморожена нога. Вскоре Турабеков предпринял попытку побега, но его поймали, вернули в лагерь, избили до полусмерти, выбили 14 зубов и посадили в одиночку. Продержали там шесть суток и снова отправили в рабочую бригаду.

Весной группу из 50 человек, в которую попали Турабеков и Савранский, отправили, как выяснилось позже, в Италию. Военнопленных прикрепили к немецкой хозяйке, они разгружали вагоны с мукой, грузили дрова, возили воду, доставляли хлеб. Жили в школах, помещичьих домах. Охрана была слабая. В это время партизанское движение вблизи Рима обретало силу, из солдат и офицеров развалившейся итальянской армии создавались первые антифашистские партизанские отряды. Также в городе действовало несколько интернациональных групп партизан, в том числе и группа А. Флейшера. Кариму Турабекову и еще пятерым его товарищам удалось бежать. Он оказался в партизанском отряде под руководством капитана Примо. Далее была героическая борьба с фашистами. Карим лично возглавлял несколько операций (захват языка, взрыв немецкой механизированной колонны и т. д.). Каратели не могли найти партизан. Однажды воспользовавшись поездкой в Рим для сопровождения заболевшего товарища,

Карим помог своему земляку Саше и его другу бежать из лагеря (бежать ранее вместе с Каримом ему не удалось) и скрыться в катакомбах. К сожалению, вскоре после побега Александр Савранский погиб в перестрелке.

В Риме, направляясь к врачу, Карим и его товарищи проявили неосторожность, заговорив по-русски. Это вызвало подозрение у немецких офицеров, сжавших в том же вагоне. Но ни Карим, ни его спутники этого не заметили. Высокий, одетый в черную сутану монах тихо произнес на русском языке: «Будьте осторожны, за вами следят, следуйте за мной». Падре привел партизан в дом, где их приветливо встретили итальянцы, хозяева квартиры. На другой день Карима и его друзей проводили на виллу Тай, в штаб советских партизан. Здесь Карим встретился со своим земляком Алексеем Николаевичем Флейшером, одним из руководителей штаба. Так судьба свела двух наших героев-земляков. «Падре Доротео», так звали монаха, который помог Кариму и его товарищам избежать неприятностей с эсэсовскими офицерами, был Дорофей Бесчастный, один из помощников А. Флейшера.

Карим Турабеков продолжал борьбу с фашистами в Италии до ее освобождения.

Оба наших героя остались живы, после войны вернулись в Ташкент, мирно трудились, не подозревая, что живут рядом. И только в 1960-х гг. после вышедшей на ташкентском телевидении передачи о римском подполье, деятельность которого была описана писателем С. Смирновым, Карим Турабеков и Алексей Флейшер нашли друг друга.

Список источников

1. Талалай М. Русские участники Итальянской войны 1943—1945: партизаны, казаки, legionеры. М., 2015. 408 с.
2. Смирнов С. С. Рассказы о неизвестных героях. М.: Советский писатель, 1985. 170 с. URL: history.wikireading.ru/114659 (дата обращения: 20.01.2023).
3. Модестов Ю., Нестерович С. Тайна виллы Тай // Комсомольская правда. 1965. 20 февр.
4. Ташкентская правда. 1965. 26 февр.

References

1. Talalai M. Russkie uchastniki Ital'yanskoi voiny 1943—1945: partizany, kazaki, legionary [Russian participants in the Italian War 1943–1945: Partisans, Cossacks, Legionnaires]. Moscow, 2015, 408 p.
2. Smirnov S.S. Rasskazy o neizvestnykh geroyakh [Stories about unknown heroes]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1985, 170 p. Available at: history.wikireading.ru/114659 (accessed: 20.01.2023).
3. Modestov Yu., Nesterovich S. Taina villy Tai [The mystery of Villa Ty], *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda], 1965, 20 fevr.
4. *Tashkentskaya Pravda* [Tashkentskaya Pravda], 1965, 26 fevr.

Информация об авторе

Дорошенко Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: doctata@mail.ru

Information about the author

Tatyana I. Doroshenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of History, National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan. E-mail: doctata@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Движение Сопротивления в СССР и в европейских странах

Переводная статья
УДК 94(450+47)«1939/45»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-140-149

Советские партизаны в Италии

Марина Росси

Университет Триеста, Триест, Фриули — Венеция — Джулия, Италия, marin.rossi@tiscalinet.it

Аннотация. В статье автор рассматривает события европейской истории, известные лишь главным ее героям и их боевым соратникам. Столь долгое замалчивание — следствие холодной войны и внутренних проблем международного коммунистического движения, а также следствие приказа Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г. № 270, согласно которому любой советский солдат, сдавшийся в плен врагу, рассматривался как предатель. Крах коммунизма, открывший доступ ко многим закрытым архивам, заново пробудили интерес к этой теме в Италии, России, Словении, Хорватии, Казахстане, Азербайджане. Многолетние исследования автора позволили воссоздать общую картину происходившего и обозначить новые пути к пониманию проблем, представляющих огромный социальный интерес в изучении роли Сопротивления во Второй мировой войне.

Ключевые слова: движение Сопротивления, Италия, Вторая мировая война, советские военнопленные, героика, советские патриоты, бригады Гарибальди

Благодарности: статья переведена с итальянского кандидатом исторических наук Михаилом Григорьевичем Талалаем.

Для цитирования: Росси М. Советские партизаны в Италии / пер. с итал. М. Г. Талалая // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 140—149. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-140-149.

Resistance movement in the USSR and in European countries

Translated article

Soviet partisans in Italy

Marina Rossi

University of Trieste, Trieste, Friuli — Venice — Giulia, Italy, marin.rossi@tiscalinet.it

Abstract. In the article, the author examines the events of European history, known only to its main characters and their combat comrades-in-arms. Such a long silence is a consequence of the Cold War and internal problems of the international communist movement, as well as a consequence of the order of the Headquarters of the Supreme High Command of August 16, 1941 № 270, according to which any Soviet soldier who surrendered to the enemy was considered a traitor. The collapse of communism, which opened access to many closed archives, re-awakened interest in this topic in Italy, Russia, Slovenia, Croatia, Kazakhstan, Azerbaijan. The author's many years of research made it possible to recreate the general picture of what was happening and to identify new ways to understand problems of great social interest in studying the role of the Resistance in World War II.

Keywords: resistance movement, Italy, World War II, Soviet prisoners of war, heroics, Soviet patriots, Garibaldi brigades

Acknowledgments: the article was translated from Italian by the candidate of historical sciences Mikhail Grigoryevich Talalay.

For citation: Rossi M. Soviet partisans in Italy. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):140—149. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-140-149.

Фундаментальные работы Александра Даллина и Александра Верта содержат важные данные о трагической истории более пяти миллионов советских военнопленных (их численность следует за численностью жертв Холокоста) [1 ; 2]. Это была гигантская масса пленных, не случавшаяся ни в один другой период человеческой истории. Как отметил Карло Изоппи, куратор переиздания книги Мауро Галлени «Ciao Russi. Partigiani sovietici in Italia (1943—1945)» [3, p. 9—10], большинству из них суждено было умереть от холода и голода в концлагерях Третьего рейха и на оккупированных территориях Советского Союза. Книга Галлени, который сам участвовал в Сопротивлении в составе Итальянского освободительного корпуса (Corpo italiano di liberazione), долгое время являлась единственной монографией об участии в итальянском Сопротивлении почти во всех регионах страны пяти тысяч советских граждан, бежавших из нацистских лагерей, — участии, богатом героическими эпизодами. Около полутысячи из них пали в бою, четверо были награждены золотой медалью «За воинскую доблесть», пятеро — серебряной и четверо — бронзовой. Первое издание работы Галлени [4] стало результатом его долгого и страстного исследования, проведенного с использованием документов различных партизанских отрядов: свидетельств итальянских бойцов, разделявших антифашистскую борьбу с красноармейцами, статей, опубликованных в периодических изданиях, книг по истории Сопротивления, изданных в Италии сразу после Второй мировой войны. По замыслу автора и Луиджи Лонго¹, написавшего предисловие, книга должна была воспитывать культуру мира и дружбы между итальянским и советским народами, их активное неприятие нацифашизма².

Российский историк Иван Куликов одним из первых посвятил себя этой теме, табуированной в Советском Союзе по причинам, которые будут обсуждаться ниже. Его статья, опубликованная в Москве в начале 1960-х гг. [5] и распространявшаяся только в узких кругах Академии наук (автор представил ее с обновлениями в Италии на одной из конференций по Сопротивлению [6, p. 353—370]), дала редкую возможность сравнить историографию и мемории двух стран, благодаря свидетельскому вкладу некоторых бывших советских участников боевых действий. В ней также было дано резюме всей истории советских партизан в Италии. Куликов так описывает международный контекст начального этапа участия советских бойцов: «По своему характеру вооруженное антифашистское движение Сопротивления в Италии, как и в других странах, было интернациональным. В его рядах сражались представители самых различных народов, причем число советских людей было, пожалуй, особенно велико. <...> Тернистыми дорогами пришли советские патриоты в итальянское движение Сопротивления. Начиная с сентября 1943 г. гитлеровское командование стало перебрасывать на территорию оккупированной немецкими войсками Италии пленных советских граждан для принудительных работ в так называемых рабочих командах Тодта. Эта гитлеровская организация осуществляла строительство военных оборонительных сооружений, ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы. Кроме того, из числа советских и других воен-

¹ Луиджи Лонго (1900—1980) — итальянский политик, секретарь Итальянской компартии с 1964 по 1972 г.

² Этот европейский, преимущественно итальянский, термин малоизвестен в отечественной историографии, хотя отражает возникшую в тот момент реальность: (итальянский) фашизм и (германский) нацизм — изначально разные идеологии и режимы. Идеино-политическое сближение фашизма и нацизма началось в конце 1930-х гг., а в сентябре 1943 г., с приходом немцев на Апеннины, сформировалось военное слияние. — *Прим. пер.*

ноплённых гитлеровцы насильственным путем формировали военизированные отряды, предназначенные для охраны военных объектов, складов, обозов, а иногда и для борьбы с партизанским движением» [5, р. 460—478].

В итальянской версии статьи И. Н. Куликов указывает на исторические причины, которые сделали отношения между советскими и итальянскими партизанами особенно прочными, в первую очередь — большие надежды в Европе в целом и Италии в частности, вызванные Октябрьской революцией. Они лежали в основе крупной рабоче-крестьянской борьбы, развернувшейся в так называемое красное двухлетие 1919—1920 гг. [6, р. 353—355]. Влияние Октябрьской революции сохранялось и в период Второй мировой войны. Как отмечает итальянский историк Роберто Батталья: «Вступление СССР во Вторую мировую войну глубоко изменило характер самой войны, способствовало возникновению во всех странах сил, полных решимости вести борьбу с фашизмом до конца» [7, р. 47].

Несомненно, что первый военный успех СССР — в битве под Москвой осенью 1941 г. — ознаменовал конец долгого периода неопределённости и недоумений. Как писал Гвидо Джильи, «по обе стороны Атлантического океана народы поняли, что после битвы за Лондон свободный мир спасла битва за Москву» [8, р. 218]. Итальянские антифашисты также придавали огромное значение Сталинградской битве, которая справедливо считалась решающим событием не только в военном, но и в психологическом плане. В целом успехи Красной Армии стали большим подспорьем в деле национального освобождения от нацифашизма [6, р. 355 ; 7, р. 74].

В августе 1943 г., по данным Мауро Галлени, в Италии находилось около 80 тыс. военнопленных различных национальностей. По словам Филиппо Фрассати, судьба этих заключённых «серьёзно беспокоила союзников, которые боялись, что узники будут переданы Германии» [7, р. 15]. Уже во время переговоров о заключении перемирия западные союзники потребовали от итальянского правительства «срочно принять все необходимые меры, чтобы военнопленные не попали в руки немцев» [7, р. 15]. Этот пункт был включен в сентябрьский акт о перемирии. Однако последующие события развивались настолько стремительно, что итальянские власти, включая самого короля Виктора-Эммануила III, едва успели позаботиться о собственной безопасности, в то время как пленные были брошены на произвол судьбы. Их спасением занималось в основном гражданское население, а вскоре и зарождающиеся организации Сопротивления, включая прежде всего Службу помощи пленным союзникам (*Servizio per il soccorso ai prigionieri alleati*) при Комитете национального освобождения (*Comitato di Liberazione Nazionale*) в Милане.

Тысячи узников нацифашизма смогли таким образом найти путь к спасению, добраться до линии фронта, перейти ее или же найти убежище в близлежащей нейтральной Швейцарии. Они составляли большинство. Меньшинство (по словам Галлени, 15 % от общего числа пленных) по разным причинам или по идейному убеждению оставалось в Италии и присоединилось к партизанской борьбе, вступив в новообразованные местные отряды [4, р. 15, 17].

Галлени также приводит собранные на тот момент данные о количестве советских людей в формированиях итальянского Сопротивления во всех регионах, где оно шло: 1 629 человек, из которых 68 пали в боях, в Тоскане; 900 человек, из них 83 павших, в Пьемонте; 459 человек, из них 98 павших, во Фриули-Венеции-Джулии; 373 человека, из них 35 павших, в Лигурии; 368 человек, из них 34 павших, в Ломбардии; 196 человек, из них 34 павших, в Венето; 105 человек, из них 6 павших, в Марке; 25 человек, из них 5 павших, в Трентино и 50 человек в Абрुццо и Кампании [3, р. 14].

Вместе с тем Куликов подчеркивает два аспекта участия красноармейцев в антифашистской борьбе: военный и политический. Неслучайно советские бойцы использовались в самых сложных и рискованных диверсионных акциях, так как они прошли двойную подготовку (одну — в Красной Армии, другую — в Вермахте), приобрели богатый опыт ведения вооруженной борьбы с захватчиками, умели обращаться со многими видами оружия, в том числе и с оружием противника, знали менталитет врага, в плену выучили немецкий язык и поэтому в случае необходимости могли легко маскироваться под немцев. Не следует также игнорировать особые качества — мужество, самопожертвование и стойкость советских бойцов. Примеры были многочисленными.

Капитан Владимир Жуков, по свидетельству другого героя, москвича Александра Гиоева, стал военным советником при командовании 36-й бригады Гарибальди, действовавшей в провинции Имола, и во время кровопролитных боев при Монте-Фаджола и Ка-ди-Гуццо показал пример тактико-оперативного мастерства и личного мужества. Майор Ален Конаев (в итальянских источниках ошибочно называемый Коновым или даже Коновым, как маршал) воевал во главе своего подразделения в провинции Кунео, где была создана большая партизанская свободная зона (Валь-Майра и Валь-Варайта). В провинции Новара следует вспомнить россиянина Виктора Зелепухина и грузина Форе Мусолишвили [6, р. 358].

Важные сведения о партизанской республике Монтефьорино можно найти в опубликованных в СССР воспоминаниях Анатолия Тарасова, Владимира Переладова, Михаила Алмакаева и др. [9—11] Эти военные факты достаточно хорошо известны: прежде всего мы знаем о действиях Русского¹ ударного батальона, который оказался одним из самых боевых подразделений партизанской армии в этом регионе Италии. Он участвовал в боях за освобождение зоны от нацифашистов, а затем в героической обороне партизанской республики. Командир партизанских сил республики Монтефьорино Марио Риччи («Армандо») так написал об очередной операции Русского ударного батальона: «Во время тех незабываемых событий (т. е. в период обороны партизанской республики. — М. Р.) Русский батальон был направлен в сектор наибольшей ответственности, которым был Чередоло. Он сражалась против нескольких тысяч врагов, которые понесли огромные потери... Русские вступили в бой с характерным оглушительным „ура“, воодушевленные высшим идеалом свободы. Они не боялись смерти, которая, к сожалению, отняла у нас многих из них» [6, р. 359].

Но и другие советские контингенты принимали активное участие в обороне республики Монтефьорино. Например, отряд саперов *Canape azzurro* («Голубой пес») под командованием лейтенанта Красной Армии Ивана (Ионы) Ефремова, в рядах которого отличился украинец Николай Семияржко, представленный к награждению итальянскими военными, или отряд под командованием молодого офицера Михаила Найденова, включенный в гарибальдийскую бригаду «Маттеотти», действовавшую в районе Порретта-Терме и Кастеллуччо.

Ветеран Назарио-Сауро Оноффри написал о своих товарищах по оружию следующее: «Именно советские бойцы 26 сентября начали смелую военную операцию, развитие которой, совершенно неожиданное, привело к освобождению огромной территории. Отправившись на патрулирование в район Кастеллуччо, они напали на колонну эсэсовцев. Оставшись в селе одни, они прочно его заняли. Антонио Джуроло [командир бригады] немедленно воспользовался благоприятным обстоятельством и приказал занять всю территорию между Монте-Кавалло и Кастеллуччо. Обескуражен-

¹ Заметим, что в Италии в то время «русскими» называли всех выходцев из Советского Союза, включая украинцев, белоруссов и даже уроженцев Кавказа и Средней Азии. — *Прим. пер.*

ные немцы отступили к Лиццано, полагая, что столкнулись с двойной атакой партизан и союзников. Когда же они поняли, что перед ними были только партизаны, они контратаковали в направлении Капуньяно, но были отбиты советскими солдатами» [12, р. 182 ; 13].

Партизаны советской группы на несколько дней прервали движение по дороге Болонья — Пистойя, уничтожив отряд нацифашистов, подожгли две машины с боеприпасами. Неудивительно, что, как сообщал Михаил Найденов в письме к И. Куликову от 1 сентября 1969 г. (архив И. Куликова), командир бригады капитан Тони перед ее боевыми операциями часто брал советы о том, как в подобной ситуации действовали офицеры Красной Армии.

О грузинском батальоне много написано в книге Пьетро Секкиа и Чино Москателли, которая также была переведена и издана в СССР [14]. Из других источников хорошо известно о большой роли, которую советские партизаны сыграли в важном сражении под Гравеллона-Точе, у входа в долину Оссоло. То же самое касается операций, проводимых красноармейцами в Валь-Сезия, в Романьяно, на Моттароне.

Иван Куликов приводит слова Альбино Каллетти¹: «Говоря о Моттароне, я не могу не упомянуть храброго грузинского партизана сержанта Поре Мусолишвили, который совершил героический поступок. Мы, партизаны и друзья по оружию Поре, предложили наградить этого храброго сына советского народа Золотой медалью за воинскую доблесть» [6, р. 360]. Каллетти также вспоминает о доблести Александра Ткачева: этот партизан «первым вошел в Домодоссолу» в тот момент, когда из нее были выбиты войска противника [6, р. 361].

Сам Ткачев сообщал, что пробрался в долину Оссоло из близлежащей Швейцарии, движимый желанием бороться против нацистов (как это случилось со многими советскими людьми, бежавшими из лагерей в Баварии). Ткачев в составе «летучего отряда» бригады «Валь-Точе» 10 сентября 1944 г. осадил казармы Лаури в Домодоссоло. После освобождения города он был приглашен — «как русский, советский солдат» — на балкон одного из домов на центральной площади города в качестве представителя победивших партизан. Позже он участвовал в первом торжественном заседании демократического Народного совета в ратуше [6, р. 361].

Не меньший интерес вызывает сообщение другого советского партизана, сражавшегося в провинции Новара, Владимира Булаха, прибывшего из Швейцарии с соотечественниками Виктором Зелепухиным, Петром Шелейко, Константином Хавкиным и другими. «Мы, — сообщал В. Булах, партизан в рядах бригады „Чезаре Баттисти“, — никогда не ждали особых приказов на проведение операций; каждый день мы просили, буквально вымаливали у командования разрешение на ту или иную акцию и, думаю, с честью выполняли каждое новое задание» [6, р. 361].

Командование бригады посылало именно эту группу советских бойцов на разведку или на «охоту за языками», другими словами, на самые рискованные задания. Эта же группа обычно сопровождала командира бригады на подпольные встречи, которые проходили на территориях, контролируемых немцами. Неудивительно, что почти все вышеупомянутые советские партизаны получили ранения в ходе многочисленных стычек с противником, а один из них — Виктор Зелепухин — пал как герой (23 июня 1944 г.) и был похоронен в Сан-Маурицио-д'Опальо [6, р. 361].

В дневнике бригады «Гвидо Пичелли» перечисляется ряд акций, проведенных в Карнии: 12 июня 1944 г. — диверсия на железной дороге в Венцоне (36 часов перерыва в движении и четыре уничтоженных нациста);

¹ Альбино Каллетти [боевая кличка — «капитан Бруни»] — один из самых известных партизанских командиров в провинции Новара.

18 июня — подрыв поезда в Фольгариа; 20 июня — уничтожение немецкого гарнизона в Фольгариа, потери противника: 15 убитых и 25 раненых; 30 июля — уничтожение поезда, перевозившего топливо (5 вагонов), а также четверо врагов убито и семеро ранено; 3 августа — выведение из строя грузовика на трассе Сан-Даниэле — Маньяно: трое убитых врагов; 15 августа — подрыв и разрушение автомобильного моста в Ардуино; 28 августа — подрыв железнодорожной линии в Венцоне; 7 сентября — отражение колонны противника в районе Алессо-Тразагис, в результате чего погибло 40 вражеских солдат и многие ранены.

С созданием партизанской свободной зоны в Карнии в конце августа и особенно в осенние месяцы 1944 г. батальон «Сталин» выполнял множество ответственных задач от имени высшего партизанского командования (группы дивизий Гарибальди-Фриули), направленных на защиту свободной зоны. На это указывают подробные письменные свидетельства москвича Александра Копылкова, одного из ближайших друзей павшего героя — лейтенанта Даниила Авдеева: «Ситуация в районе резко изменилась. Немцы боялись проникать на партизанскую территорию, местные фашисты исчезли. Казалось, наступает канун окончательного освобождения. Но несколько дней, отделявшие нас от победы, затянулись почти на год [партизаны тогда не знали, что причиной такого положения дел стала выжидательная тактика, принятая западными союзниками. — М. Р.]. Людей в районе значительно прибавилось, но военные действия велись самими этими людьми. Партизаны, в основном молодые люди, имели минимальный военный опыт. А когда в дело вмешивались вражеские подразделения, их силы были практически равны нулю» [6, р. 363 ; 15, р. 335—336].

По мнению Копылкова, закаленные и годные к сражениям старые группы, слившись в общую массу с населением, не смогли вывести движение из тупика: «Использование Русского батальона против немцев в декабре, — с горечью сообщает бывший гарибальдиец, — лишь подчеркнуло готовность сопротивления врагу, но и эта возможность не была использована. Наш батальон, численностью сто человек, конечно, не мог „изменить погоду“» [6, р. 363].

Однако некоторые операции под руководством Даниила Авдеева и его заместителя Антона Мельничука (оба — офицеры-саперы) заслуживают благодарной памяти. «В нашей части, — рассказывает Копылков в письме к И. Куликову от 8 сентября 1969 г. (архив И. Куликова), — среди итальянцев, не знаем почему, таких специалистов не было. Поэтому Антон и Даниил взорвали несколько (три или четыре) больших автомобильных мостов, склад боеприпасов у крепости Озоппо, железнодорожный мост, много раз подрывали железнодорожное полотно... Я тоже участвовал в этих операциях, но в качестве пулеметчика. В середине августа [здесь мы переходим к сути свидетельства. — М. Р.] Даниил Авдеев, будучи командиром батальона, получил приказ из штаба дивизии взорвать мосты вокруг всего партизанского района. Даниил поручил выполнение этой задачи Антону Мельничуку и мне. Генеральный штаб, в который входил Лино Зокки, дал нам карту с обозначенными мостами, взрывчатку и приказал действовать. В качестве охраны и для того, чтобы помочь нам сделать углубления для мин, к нам был прикомандирован взвод итальянцев, оснащенных пулеметами. Задание было выполнено, мы взорвали, насколько я помню, пять целей... Антон действовал очень умело. Он рассчитал точное расположение мин. Мост был полностью разрушен одним взрывом».

Что касается батальона «Чапаев», действовавшего в восточной части Фриули, то из воспоминаний его командира Виталия Литовко известно, что на его счету (в период существования свободной зоны) были многочисленные успешные операции против немцев и итальянских фашистов, включая нападение на немецкий гарнизон в городе Пальманова, пять пущенных под

откос поездов на участке Удине — Триест, нападения на опорные пункты и засады на стратегических коммуникациях противника. «За смелость и отвагу, — рассказывает Литовко, — итальянцы окрестили партизан нашего батальона красными дьяволами (diavoli rossi)» [11, p. 119—132].

Это подтверждает Валерио Стелле, командир дивизии Гарибальди «GAP¹ Фриули», к которой принадлежал батальон «Чапаев»: «В. И. Литовко всегда проявлял презрение к опасности, высокое чувство ответственности и дисциплины, был примером высокой совестливости и самопожертвования, чем снискал уважение и братскую любовь своих товарищей» [11, p. 119—132 ; 16].

Исследование, проведенное Марио Кандотти и Пьери Стефанутти о действиях Первого и Второго батальонов им. Сталина, действовавших в Карнии и Фриули вместе с гарибальдийцами [17 ; 18, p. 187—190 ; 19], показывает, что в первое формирование входили в основном пленные красноармейцы, бежавшие из лагерей в Штирии, несколько — из Франции и Швейцарии. Они пробрались в северо-восточную Италию в надежде найти самый короткий и надежный путь на родину и, ради борьбы с общим врагом, присоединились к гарибальдийцам. После августа 1944 г. некоторые пришли из рядов казаков, союзных немцам², а другие, ставшие весьма многочисленными к осени того же года и весне 1945-го, — из грузинских легионов. Из-за одноименности эти два батальона тогда и позже часто путали, а некоторые даже считали их одним и тем же подразделением, поскольку они оба входили в формирования с одинаковым названием.

Марио Кандотти реконструирует происхождение и деятельность, которую Первый батальон «Сталин» осуществлял вместе с батальоном гарибальдийцев «Маттеотти» (позже стал бригадой «Гвидо Пичелли»). Это были диверсии и военные действия, такие как штурм форта Озоппо, которые отряд осуществлял в свободной зоне Карнии, на линии Верценьиса и особенно при обороне Селла-Кьянзутана. 11 ноября 1944 г. партизанам пришлось столкнуться с яростной атакой казаков-коллорабационистов близ этого населенного пункта, в результате которой погиб «команданте» Даниил Авдеев³. Весной 1945 г. батальон восстановился в районе Форни.

Второй батальон «Сталин» 29 апреля 1945 г. блокировал немецкую колонну, пытавшуюся отступить через перевал Мауриа. В начале мая многие грузинские солдаты, уже вместе сражавшиеся с гарибальдийцами на Вилла-Сантина и в Оваро, присоединились к батальону, численность которого вновь достигла 120 человек. В середине мая, когда война уже закончилась, как вспоминает Марио Стеффе в одном из своих последних текстов, батальон был собран в Толмеццо, где его встретили местные итальянские власти и командование дивизии им. Гарибальди. Затем его отправили в Австрию на репатриацию [18, p. 188—189].

В недавнем исследовании Пьери Стефанутти связывает перипетии Второго батальона «Сталин» с более широкой картиной Казачьего стана в Карнии и с мотивами, побудившими некоторые казачьи и кавказские контингенты присоединиться к Сопротивлению. Этот отряд сформировался 13 сентября 1944 г. из сотни казаков, бежавших от немцев. Первоначально он был включен в состав гарибальдийской бригады «Гвидо Пичелли», вместе

¹ GAP (сокр. Gruppo di Azione Patriottica — Группа патриотического действия) — вооруженные отряды, сформированные после «перемирия» (по сути дела капитуляции Италии перед союзниками) 8 сентября 1943 г., которые действовали с диверсионными акциями, направленными против нацифашистов. — *Прим. пер.*

² О так называемом Казачьем стане в Италии [20].

³ Даниил Авдеев родился в городе Новики Вологодской области и вступил в войну офицером Красной Армии. Попав в плен к немцам, он был заключен в концлагерь во Франции. Оттуда 14 апреля 1944 г. он бежал в Италию вместе с двумя другими русскими товарищами — Антоном Мельничуком и Александром Копылко-вым. После его гибели батальон, первоначально состоявший из 120 человек, постепенно сокращаясь, впал в кризис. Жертва Д. Авдеева отмечена мемориальной доской на кладбище Клаузетто [17, p. 145—146].

с которой сражался в сентябре 1944 г.; затем вслед за всей бригадой присоединился к словенскому IX корпусу в районе Коллио [17, р. 150—151].

По другую сторону Альпийского кряжа, в свободной зоне долин Ланцо, советские партизаны также подтвердили свои отличные военные качества. Два неразлучных друга — грузин Николай Георгадзе и русский Сергей Варваркин — прислали Ивану Куликову письменные воспоминания о тех памятных днях. Среди множества проведенных акций выделяются такие эпизоды, как решение дивизии чехов, насильно мобилизованных нацистами для несения караульной службы, перейти на сторону партизан в Барбанио (за пределами свободной зоны), уничтожение колонны из 13 вражеских машин и ликвидация на шоссе Милан — Турин, недалеко от Чивассо, высокопоставленного военного чиновника в звании генерала Вермахта с захватом его портфеля, где находились ценные для партизан документы (из архива И. Куликова).

Николай Георгадзе был личным водителем командира 80-й гарибальдийской бригады Джованни Бурландо, который в свое время писал своим советским друзьям-ветеранам: «В сердцах каждого из нас мы храним ваш образ дисциплинированных и доблестных бойцов» (из архива И. Куликова).

Куликов сообщает о наиболее частых темах дискуссий между советскими и итальянскими партизанами: «Советский Союз был той страной, о которой больше, чем о других, говорили и рассуждали, о которой фашистская и вообще буржуазная пропаганда более всего выдумывала неправдоподобной чепухи, призванной отравить совесть и душу, ввести в заблуждение население капиталистических стран. То же самое рассказывалось о Красной Армии. Поэтому люди повсюду стремились узнать правду о Советской России, правду о жизни людей в СССР, правду о „подлинном лице” Красной Армии» [6, р. 365].

По мнению автора, не было лучших свидетелей, чем те советские граждане, оказавшиеся в Италии против своей воли, те узники нацизма — простые рабочие, крестьяне, служащие, которых война оторвала от мирного труда на родине и привела в Италию. Уроженцы центральных областей России, Поволжья, Урала, Сибири, Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и других регионов СССР, встретившись лицом к лицу с жителями горных провинций Пьемонта, Ломбардии, Лигурии, Эмилии-Романьи и северо-восточных областей Италии, обсуждали жизнь — сначала осторожно, а затем все более открыто и искренне: «Советские люди расспрашивали меньше, чем итальянцы, потому что своими глазами видели, как те жили, как далеко завел их фашизм, какова была их обычная среда. Партизанам-красноармейцам, конечно, приходилось отвечать на во сто крат больше вопросов, причем во всех подробностях, но они делали это охотно, чувствуя неподдельный, искренний интерес итальянцев к истории, жизни, культуре, усилиям, борьбе и перспективам советского народа. Многие итальянцы уже слышали кое-что о новой России (и, пожалуй, всегда хорошее, несмотря на бушующую, разрушительную войну) от своих соотечественников, вернувшихся с Восточного фронта. Теперь появилась возможность (более того, прямая возможность) услышать — от коммунистов и некоммунистов — о больших и более важных вещах: о том, как живут советские люди в мирное время, что на самом деле принесла Октябрьская революция и социализм трудовому народу» [6, р. 365].

Моральным фактором, воодушевлявшим итальянцев в их деятельности на освобожденных территориях, несомненно, были успехи, достигнутые Красной Армией.

Луиджи Лонго определяет корни особых человеческих отношений в таких выражениях: «Эти чувства симпатии пять тысяч советских бойцов итальянского Сопротивления смогли постичь еще будучи в немецком плену, а затем смогли измерить их день за днем в боевом братстве, посеявшем се-

мена той итало-советской дружбы, которая является для нашей страны крайне необходимой для прогресса и развития и которая является почетным делом не только коммунистов, но и многих социалистических и демократических сил» [6, p. 369].

Список источников

1. Werth A. *La Russia in guerra, 1941—1945*. Milano : A. Mondadori, 1966. 1040 p.
2. Dallin A. *German rule in Russia*. London : Macmillan, 1957. 695 p.
3. Galleni M. *Ciao russi. Partigiani sovietici in Italia (1943—1945)*. Venezia : Marsilio, 2001. 174 p.
4. Galleni M. *I partigiani sovietici nella Resistenza italiana*. Roma : Editori riuniti, 1967. 254 p.
5. Куликов И. Н. Об участии советских граждан в итальянском Сопротивлении (1943—1945) // Объединение Италии: 100 лет борьбы за независимость и демократию / отв. ред. С. Д. Сказкин. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 460—478.
6. Kulikov I. *Partigiani sovietici nelle zone libere italiane* // *Le repubbliche partigiane e le zone libere*. Cuneo, 1970. P. 353—355.
7. Battaglia R. *Storia della Resistenza Italiana*. Torino : Einaudi, 1964. 682 p.
8. Gigli G. *La seconda guerra mondiale (1939—1945)* []. Bari : Laterza, 1951. 500 p.
9. Тарасов А. М. В горах Италии. Л. : Лениздат, 1960, 208 с.
10. Переладов В. Я. Записки русского гарибальдийца. Новосибирск : Книж. изд-во, 1988. 220 с.
11. От Карпат до Нормандии. Люди интернационального долга: воспоминания участников движения Сопротивления в странах Европы. Харьков : Прапор, 1965. 156 с.
12. Onofri N.-S. *Socialisti bolognesi nella Resistenza*. Bologna : La squilla, 1965. 301 p.
13. Minardi M. *Disertori alla macchia: militari dell'esercito tedesco nella Resistenza parmense*. Bologna : Clueb, 2006. 111 p.
14. Секкья П., Москателли Ч. Монте-Роза спустилась в Милан: из истории движения Сопротивления в Италии. М. : Госполитиздат, 1961. 403 с.
15. Michieli S. *Giorni di fuoco*. Roma, 1955. P. 335—336.
16. Visintin P. *Romano il mancino e I diavoli rossi*. Udine : Kappa Vu, 2002. 174 p.
17. Candotti M. *Il battaglione Stalin* // *Storia contemporanea in Friuli*. Anno V. 1975. № 6.
18. Steffè B. *Partigiani sovietici con la resistenza in Friuli* // *Qualestoria*. Anno XXIII. Dic. 1995. № 3. P. 187—190.
19. Stefanutti P. *Novočerkassk e dintorni. L'occupazione cosacca della Val Del Lago (ottobre 1944 — aprile 1945)*. M. Udine : Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione, 1995. 220 p.
20. Талалай М. Г. Русские участники Итальянской войны 1943—1945: партизаны, казаки, легионеры. М. : Старая Басманная, 2015. 407 с.

References

1. Werth A. *La Russia in guerra, 1941—1945* [Russia during the war, 1941—1945]. Milano, A. Mondadori, 1966, 1040 p.
2. Dallin A. *German rule in Russia*. London, Macmillan, 1957, 695 p.
3. Galleni M. *Ciao russi. Partigiani sovietici in Italia (1943—1945)* [Hello Russian. Soviet Partisans in Italy (1943—1945)]. Venezia, Marsilio, 2001, 174 p.
4. Galleni M. *I partigiani sovietici nella Resistenza italiana* [Soviet partisans in the Italian Resistance]. Roma, Editori riuniti, 1967, 254 p.
5. Kulikov I.N. *Ob uchastii sovetskikh grazhdan v ital'yanskom Soprotivlenii (1943—1945)* [About the participation of Soviet citizens in the Italian Resistance (1943—1945)], Skazkin S.D. (ed.). *Ob"edinenie Italii: 100 let bor'by za nezavisimost' i demokratiyu* [The unification of Italy: 100 Years of struggle for independence and democracy]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1963, pp. 460—478.
6. Kulikov I. *Partigiani sovietici nelle zone libere italiane* [Soviet partisans in Italian free zones], *Le repubbliche partigiane e le zone libere* [The partisan republics and free zones]. Cuneo, 1970, pp. 353—355.
7. Battaglia R. *Storia della Resistenza Italiana* [History of the Italian Resistance]. Torino, Einaudi, 1964, 682 p.
8. Gigli G. *La seconda guerra mondiale (1939—1945)* [The Second World War (1939—1945)]. Bari, Laterza, 1951, 500 p.
9. Tarasov A.M. *V gorakh Italii* [In the Italian mountains]. Leningrad, Lenizdat, 1960, 208 p.
10. Pereladov V.Ya. *Zapiski russkogo garibal'diitsa* [Memoirs of Russian Garibaldian]. Novosibirsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1988, 220 p.

11. Ot Karpat do Normandii. Lyudi internatsional'nogo dolga: vospominaniya uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya v stranakh Evropy [From the Carpathians to Normandy. Men of international duty: memories of participants in the Resistance movement in Europe]. Khar'kov, Prapor, 1965, 156 p.
12. Onofri N.-S. Socialisti bolognesi nella Resistenza [Bolognese socialists in the Resistance]. Bologna, La squilla, 1965, 301 p.
13. Minardi M. Disertori alla macchia: militari dell'esercito tedesco nella Resistenza parmense [Deserters in the bush: the soldiers of the German army in the Parma resistance]. Bologna, Clueb, 2006, 111 p.
14. Sekk'ya P., Moskatelli Ch. Monte-Roza spustilas' v Milan: iz istorii dvizheniya Soprotivleniya v Italii [Monte Rosa came down to Milan: A history of the Resistance movement in Italy]. Moscow, Gospolitizdat, 1961, 403 p.
15. Michieli S. Giorni di fuoco [Days of fire]. Roma, 1955, pp. 335—336.
16. Visintin P. Romano il mancino e I diavoli rossi [Romano the left-hander and The red devils]. Udine, Kappa Vu, 2002, 174 p.
17. Candotti M. Il battaglione Stalin [The Stalin Battalion], *Storia contemporanea in Friuli [Contemporary history in Friuli]*, issue V, 1975, no. 6.
18. Steffè B. Partigiani sovietici con la resistenza in Friuli [Soviet partisans with the resistance in Friuli], *Qualestoria [Qualestoria]*, issue XXIII, 1995, no. 3, p. 187—190.
19. Stefanutti P. Novočerkassk e dintorni. L'occupazione cosacca della Val Del Lago (ottobre 1944 — aprile 1945) [Novočerkassk and its surroundings. The Cossack occupation of the Val Del Lago (October 1944 — April 1945)]. Udine, Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione, 1995, 220 p.
20. Talalai M.G. Russkie uchastniki Ital'yanskoi voiny 1943—1945: partizany, kazaki, legionary [Russian participants in the Italian War 1943—1945: partisans, cossacks, legionnaires]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2015, 407 p.

Информация об авторах

Росси Марина — доктор истории, преподаватель, Университет Триеста, Триест, Фриули — Венеция — Джулия, Италия. E-mail: marin.rossi@tiscalinet.it

Information about the authors

Marina Rossi — Doctor of History, Lecturer, University of Trieste, Trieste, Friuli — Venice — Giulia, Italy. E-mail: marin.rossi@tiscalinet.it

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Движение Сопротивления в СССР и в европейских странах

Научная статья
УДК 94(497)+94(497.11)+94(470+571)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-150-159

Русские эмигранты — герои европейского Сопротивления: конструирование образа в художественных практиках СССР постсталинского периода

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,
msorokina61@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется конструирование образа русского эмигранта — зарубежного соотечественника — героя движения Сопротивления времен Второй мировой войны в постсталинский период. В этот период такие художественные практики, как литература, кинематограф и др., выступали в качестве советских институтов памяти, транслировавших новую повестку Советского государства, включавшую в пантеон советских героев бывших белых эмигрантов — зарубежных соотечественников. Особое внимание уделено событиям 1965 г. — года 20-летия Великой Победы, который был рубежным и для советской политики памяти, и для взаимоотношений советской власти, общества и зарубежных соотечественников в целом. Приход к власти нового поколения руководителей СССР — бывших фронтовиков сопровождался возвращением Дню Победы (9 мая) статуса всенародного праздника в СССР, а память о войне стала выступать как общенациональный символический ресурс, включающий и память о русских эмигрантах — участниках движения Сопротивления. Однако «пробная» трансляция через художественные практики сконструированного к середине 1960-х гг. образа эмигранта — героя европейского Сопротивления как молодого русского человека дворянского происхождения показала его амбивалентность в социалистическом обществе и он еще долго не был востребован советским обществом и художественными практиками, оставаясь преимущественно в международной сфере.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, движение Сопротивления, Вторая мировая война, В. А. Оболенская, К. Б. Радищев, А. П. Дураков, И. Н. Голенищев-Кутузов, М. Вега

Для цитирования: Сорокина М. Ю. Русские эмигранты — герои европейского Сопротивления: конструирование образа в художественных практиках СССР постсталинского периода // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 150—159. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-150-159.

Resistance movement in the USSR and in European countries

Original article

Russian émigrés as heroes of the European Resistance: the construction of an image in the artistic practices of the USSR in the post-Stalin period

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation, msorokina61@gmail.com

Abstract. The article analyzes the construction of the image of a Russian emigrant — a foreign compatriot — a hero of the resistance movement during the Second World War in the post-Stalin period. During this period, such artistic practices as literature, cinema, etc., acted as Soviet institutions of memory, broadcasting the new agenda of the Soviet state, which included former white emigrants — foreign compatriots in the pantheon of Soviet heroes. Particular attention is paid to the events of 1965, the year of the 20th anniversary of the Great Victory, which was a milestone both for the Soviet policy of memory and for the relationship between the Soviet government, society and foreign compatriots in general. The coming to power of a new generation of leaders of the USSR — former front-line soldiers was accompanied by the return of Victory Day (May 9) to the status of a national holiday in the USSR, and the memory of the war began to act as a national symbolic resource, including the memory of Russian emigrants — members of the Resistance movement. However, “trial” broadcast through artistic practices designed by the mid 1960s. The image of an emigrant — a hero of the European Resistance as a young Russian man of noble origin showed his ambivalence in a socialist society and for a long time he was not in demand by Soviet society and artistic practices, remaining mainly in the international sphere.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, Resistance movement, World War II, V.A. Obolenskaya, K.B. Radishchev, A.P. Durakov, I.N. Golenishchev-Kutuzov, M. Vega

For citation: Sorokina M.Yu. Institutional Foundations of Shadow Entrepreneurship in the USSR: Lessons from the Past. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):150—159. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-150-159.

Тема русской белой эмиграции в годы Второй мировой войны и ее участия в движении Сопротивления всегда была недостаточно изученной и остро дискуссионной в советской и российской историографии. Очевидный источниковый голод делал ее заложником исторической мифологии, наполненной теми или иными общественно-политическими и геополитическими контекстами, а также выработанными в их рамках стереотипами. В частности, ставший доминирующим в российском академическом дискурсе 1990-х — начала 2000-х гг. эмигрантский миф, или, точнее, белоэмигрантский миф, заполнивший белые пятна советской историографии в этой области, элиминировал многие важные для понимания феномена русского зарубежья XX в. темы и явления, например возвращенчество, «красная белая эмиграция» (союзы русских и советских патриотов), в целом проблемы выбора, инаковости, Другого как своего и чужого.

Обозначенная тема исключительно важна для понимания многих аспектов советской внешней (культурная дипломатия, мягкая сила, отношения с зарубежными соотечественниками и др.) и внутренней политики (коллективная и историческая память). Между тем практически неисследованными остаются важнейшие базовые вопросы — кто и как определял политику Советского государства в отношении постреволюционной эмиграции, ее потомков и зарубежных соотечественников, была ли вообще такая политика чем-то единым или следовала ситуативным трендам, связанным с общей трансформацией советской политической системы и созданием советского миротворческого конструкта в условиях холодной войны. Проблематика

властных и общественных институтов, механизмов и инструментов формулирования и проведения политики памяти как публичной стратегии в отношении прошлого, и в частности исторической памяти русского зарубежья, также пока остаются минимально присутствующими в исследовательском поле историков.

Особое место среди советских институтов памяти занимали художественные практики. Как часть культурного капитала власти, они всегда использовались в СССР в качестве одного из наиболее эффективных каналов трансляции обществу актуальных государственных интересов и приоритетов. Любопытно, что художественная литература, проза и поэзия, документальный и художественный кинематограф, изобразительное искусство, праздничные ритуалы и другие практики часто доносили до читателя, зрителя, участника ту повестку, которую он не мог прямо найти в директивных указаниях или на страницах главных партийно-государственных газет. Классический пример — использование пьесы А. Корнейчука «Фронт» как сигнала «сверху» о военной реформе в начале Великой Отечественной войны. В настоящей статье мы попробуем проанализировать конструирование образа русского эмигранта — зарубежного соотечественника — как героя Соппротивления в годы Второй мировой войны в период постсталинской оттепели, и то влияние, которое оно оказало на дальнейшее становление этого образа.

Русская эмиграция / русское зарубежье как актуальная для советского общества повестка стала широко появляться в информационном и художественных полях СССР после кончины И. В. Сталина (1953), когда советское коллективное руководство начало поиск нового алгоритма взаимоотношений с окружающим миром и прежде всего с европейскими странами, где в ходе и после Второй мировой войны огромное влияние получили различные левые политические партии. Несмотря на милитаризованное название, холодная война была преимущественно пространством мирного сосуществования и советские властные структуры пытались выстраивать неформальные мосты между СССР и странами капиталистического мира, используя тесные и конструктивные отношения как с лидерами левых (социалистических и коммунистических) партий, так и с зарубежными соотечественниками.

Однако такая политика требовала установления диалога и с советской аудиторией, которой надо было объяснить, кто же такие «зарубежные соотечественники» и почему они перестают быть «врагами народа». Образ соотечественника, желательно героического соотечественника и должны были сконструировать и предложить советскому обществу различные художественные практики и их акторы.

Первенство в открытии темы принадлежало, конечно, литературе и литераторам. К концу 1950-х гг. многие русские эмигранты-возвращенцы, имеющие советские паспорта, но арестованные и препровожденные в «места отдаленные» по прибытии, были освобождены, получили возможность переехать в крупные города СССР, выступать в различных аудиториях, а также публиковать свои мемуары. Так, в 1957 г. в журнале «Новый мир», возглавлявшемся тогда Константином Симоновым (1915—1979), появилась первая часть воспоминаний известного публициста, сына члена Государственного совета, репатрианта из Франции Льва Любимова (1902—1976) «На чужбине» [1]. Структура и композиция номера такого журнала, как «Новый мир», были неслучайны и отражали вызовы времени. Мемуары Любимова попали в раздел «Дневники, воспоминания, документы» рядом с воспоминаниями секретаря Н. К. Крупской — Веры Дридзе, о чем ранее невозможно было даже подумать. В 1963 г. они вышли отдельным изданием в центральном издательстве «Советский писатель», а затем трижды переиздавались. Всего за несколько послесталинских лет на советском книж-

ном рынке появились мемуары и многих других репатриантов — Павла Шостаковского, Дмитрия Мейснера и др. [2 ; 3].

«Литературная газета» уже в 1958 г. вспоминала русскую героиню движения Сопротивления во Франции Веру Оболенскую (Вики) (1911—1944), которая на долгие годы стала в СССР главным символом этого движения. Оболенская, а также два других погибших резистанта русского происхождения — Борис Вильде (1908—1942) и Анатолий Левицкий (1903—1942), в августе 1964 г. стали героями статьи с характерным названием «Русские сердца» в одном из самых популярных и тиражных журналов «Огонек». Спустя несколько дней в еще более тиражной газете «Комсомольская правда» появилась и другая публикация на ту же тему — «Русские герои Франции», в которой приводились выдержки из писем Левицкого и Вильде, написанных в нацистской тюрьме незадолго до расстрела. Любимая в будущем в широких массах поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина (1924—1991), жена знаменитого кинодраматурга Алексея Каплера (1903—1979), в цикле «Моя Франция» повествовала о встречах в 1966 г. в Париже с настоятелем русского православного собора на улице Дарю отцом Николаем (Оболенский), вдовцом Вики Оболенской, а в очерках о поездке в Западный Берлин в 1967 г. рассказывала о посещении «лобного места Европы» — тюрьмы Плётцензее, где Оболенская была гильотинирована [4]. Писатель Сергей Смирнов (1915—1976), возглавлявший популярную многотиражную «Литературную газету» в 1959—1960 гг., лауреат Ленинской премии 1964 г. за книгу «Брестская крепость» (1957), которая произвела поистине переворот как в сознании советского обывателя, так и в умах правительственных чиновников, опубликовал в 1964 г. «Рассказы о неизвестных героях», где, основываясь на полученных от русских эмигрантов-возвращенцев материалах, рассказал о выдающемся русском эмигранте-сопротивленце в Риме — «Алессио» («Червонный»), т. е. Алексее Флейшнере (1902—1968) [5].

Эти и многие другие художественно-документальные тексты, принадлежавшие и очень известным писателям, и начинающим авторам, широко публиковались в центральной и местной печати и создавали весьма благоприятную по отношению к зарубежным соотечественникам, бывшим белым эмигрантам, информационную среду в советском обществе. Более того, в период оттепели средства массовой информации настойчиво создавали позитивный и жертвенный образ русского эмигранта, что, казалось бы, открывало большие перспективы для развития темы антифашистской борьбы русских эмигрантов в Европе.

Советский кинематограф также получил заказ на использование эмигрантского материала, и тема героического участия русских белоэмигрантов в антифашистском Сопротивлении зазвучала в первом совместном советско-французском художественном фильме «Нормандия — Неман», который вышел на киноэкраны в 1960 г. Как выяснил С. В. Дыбов, в полку «Нормандия — Неман» служило 11 выходцев из семей белоэмигрантов [6, с. 295—304]. Особенно интересно, что фильм создавался творческой группой, состоявшей из русских эмигрантов. Более того, автор сценария Эльза Триоле (1896—1970), урожденная Элла Юрьевна Каган, родная сестра музы поэта В. В. Маяковского Лили Брик (1891—1978) и супруга знаменитого французского поэта Луи Арагона (1897—1982), во время войны сама участвовала в Сопротивлении и была награждена медалью. За написанный тогда же сборник рассказов о французском Сопротивлении она первой из женщин была удостоена Гонкуровской премии. Второй сценарист фильма — Шарль Спаак провел в нацистской тюрьме почти год. Его родной брат Клод с женой Сюзанной входили в известную «Красную капеллу», работавшую на советскую разведку. Продюсером фильма выступил родившийся в Одессе Александр Каменка (1888—1969), а консультантами — русские эмигранты Игорь Эйхенбаум и Константин Фельдзер.

В написании сценария принимал участие Константин Симонов, а композитором пригласили молодого Родиона Щедрина. Таким образом, героическую историю советско-французского авиационного братства фактически рассказывали сами свидетели-эмигранты, что, несомненно, придавало особую достоверность и теплоту всему кинонарративу. Однако, несмотря на большой зрительский успех и общественный резонанс фильма, проект указа о награждении летчиков авиаполка «Нормандия — Неман» орденом Отечественной войны или орденом Красной Звезды, уже подготовленный в 1963 г., так и не был реализован [7, с. 143].

Прием использования свидетеля-эмигранта получил распространение и в других картинах. В начале 1960-х было принято решение о производстве художественно-исторического фильма «Перед судом истории» с участием известного русского общественного деятеля, депутата трех Государственных дум Российской империи Василия Витальевича Шульгина (1878—1976). Арестованный в декабре 1944 г. в Сремских Карловцах (Югославия) и перевезенный в СССР, он провел много лет в заключении во Владимирском центре, а после освобождения выразил желание пообщаться с советской аудиторией и согласился на съемки в фильме известного режиссера-орденоносца Фридриха Эрмлера (1898—1967) по сценарию В. Владимирова (настоящая фамилия Вайншток, 1908—1978). В конце фильма актер, исполнявший роль историка, затронул вопрос об участии русских эмигрантов в движении Сопротивления, и так, в противовес эмигрантам-коллаборантам, на широком советском экране в 1965 г. впервые прозвучали имена погибших героев французского Сопротивления Вики Оболенской, Бориса Вильде, Анатолия Левицкого и др.

Работу по включению зарубежных соотечественников-резистантов в пантеон советских героев должен был продолжить и другой кинематографический проект. Еще в 1964 г. на киностудии «Мосфильм» начали готовиться к съемкам картины о «русской княгине» Вики Оболенской.

Как и в случае с фильмом «Нормандия — Неман», состав съемочной группы блистал именами советской культурной элиты. Автором сценария под названием «В русском Париже» выступил один из родоначальников киноленинианы, лауреат Сталинской премии и орденосец Алексей Каплер. Режиссером фильма предполагался знаменитый Марк Донской (1901—1981), автор первой и единственной до конца 1980-х гг. советской игровой картины о холокосте «Непокоренные», получившей золотую медаль на VII Международном кинофестивале в Венеции в 1946 г. На главную роль приглашалась французская и мировая кинозвезда — актриса русского происхождения Марина Влади, что явно свидетельствовало о намерении создать международной кинобестселлер, обращенный одновременно к советской и зарубежной аудитории. Возможно, именно эта двойственность и стала причиной того, что проект не состоялся, но сама его идея была характерна для того времени.

Любопытно, что сценарий А. Каплера минимально следовал реальной биографической линии Вики Оболенской, хотя СМИ и объявляли, что она является прототипом главной героини Софьи Звенигородской. Дочь генерала, она, несомненно, представляла собой собирательный образ русской эмигрантки, как его хотели и могли показать в СССР [8]. В то же время сценарий Каплера закладывал все те стереотипы о белой русской эмиграции, которые с разной степенью таланта и органичности будут использованы и развиты в советском кинематографе в дальнейшем. Так, например, «исход», или эвакуация белых войск, описывался как «бег» — как «смертельная борьба за пароход» обезумевших от отчаяния и страха людей с чемоданами, баулами, картонами. Порт, лошади, ноги, ноги — и все венчается выводом — «погибла Россия» [8, с. 500—501]. Фоновыми героями фильма, буквально пронизанного советской поэзией (С. Есенин, М. Иса-

ковский, Ю. Друнина), были и березовая роща, и барский дом на холме, и стелющийся вокруг дома туман. Ностальгия по утраченному (какие у нас были прекрасные фильмы — с Верой Холодной, Осипом Руничем, Иваном Можухиным и др.) сквозила в каждой сцене в России, а русское кладбище и русские могилы как последняя связь с далекой родиной словно говорили: «Возврата нет»... И даже исторически правдивый вальс в Ницце, скорее напоминавший толстовский первый бал Наташи Ростовской, был проникнут поэтикой несбывшегося.

Любопытно, как Алексей Каплер переводил события в далекой и почти неизвестной Франции на язык советского зрителя. В первой же сцене будущего кинофильма Софья Звенигородская представляла на допросе перед следователем гестапо окровавленной, с рассеченной бровью, кровавыми шрамами и рубцами на плече, очень напоминая советскому зрителю героев хорошо известной «Молодой гвардии». На протяжении всего сценария невозможно не испытывать симпатию к отчаянной девушке, одиноко противостоящей коричневой чуме, но этот эффект достигается не только сочувствием ее антифашистской борьбе, но прежде всего состраданием к ее личной жизни, ибо Союно предадут все эмигранты — брат, друг, знакомые. И только раненый советский военнопленный, которого подобрали партизаны и чей отец — репрессированный историк, член партии, с более чем говорящими именем и фамилией — Владлен Романов, помогает и поддерживает главную героиню¹. Границы, проходящие сквозь семьи и сердце, а не через идеологии, стали наряду с ностальгией также важнейшей частью смыслового ряда сценария Алексея Каплера, пережившего немало драматических коллизий в жизни, но всегда воскресавшего в новой ипостаси.

Интересно, что в апрельские дни 1964 г. драматург присутствовал на заседаниях II Пленума Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом и даже был утвержден в качестве нового члена комитета. По-видимому, подготовка к съемкам фильма проходила при содействии русских эмигрантов-возвращенцев.

1965 г. — год 20-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне вообще кажется рубежным и для советской политики памяти, и в истории взаимоотношений советской власти, общества и зарубежных соотечественников в целом. Приход к власти нового поколения руководителей СССР — бывших фронтовиков — сопровождался возвращением Дню Победы (9 мая) статуса всенародного праздника в СССР, а память о войне стала выступать как общенациональный символический ресурс, включающий и память о русских эмигрантах — участниках движения Сопротивления.

Буквально накануне Дня Победы, 14 апреля 1965 г., состоялся второй пленум Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, где была четко артикулирована мысль о необходимости поиска и освещения в прессе подвигов соотечественников, участвовавших в движении Сопротивления. Эту мысль озвучил сам председатель комитета В. М. Маляев: «Хотя эмиграция по своему составу — разная, нельзя забывать, что со стороны старой эмиграции было проявлено очень много патриотических действий во время Великой Отечественной войны. Сейчас накануне 20-летия победы над фашистской Германией надо искать людей, кто участвовал в движении Сопротивления, собирал деньги для Советской Армии, и рассказывать о них в газетах и по радио. Это будет способствовать воспитанию патриотических чувств у наших соотечественников на их собственных примерах» [10, с. 167]. В работе пленума в качестве приглашенных гостей принимали участие многие известные русские эмигранты — возвращенцы из Франции и Югославии (Л. Д. Любимов, В. Б. Сосинский,

¹ Известно, что супруг Вики Оболенской — Николай Оболенский выступил во французской прессе с заявлением против экранизации судьбы Вики в СССР [9].

И. Н. Голенищев-Кутузов и др.), которые в дальнейшем приняли самое активное участие в реализации этой задачи. Так, в частности, в соответствии с планом работы на юбилейный 1965 г. они подготовили ряд статей о сопротивленцах для раздела «Патриоты земли русской в зарубежье» в газете комитета [10, с. 167].

Включение белоэмигрантов в перечень героев войны и, как следствие, в официальную политику памяти формировало и совершенно новую повестку для литературной, исторической и философской рефлексий, пытавшихся инициировать и новые образные доминанты советской вербальной и визуальной культуры. В этой повестке образ русского эмигранта персонализировал интегрированность СССР в европейское пространство. Особое значение для этой работы имел опубликованный 19 ноября 1965 г. в газете «Правда» Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении за мужество и отвагу зарубежных соотечественников (читай — эмигрантов), участвовавших в европейском Сопротивлении во время Второй мировой войны. Ордена Отечественной войны I степени были удостоены В. А. Оболенская (посмертно) и Г. В. Шибанов, ордена Отечественной войны II степени — А. П. Дураков (посмертно) и И. И. Троян (посмертно), медали «За боевые заслуги» — М. Я. Гафт и К. Б. Радищев (посмертно).

Инициатором акции, приведшей к появлению этого указа, выступил киносценарист В. П. Вайншток, который 21 апреля 1965 г. направил специальную записку на имя секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с предложением наградить русскую эмигрантку, героиню французского Сопротивления В. А. Оболенскую [10 ; 11]. Несмотря на противодействие отдельных чекистов, награждение состоялось, а круг награждаемых даже был расширен. Информация о награждении соотечественников была опубликована в центральной газете СССР «Правда», а 20 ноября там же появился очерк под громким и не допускающим сомнений названием «Патриоты», который знакомил советских читателей с биографиями награжденных сопротивленцев, а для советского аппарата разного уровня обозначал рамки их интерпретации. В истории Оболенской, обладательницы известной дворянской фамилии, особо подчеркивалась «русскость» и сословная принадлежность. С тех пор образ «русской княгини», отдавшей жизнь за Россию, стал широко распространенным и клишированным, хотя сама Вера Макарова, в замужестве Оболенская, по всей видимости, даже не принадлежала к дворянскому сословию.

Еще более сложная история сопровождала Кирилла Радищева, носившего фамилию знаменитого писателя, родоначальника русской литературы социального протеста, известного всем советским людям со школьной статьи. Как установил А. Агамов на основании французских архивов, отчеством Кирилла, которое до сих пор везде пишется как Алексеевич, на самом деле было Борисович¹, а его образ был создан поэтессой и переводчицей Марией Вегой (Мария Николаевна Волынцева, по мужу Ланг; 1898—1980), в 1946 г. получившей советское гражданство и приехавшей в СССР в 1975 г.

Волынцева была эмигранткой первой волны и близкой подругой матери Кирилла — актрисы Софьи Михайловны Радищевой, дочери вице-губернатора Бессарабской губернии и Уральской области, камергера М. Д. Мордвинова, скончавшегося в эмиграции в Варшаве в 1927 г. Ее супругом был Борис Николаевич Радищев (род. 1892), всего через год после свадьбы, в декабре 1921 г. расстрелянный в г. Проскурове Подольской губернии, по-видимому, большевиками. Его сын Кирилл появился на свет 19 ноября 1921 г. в Варшаве, а документы, повествующие об этой семейной истории, сохранились в Центральном офисе по делам русских беженцев в Париже и ныне доступны онлайн. Мария Вега активно сотрудничала с печатными

¹ Благодарю коллегу за ценную информацию, изложенную в письме А. Агамова автору.

изданиями Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом¹, и, вероятно, именно она подсказала советским коллегам включить в наградной список русских патриотов из Франции имя сына своей подруги, которого она хорошо знала лично. В послевоенные годы Вега написала несколько стихотворных произведений, посвященных «русским парижанам» — бойцам французского Сопротивления Вики Оболенской, Андрею Оксу, Кириллу Радищеву и опубликованных в СССР в 1970 г. в сборнике «Одолень-трав» [12, с. 75—77, 90—93]. Кириллу Радищеву она посвятила целую поэму, названную его именем и написанную к 1968 г., но опубликованную только в 1978 г. [13] По версии М. Веги, Кирилл Радищев был разведчиком французского подполья, извлекавшим ценную военную информацию из разговоров гитлеровцев. Однажды молодой человек, оскорбленный грубостью немецкого офицера, выстрелил в него, за что попал в концлагерь, где и погиб. Между тем факты участия К. Радищева в борьбе против нацистов и в наши дни остаются недостаточно проясненными. По одним сведениям, он руководил в Париже антифашистской группой русской молодежи «Мщение», по другим — входил в партизанский отряд маки в Бретани, который возглавлял бывший поручик Русского экспедиционного корпуса И. И. Бурмистров². Однако в любом случае участие М. Веги в посмертной судьбе К. Б. Радищева имеет неоспоримый характер и важное значение.

Наконец, еще один эмигрант-сопротивленец, награжденный в 1965 г., — «сербский русский» Алексей Петрович Дураков (1898—1944) также обязан своей посмертной известностью в СССР другу по эмиграции. «Русский поэт и моряк, советский патриот», — так писал о Дуракове выдающийся филолог-славист, возвращенец из Югославии Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969). На протяжении 1963 г. он опубликовал в газете «Голос Родины», издававшейся Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом, целый ряд мемуарных текстов о своих белградских русских друзьях — членах Союза советских патриотов в Белграде [14—16]. Одной из центральных фигур этих публикаций стал его земляк и многолетний друг дворянин Пензенской губернии Алексей Дураков.

Благодаря И. Н. Голенищеву-Кутузову сохранилась обширная подборка поэзии А. П. Дуракова, которая лучше чем что бы то ни было рассказывала о внутреннем мире, жизненных и поэтических приоритетах литератора. Любопытно, что она начиналась с раздела «Партизанские стихи. Стихи о родине»: здесь и знаменитый «Политком», и «Люба-партизанка», и поэма «Аргонавты», посвященная морякам Северного флота, и многие другие произведения. Однако, несмотря на, казалось бы, «проходимую» тематику, поэзия А. П. Дуракова долго не была востребована в СССР. Ее первые публикации появились только в начале 1990-х гг., а в 2005 г. в книжные магазины поступил крохотный сборничек под названием «Один из солнечных лучей», в котором как раз советско-патриотическая часть поэзии А. П. Дуракова была опущена составителями [17]. Несмотря на возникающий в последние годы интерес к личности и поэзии Алексея, как называли поэта в Сербии, о единственном русском сопротивленце в Югославии, награжденном советским боевым орденом, не создано ни одного документального фильма, не написано ни одной книги.

Подведем некоторые итоги. Молодое поколение русской белой эмиграции приняло самое активное участие в европейском движении Сопротив-

¹ Наибольшую известность ей доставила легенда о том, что она была автором стихов знаменитой и очень популярной в СССР и России эмигрантской песни «Институтка» («Ведь я институтка, я дочь камергера, / Я черная моль, я летучая мышь»).

² А. Агамов обращает внимание на характерную деталь: на плите семейного захоронения Радищевых-Мординовых на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа только имя Кирилла Радищева выбито без отчества.

ления в годы Второй мировой войны. Первый импульс к включению его в пантеон советских героев Великой Отечественной войны поступил из кругов советской творческой интеллигенции, которая в лице В. П. Вайнштока и запустила этот процесс, широко привлекая к участию в нем эмигрантов-возвращенцев. Независимо от того, насколько и как они контролировались и руководились советскими спецслужбами, это был значительный шаг вперед в продвижении идеи объединения разделенного народа.

Кампания 1965 г. по награждению зарубежных соотечественников советскими боевыми орденами позволила впервые в советском публичном пространстве говорить о русских эмигрантах — бывших «врагах народа» как о героях, ставших частью советской официальной политики памяти о войне.

Казалось бы, в условиях холодной войны история русских участников Сопротивления предоставляла богатый фактический материал для любого вида практик — и художественных, и пропагандистских. К середине 1960-х даже возникла легенда, что сражавшиеся в рядах французского Сопротивления граждане с российскими корнями и погибшие от рук оккупантов (всего около 400 человек) были посмертно награждены советским орденом Отечественной войны I степени. Действительно, Указ 1965 г. о награждении русских резистантов, подытожив сделанное, легитимировал проблему зарубежных соотечественников и, казалось, открывал исследовательские и издательские шлюзы для темы антифашистской борьбы русских эмигрантов в Европе. Однако «пробная» трансляция через художественные практики сконструированного к середине 1960-х гг. образа эмигранта — героя европейского Сопротивления как молодого, русского человека дворянского происхождения показала его амбивалентность в социалистическом обществе, и он еще долго не был востребован советским обществом и художественными практиками, оставаясь преимущественно в международной сфере. Такой поворот, на наш взгляд, отражал различные политические интересы, подходы и настроения как в коридорах советской власти и советских спецслужб, так и в общественных организациях соотечественников и советских институтах культуры. Но это тема отдельного исследования.

Список источников

1. Любимов Л. На чужбине // Новый мир. 1957. № 2. С. 177—206.
2. Шостаковский П. П. Путь к правде. Воспоминания. Минск, 1960. 356 с.
3. Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. 298 с.
4. Друнина Ю. В. Избранное : в 2 т. Т. 2. Стихотворения, 1979—1987. Проза, 1966—1987. М. : Худ. лит-ра, 1989. 574 с.
5. Смирнов С. С. Рассказы о неизвестных героях. М. : Молодая гвардия, 1964. 270 с.
6. Дыбов С. В. Подлинная история авиаполка «Нормандия — Неман». М. : Алгоритм, 2017. 320 с.
7. Сак К. В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955—1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135—146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15-pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
8. Каплер А. Я. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. Сценарии. Киноповести. М. : Искусство, 1984. С. 497—559.
9. Флам Л. С. Вики. Княгиня Вера Оболенская. М. : Русский путь, 2005. 176 с.
10. Сак К., Сорокина М. Русские эмигранты и 20-летний юбилей Победы: документы ЦК КПСС и КГБ СССР о награждении участников движения Сопротивления // Россия XXI. 2022. № 2. С. 162—187.
11. Сорокина М. Ю. Перед лицом истории: русские ученые-антифашисты Второй мировой // Природа. 2021. № 5. С. 39—51.
12. Вега М. Н. Одолень-травы : стихи и поэмы / [ред.-сост. Г. В. Талько]. М. : Б. и., 1970. 127 с.
13. Вега М. Кирилл Радищев // Самоцветы. М., 1978. С. 27—39

14. Голенищев-Кутузов И. Н. Поэт, борец, партизан // Голос Родины. Берлин. 1963. № 64 (765). С. 6.
15. Голенищев-Кутузов И. Н. Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины. Берлин. 1963. № 68 (769). С. 6.
16. Голенищев-Кутузов И. Н. Думы в канун Октября // Голос Родины. Берлин. 1963. № 64 (765). С. 6.
17. Дураков А. П. Один из солнечных лучей: собрание стихотворений / [сост., подг. текста В. Резвого]. М. : Водолей Publishers, 2005. 79 с.

References

1. Lyubimov L. Na chuzhbine [In a foreign land], *Novyi mir [Novii mir]*, 1957, no. 2, pp. 177—206.
2. Shostakovskii P.P. Put' k pravde. Vospominaniya [The road to truth. Memories]. Minsk, 1960, 356 p.
3. Meisner D. Mirazhi i deistvitel'nost'. Zapiski emigrant [Mirages and reality. Notes of an emigrant]. Moscow, 1966, 298 p.
4. Drunina Yu.V. Selected Works, v 2 t. [Selections], vol. 2. Stikhotvoreniya, 1979—1987. Proza, 1966—1987 [Poems, 1979—1987. Prose, 1966—1987]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1989, 574 p.
5. Smirnov S.S. Rasskazy o neizvestnykh geroyakh [Stories about unknown heroes]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1964, 270 p.
6. Dybov S.V. Podlinnaya istoriya aviapolka «Normandiya — Neman» [The true history of the Normandy-Neman aviation battalion]. Moscow, Algoritm, 2017, 320 p.
7. Sak K.V. Uchastniki dvizheniya Soprotivleniya vo Frantsii i sovetskaya nagradnaya di-plomatiya (1955—1965 gody) [Members of the Resistance Movement in France and Soviet reward diplomacy (1955-1965)], *Istoricheskii kur'er [Historical Courier]*, 2021, no. 3 (17), pp. 135—146. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15-pdf> (accessed: 10.10.2022).
8. Kapler A.Ya. Selected Works [Selected Works], v 2 t., vol. 1, Stsenarii. Kinopovesti [Scripts. Film Stories]. Moscow, Iskusstvo, 1984, pp. 497—559.
9. Flam L.S. Viki. Knyaginya Vera Obolenskaya [Wiki. Princess Vera Obolenskaya]. Moscow, Russkii put', 2005, 176 p.
10. Sak K., Sorokina M. Russkie emigranty i 20-letnii yubilei Pobedy: dokumenty TsK KPSS i KGB SSSR o nagrazhdenii uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya [Russian emigrants and the 20th anniversary of Victory: documents of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the KGB on the awarding of members of the Resistance movement], *Rossiya XXI [Russia XXI]*, 2022, no. 2, pp. 162—187.
11. Sorokina M.Yu. Pered litsom istorii: russkie uchenye-antifashisty Vtoroi mirovoi [Facing History: Russian Anti-Fascist Scientists of World War II], *Priroda [Nature]*, 2021, no. 5, pp. 39—51.
12. Vega M.N., Tal'ko G.V. (ed.). Odolen'-trava : stikhi i poetry [Odolene Grass]. Moscow, 1970, 127 p.
13. Vega M. Kirill Radishchev [Kirill Radishchev], *Samotsvety [The Gems]*. Moscow, 1978, pp. 27—39.
14. Golenishchev-Kutuzov I. N. Poet, borets, partizan [Poet, fighter, partisan], *Golos Rodiny [The Voice of the Motherland. Berlin]*. Berlin, 1963, no. 64 (765), p. 6.
15. Golenishchev-Kutuzov I.N. Podvig Fedora Vystoropkogo [The feat of Fyodor Vystoropsky], *Golos Rodiny [The Voice of the Motherland. Berlin]*. Berlin, 1963, no. 68 (769), p. 6.
16. Golenishchev-Kutuzov I.N. Dumy v kanun Oktyabrya [Thoughts on the eve of October], *Golos Rodiny [The Voice of the Motherland. Berlin]*. Berlin, 1963, no. 64 (765), p. 6.
17. Durakov A.P. Rezvyi V. (ed.) Odin iz solnechnykh luche: sobranie stikhotvoreni [One of the Rays of the Sun: A Collection of Poems]. Moscow, Vodoley Publishers, 2005, 79 p.

Информация об авторах

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Information about the authors

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 22.12.2022.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР НА РУБЕЖЕ 1980—1990-Х ГГ.

SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE USSR AT THE TURN OF THE 1980—1990S

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 160—168.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):160—168.

Социально-политические процессы в СССР на рубеже
1980—1990-х гг.

Научная статья
УДК 338.22.021.1
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-160-168

Институциональные основы теневого предпринимательства в СССР: уроки прошлого

Татьяна Валентиновна Гурунян

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, savinov-lv@ranepa.ru

Аннотация. Ретроспективный анализ теневого предпринимательства в Советской России и СССР показывает уникальность институциональных основ этого явления. Наличие непреодолимых институциональных барьеров для легальной предпринимательской деятельности в СССР вынуждало предпринимателей оценивать «издержки нелегальности» для принятия решений о возможности деятельности в теневом секторе. В результате в СССР сложилось несколько форм теневого предпринимательства: мелкое частное теневое предпринимательство, организованные теневые предпринимательские структуры и теневое предпринимательство, представляющие собой угрозу общественной безопасности. Анализ сложившейся ситуации показывает, что теневое предпринимательство в СССР было возможно вследствие распространения коррупционных практик. Отмечается, что в период перестройки не были созданы институциональные основы для преодоления теневого предпринимательства. Делается вывод, что предпринимательская политика должна быть направлена на снижение «издержек легальности».

Ключевые слова: теневая экономика, теневое предпринимательство, институциональная среда, институциональные барьеры, нэп, эпоха застоя, перестройка

Для цитирования: Гурунян Т. В. Институциональные основы теневого предпринимательства в СССР: уроки прошлого // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 160—168. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-160-168.

Socio-political processes in the USSR at the turn of the 1980—1990s

Original article

Institutional Foundations of Shadow Entrepreneurship in the USSR: Lessons from the Past

Tatyana V. Gurunyan

Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, savinov-lv@ranepa.ru

Abstract. A retrospective analysis of shadow entrepreneurship in Soviet Russia and the USSR shows the uniqueness of the institutional foundations of this phenomenon. The presence of insurmountable institutional barriers to legal entrepreneurial activity in the USSR forced entrepreneurs to assess the “costs of illegality” in order to make decisions about the possibility of operating in the shadow sector. As a result, several forms of shadow business have developed in the USSR: small private shadow business, organized shadow business structures, and shadow business that pose a threat to public security. An analysis of the current situation shows that shadow business in the USSR was possible due to the spread of corrupt practices. It is noted that during the period of perestroika, the institutional framework for overcoming shadow entrepreneurship was not created. It is concluded that entrepreneurial policy should be aimed at reducing the “costs of legality”.

Keywords: shadow economy, shadow entrepreneurship, institutional environment, institutional barriers, NEP, era of stagnation, perestroika

For citation: Gurunyan T.V. Institutional Foundations of Shadow Entrepreneurship in the USSR: Lessons from the Past. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):160—168. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-160-168.

Долгое время теневое предпринимательство рассматривалось исследователями в качестве порождения бедности, отсталости и низкого уровня образования. Теневое предпринимательство трактовалось с позиций государственного регулирования экономики как крайне негативное явление. Левые политические силы были сторонниками усиления государственного контроля над экономикой с целью недопущения теневого предпринимательства. Либеральное политическое направление считало, что в ходе экономического и социального прогресса теневое предпринимательство исчезнет как пережиток прошлого.

Однако разработка концепции неформального сектора экономики перуанским экономистом Э. де Сото изменила представление о причинах этого социально-экономического феномена. В труде «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» (1987) [1] он обосновывает причины возникновения теневого предпринимательства с позиций институциональной теории.

В рамках новой концепции Э. де Сото трактует теневую экономику, в том числе теневое предпринимательство, как результат неэффективной экономической политики меркантилистского государства, когда институциональная среда для легального предпринимательства крайне недружественная. При таких условиях в теневом секторе формируется «параллельная» экономика. В системе теневого сектора существуют «устойчивые организации, которые координируют контакты теневиков друг с другом и с законными государственными институтами» [2, с. 7]. Теневой сектор имеет хорошо налаженную регламентацию, что позволяет снизить издержки предпринимателей [1, с. 178]. Ряд экономических экспериментов, проведенных ученым в Институте свободы и демократии (которым он руководил), определил издержки предпринимателей для открытия легального бизнеса. В итоге Э. де Сото классифицирует транзакционные издержки на «легальные» (цена подчинения закону) и «внезаконные». Цена подчинения

ния закону складывается из издержек доступа к определенному виду деятельности и постоянных издержек продолжения деятельности в рамках закона, издержек преодоления административных барьеров. «Внезаконные» транзакционные издержки включают цену уклонения от наказаний, риск которых нивелируется коррупцией, более высокую ставку процента на теневом рынке финансов, невозможность развивать инновации, недостаточную защищенность прав собственности, повышенную вероятность оппортунистического поведения контрагента и др.

Цель статьи — проследить истоки теневого предпринимательства в СССР и извлечь уроки для современной предпринимательской политики. Социалистический строй, который определял социально-экономическую систему СССР, полностью исключал частную собственность на средства производства, рыночную экономику и, соответственно, предпринимательскую деятельность. Незначительным отступлением от этих принципов можно считать личные подсобные хозяйства колхозников и производственные кооперативы и артели. Предпринимательство было легализировано лишь в короткий период новой экономической политики (нэп).

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 г. сопровождалась национализацией банков, промышленных и коммерческих организаций, организаций сферы услуг. Разрыв производственных цепочек, свертывание многих производств привели к резкому обнищанию населения и тотальному дефициту. В рамках экономической политики военного коммунизма все ресурсы (продовольствие, энергоресурсы, металл и др.) передавались для нужд Гражданской войны. Промышленность выпускала прежде всего оружие, производство сельскохозяйственных машин и оборудования было уменьшено в два-три раза, валовой сбор продукции сельского хозяйства уменьшился почти наполовину, что стало причиной голода [3]. Экономика находилась в условиях кризиса. Частные торговые точки были закрыты, Товары первой необходимости продавались в государственных магазинах по нормативам.

В то же время существовал теневой рынок, чаще всего в форме рыночной и уличной торговли. Резкий рост краж (в том числе на государственных предприятиях) и грабежей привел к расширению торговли краденым, расцвету спекуляции товарами первой необходимости. Были и очень крупные теневые структуры: «...даже снабжение Красной армии контролировалось частным капиталом и было его золотым дном. Уголовные процессы над „агентами“ частного капитала середины 1920-х годов показали, что обвиняемые, совершившие должностные и хозяйственные преступления в этот период, в большинстве своем служили в Красной Армии» [4, с. 5].

Таким образом, предпринимательство в период военного коммунизма носило в основном криминальный характер. «Внезаконные» транзакционные издержки были высоки. Спекулянты объявлялись врагами народа. Декрет «О борьбе со спекуляцией», изданный Советом Народных Комиссаров в 1918 г., предусматривал суровые меры наказания за сбыт, скупку или хранение продуктов питания, монополизированных республикой.

Однако ухудшение политической и экономической ситуации в стране потребовало от правительства принятия кардинальных мер. Советское правительство приняло решение о переходе к экономике с рыночными отношениями — нэпу. Введение нэпа в марте 1921 г. было требованием времени для обеспечения экономической безопасности страны: снижения уровня безработицы, насыщения рынка товарами и услугами и др.

Нэп можно рассматривать в качестве легализации теневого рынка. В период нэпа были разрешены некоторые виды частного производства и торговли, на государственных предприятиях вводился хозрасчет. Экономика стала многоукладной. Легализовалась часть теневого капитала. «Новая буржуазия», которая уже имела опыт предпринимательской деятельности,

быстро развернула производство, рынок наполнился товарами и услугами. Частный капитал начал играть значимую роль в экономике страны, хотя и после государственного капитала.

Тем не менее институциональную среду для бизнеса было сложно назвать дружественной: существовало множество ограничений, общественное отношение к частному капиталу было двойственным. Коррупция в государственных органах способствовала расширению теневого предпринимательства за счет хищений с государственных предприятий. Очевидно, что нэп в силу своей идеологической чуждости постулатам марксизма-ленинизма не мог просуществовать долго. Кроме того, общемировой экономический кризис 1923 г. обострил экономические противоречия, усилилась борьба с криминальным капиталом, которая переросла в борьбу со всем частным капиталом. Были приняты государственные меры ограничения рынка и потребления, установлен надзор за мелкими частными предприятиями, которым не разрешалось продавать государственные товары. Ограничительные меры привели к уходу еще большего числа предпринимателей в тень: распространение получили «подпольная раздача работы рабочим на дом, создание лжекооперативов и фиктивных артелей» [4, с. 5].

Начали воздвигаться непреодолимые институциональные барьеры для легального бизнеса. Так, в 1932 г. принято постановление ЦИК СНК СССР «О борьбе со спекуляцией», которое практически запрещало частную торговлю. В 1930-х гг. была проведена национализация всей инфраструктуры народного хозяйства, всеобщая коллективизация. Создавались и неформальные институты, формирующие отрицательное отношение к предпринимательству, культивировался пролетарский аскетизм и всеобщее равенство. Возникла уникальная ситуация, когда институциональные изменения сделали невозможной предпринимательскую деятельность, «издержки легальности» отсутствовали. Представители бизнеса вынуждены были оценивать только «издержки нелегальности» и на основе этого принимать решение — отказаться от предпринимательской деятельности вообще или переместить деятельность в теневой сектор. Таким образом, прекращение рыночных отношений вынудило предпринимательство полностью переместиться в теневой сектор. Экономической основой теневого предпринимательства стал быстро появившийся дефицит товаров народного потребления, отсутствие легального валютного рынка и рынка антиквариата. Другими словами, легальные формы предпринимательства становятся преступными.

Теневое предпринимательство СССР классифицируют по различным признакам. Д. В. Буньковский предлагает выделять «легкую», «среднюю» и «тяжелую» теневую экономику [5, с. 31—37]. «Легкая» теневая экономика охватывает деятельность, которую закон не регламентирует, например дополнительную занятость. «Средняя» включает в себя виды деятельности, запрещенные в СССР, но разрешенные в капиталистических странах. Очевидно, здесь речь идет об обычной предпринимательской деятельности. К «тяжелой» теневой экономике относятся виды деятельности, запрещенные не только в СССР, но и в капиталистических странах, например торговля наркотиками, оружием и др.

Существуют и другие подходы к градации предпринимательской деятельности в теневой экономике СССР, или, по терминологии некоторых исследователей, «второй» экономике. «Вторая» экономика определяется как экономическая деятельность вне плановой экономики. С. Ю. Барсукова выделяется легальную и нелегальную части «второй» экономики [6]. Легальная часть состоит из нескольких видов деятельности, которая частично может быть отнесена к предпринимательской. Это личные подсобные хозяйства (ЛПХ), в которых производилась сельскохозяйственная продукция в объемах, достаточных для продажи излишков, довольно значительных в некоторых регионах, например мандарины в Абхазии, мясомолочная продукция

в средней полосе России и на Алтае. Существовали и регуляторные ограничения для этого вида деятельности. Так, «в 1956 г. Хрущев запретил увеличивать ЛПХ за счет колхозных земель и ограничил количество скота в ЛПХ, вскоре ЛПХ запретили кормить скот продукцией из государственных и кооперативных магазинов» [7]. К легальной части «второй» экономики относят и частную практику представителей отдельных профессиональных групп (стоматологи, учителя и др.), тщательно скрываемую в целях уклонения от уплаты налога на доходы физических лиц. Другие виды частного предпринимательства и незаконная экономическая деятельность любой организации вне плановой экономики относятся к нелегальной.

По мнению И. В. Маметьева, теневое предпринимательство в СССР может быть распределено на три группы: мелкое частное теневое предпринимательство, организованные теневые предпринимательские структуры и теневое предпринимательство, представляющие собой угрозу общественной безопасности.

Мелкое теневое предпринимательство включает в себя частную практику представителей отдельных профессиональных групп. Стоматологи оказывали услуги на дому и на рабочих местах, было распространено репетиторство для поступления в вузы, частными лицами предоставлялись бытовые услуги, например пошив и ремонт одежды. К мелкому теневому предпринимательству относятся и платные услуги, которые должны оказываться бесплатно, например услуги в сфере медицины, образования, туризма и др. Мелкое теневое предпринимательство можно назвать теневой самозанятостью без уплаты налога.

Организованные теневые предпринимательские структуры реализовывались в следующих формах:

1. Подпольное производство, подпольные цеха, в которых изготавливались одежда, обувь, предметы быта, изделия из драгоценных металлов и др. Для организации подпольных цехов первоначально использовался накопленный в дореволюционный период и в период нэпа капитал. Существовало и криминальное предпринимательство, основанное на хищении сырья и оборудования с государственных предприятий с целью последующего использования в подпольных цехах. Товары сбывались на рынках и в комиссионных магазинах. Подпольные цеха были размещены в основном на юге страны, в республиках Закавказья и Северного Кавказа, Средней Азии.

2. Выпуск на государственных предприятиях неучтенной продукции помимо плановых заданий. Запуск в коммерческий оборот сэкономленных ресурсов. Реализация продукции могла производиться через государственную торговую сеть. Легкая промышленность к 1980-м гг. на 20 % была вовлечена в теневую экономику.

3. Валютные операции, купля-продажа золота, драгоценностей. Этот вид деятельности был одной из немногих возможностей легализации доходов, полученных в теневом предпринимательстве [8 ; 9].

Теневое предпринимательство, представляющее собой угрозу общественной безопасности, включает распространение наркотиков, их контрабанду, фальшивомонетничество, торговлю оружием и людьми, вымогательство. С такими видами экономических преступлений должно бороться любое государство.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. теневая экономика превращается в структуру, параллельную официальной экономике. По мнению большинства исследователей, экспоненциальный рост и развитие теневое предпринимательство получило в эпоху застоя [8—10].

Объем теневой экономики в 1960-х гг. составлял 3—5 млрд руб., во второй половине 1980-х гг. достиг 70—90 млрд руб. Теневой сектор составлял 30 % ВВП к исходу 1970-х гг. Отрасли народного хозяйства были значительно вовлечены в теневую экономику. Торговля, общепит, бытовое об-

служивание населения на 35 % функционировали в теневой экономике. Переработка хлопка на 40 % производилась в теневом секторе.

Как можно охарактеризовать деятельность мелкого теневого предпринимательства и организованных теневых предпринимательских структур? С точки зрения формальных институтов советского времени — это нарушение закона. С идеологической точки зрения — это изменение правил игры, по которым должно жить социалистическое общество. Теневая экономика несет угрозу для социалистического строя. Отметим, что теневое предпринимательство в СССР было возможным при содействии коррумпированных представителей государственных структур (Госплан, Госснаб, ОБХСС, милиция, прокуратура, таможенные органы).

Основная экономическая причина теневого предпринимательства этого периода — диспропорции в плановой экономике. Приоритет тяжелой промышленности в государственной экономике привел к дефициту товаров народного потребления, который восполняет теневое предпринимательство. Теневое предпринимательство в СССР можно рассматривать и в качестве социальной ниши для предприимчивых людей. Люди с предпринимательскими наклонностями имели возможность получить адекватное вознаграждение за труд при общем уравнительном подходе к оплате труда в советской экономике. В теневом секторе было занято 18—20 % всей рабочей силы, а уровень доходов в 8—10 раз превышал средний по стране. При этом около четверти доходов организованных теневых предпринимательских структур идут на оплату «издержек нелегальности», в основном на взятки коррупционерам для снижения риска наказания. Важным социокультурным фактором теневого предпринимательства было распространение неформальных поведенческих моделей в СССР.

Институциональная среда для предпринимательства в СССР характеризуется отсутствием «издержек легальности», наличием непреодолимых институциональных барьеров для легальной предпринимательской деятельности. В период СССР государство формировало неформальные институты отрицательного отношения к предпринимательству. Слова «предпринимательство», «частная собственность» носили негативную окраску, так называемые цеховики и фарцовщики преследовались в уголовном порядке.

Монополизм государства в легальной экономической жизни при наличии «второй» экономики привели к угрозе системного кризиса. Исследователь сферы предпринимательства Г. К. Гинс высказывает мнение: «История человечества знает не один опыт подчинения хозяйства государству, и каждый раз такой опыт заканчивался возвращением к началам собственности и конкуренции. Индивидуальное начало в человеке ищет свободного проявления, оно не может долго выносить гнета рационализации и плана, навязываемых ему извне» [11].

Легализация рыночных отношений в период перестройки 1990-х гг. оказывает двойственное воздействие на теневое предпринимательство. Институциональные основы предпринимательской деятельности в период перестройки — законы СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986), «О кооперации в СССР» (1988), Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990). Особенности эволюции предпринимательской среды на этапе перехода к рыночным отношениям определяются прежде всего реальной экономической политикой государства и состоянием соответствующего ей права, а также способами его реализации. Переориентация экономической реформы на поддержку бизнеса во всех сферах общественного производства и ее предполагаемая социальная направленность должны были создать базисные условия организации и развития предпринимательства, исключить теневой и криминальный характер, учесть социальную природу предпринимательского ресурса.

Однако факторы развития малого, а по большому счету среднего и даже крупного предпринимательства располагались таким образом, что объективно толкали его в сторону криминализации, в тень. Основными из них являлись крайняя макроэкономическая турбулентность, неразвитость правовой системы отношений собственности и правовая незащищенность, коррупция, провалы финансовых институтов, исторически сложившийся монополизм многих рынков.

В период перестройки общественное мнение как неформальный институт связывало с предпринимательством надежды на экономический прогресс, вместе с тем возникал образ эксплуататора, готового на все ради наживы. Поэтому часть теневого предпринимательства так и осталась нелегальной, формируя «вторую» экономику России периода перестройки. В то же время представители теневого предпринимательства, представляющего собой угрозу общественной безопасности, смогли легализовать свои капиталы и продолжить криминальную деятельность, частично переведя ее в легальный бизнес. Так называемое силовое предпринимательство трансформируется из рэкета в охранные структуры, затем криминальными методами захватывает дефицитные ресурсы для получения ренты и полностью легализует свой бизнес (рис. 1) [12, с. 88]. Часть капитала вывозится за границу.

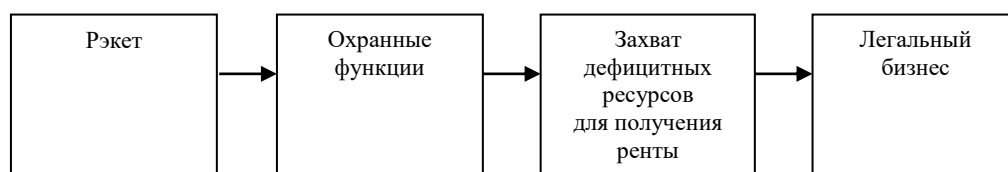

Рис. 1. Модель трансформации экономического поведения организованной преступности
A Model for Transforming the Economic Behavior of Organized Crime

Таким образом, в период перестройки «издержки легальности» были больше «издержек нелегальности». Существовали значительные институциональные барьеры для легального бизнеса.

В 2020-х гг. доля теневой экономики (в том числе теневого предпринимательства) в ВВП остается высокой, что представляет собой угрозу экономической безопасности страны (рис. 2).

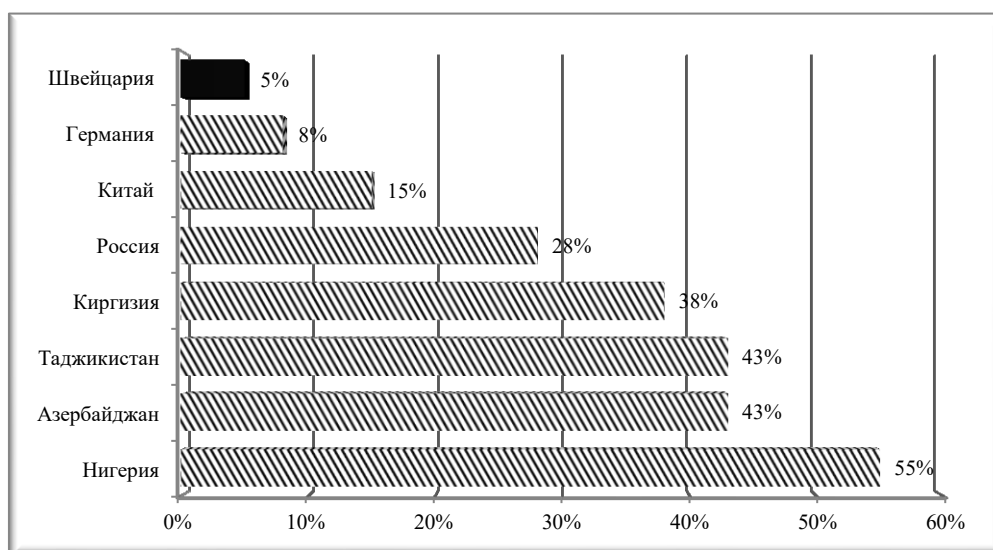

Рис. 2. Доля теневой экономики в ВВП (по данным МВФ, 2021 г.)
The share of the shadow economy in GDP (according to the IMF, 2021)

На современном этапе развития экономики в России созданы определенные условия для выхода предпринимателей из теневого сектора. Расширена поддержка предпринимателей, сформирован институт уполномоченного по правам предпринимателей, стало более доступным финансирование. Значимым шагом для выхода предпринимателей из тени можно считать институт самозанятых. В 2022 г. зарегистрировано около 6 млн граждан в качестве самозанятых, т. е. граждан, применяющих специальный налоговый режим — налог на профессиональный доход. Цифровизация многих государственных услуг, в том числе предоставляемых ФТС, ФНС, структурами поддержки предпринимательства, способствует снижению административных барьеров.

Проведя анализ институциональных основ теневого предпринимательства в Советской России, в СССР, можно сделать вывод, что государству необходимо проводить предпринимательскую политику по снижению «издержек легальности» для предпринимателей.

Список источников

1. Де Сото Э. Иной путь : невидимая революция в третьем мире : пер. с англ. М. : Catallaxy, 1995. 319 с.
2. Латов Ю. В. Неформальная экономика: тайны трех миров : рецензия на работу Эрнандо де Сото «Иной путь» // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2009. № 3.
3. Новая экономическая политика (НЭП) в России в 1921—1924 гг. : справка // РИА НОВОСТИ. 2011. 8 марта. URL: [Sahttps://ria.ru/20110308/342203433.html](https://ria.ru/20110308/342203433.html) (дата обращения: 15.08.2022).
4. Карлеба В. А. Противодействие криминальному предпринимательству и борьба с «легализацией» (отмыванием) преступных доходов в советской России и СССР (1918—1936 гг.) // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 129(05). С. 1012—1030.
5. Буньковский Д. В. Противодействие теневым экономическим отношениям в СССР // Исторические традиции правоохранительной системы России : сб. науч. тр. / под ред. С. А. Карновича. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. С. 31—37.
6. Барсукова С. Ю. Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 133—145. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-12-133-145> (дата обращения: 15.08.2022).
7. Грозовский Б. Новое раскулачивание // Ведомости. 2015. 12 авг. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/13/604593-novoe-raskulachivanie> (дата обращения: 06.11.2022).
8. Маметьев И. В. Особенности теневой экономики в СССР эпохи «застоя» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2020. № 1 (69). С. 65—70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42842084> (дата обращения: 03.11.2022).
9. Сущенко В. А. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации (вторая половина XIX — начало XXI в.): общее и особенное в исторической судьбе : моногр. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2011. 406 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/47089.html> (дата обращения: 03.11.2022).
10. Чиняков О. Е. Влияние теневой экономики на систему хозяйствования, организацию общества и власти в СССР // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 3 (17). С. 192—194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12912099> (дата обращения: 03.11.2022).
11. Гинс Г. К. Предприниматель. М. : Посев, 1992. 222 с.
12. Гурунян Т. В., Трапезников С. И. Современные направления государственного регулирования малого бизнеса в Российской Федерации и Новосибирской области // Научные записки СибАГС. 2003. № 4. С. 86—94.

References

1. De Soto E. Inoi put' : nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire [The Other Way: the invisible revolution in the third world]. Moscow, Catallaxy, 1995, 319 p.
2. Latov Yu.V. Neformal'naya ekonomika: tainy trekh mirov : retsenziya na rabotu Ernando de Soto "Inoi put'" [The informal economy: the mysteries of the three worlds : a review of Hernando de Soto "The Other Way"], *Ekonomicheskaya teoriya prestuplenii i nakazanii [The economic theory of crime and punishment]*, 2009, no. 3.

3. Novaya ekonomicheskaya politika (NEP) v Rossii v 1921—1924 gg. [The New Economic Policy (NEP) in Russia in 1921—1924. reference], spravka, *RIA NOVOSTI [RIA NEWS]*, 2011, 8 marta. Available at: [Sahttps://ria.ru/20110308/342203433.html](https://ria.ru/20110308/342203433.html) (accessed: 15.08.2022).
4. Karleba V.A. Protivodeistvie kriminal'nomu predprinimatel'stvu i bor'ba s "lega-lizatsiei" (ot-myvaniem) prestupnykh dokhodov v sovetskoj Rossii i SSSR (1918—1936 gg.) [Action against criminal entrepreneurship and the fight against "legalization" (laundering) of criminal proceeds in Soviet Russia and the USSR (1918—1936)], *Nauchnyi zhurnal KubGAU [Scientific Journal of KubGAU]*, 2017, no. 129(05), pp. 1012—1030.
5. Bun'kovskii D.V. Protivodeistvie tenevym ekonomicheskim otnosheniyam v SSSR [Combating shady economic relations in the USSR], Karnovich S.A. (ed.) *Historical traditions of the law-enforcement system in Russia*. Irkutsk, FGKOU VO VSI MVD Rossii, 2016, pp. 31—37.
6. Barsukova S.Yu. Tenevaya ekonomika: spetsifika faz v usloviyakh razdatka [Shadow economy: the specifics of the phases in the conditions of the giveaway], *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*, 2012, no. 12, pp. 133—145. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-12-133-145> (accessed: 15.08.2022).
7. Grozovskii B. Novoe raskulachivanie [The New Kukulakization], *Vedomosti [The Bulletin]*, 2015, 12 avg. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/13/604593-novoe-raskulachivanie> (accessed: 06.11.2022).
8. Mamet'ev I.V. Osobennosti tenevoi ekonomiki v SSSR epokhi "zastoya" [Peculiarities of the shadow economy in the USSR during the "stagnation" era], *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Vestnik of the Astrakhan State Technical University]*, 2020, no. 1 (69), pp. 65—70. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42842084> (accessed: 03.11.2022).
9. Sushchenko V.A. Predprinimatel'stvo na trekh etapakh rossijskoi modernizatsii (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI v.): obshchee i osobennoe v istoricheskoi sud'be [Entrepreneurship in three stages of Russian modernization (second half of the 19th century – beginning of the 21st century): common and specific in the historical destiny], monografiya. Rostov-na-Donu, Publ. Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2011, 406 p. Available at: <https://www.iprbookshop.ru/47089.html> (accessed: 03.11.2022).
10. Chinyakov O.E. Vliyanie tenevoi ekonomiki na sistemu khozyaistvovaniya, organizatsiyu obshchestva i vlasti v SSSR [The impact of the shadow economy on the economic system, the organization of society and power in the USSR], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University]*, 2007, no. 3 (17), pp. 192—194. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12912099> (accessed: 03.11.2022).
11. Gins G.K. Predprinimatel' [Businessman]. Moscow, Posev, 1992, 222 p.
12. Gurunyan T.V., Trapeznikov S.I. Sovremennye napravleniya gosudarstvennogo regulirovaniya malogo biznesa v Rossijskoi Federatsii i Novosibirskoi oblasti [Modern directions of state regulation of small business in the Russian Federation and the Novosibirsk region], *Nauchnye zapiski SibAGS [Scientific Notes of SibAGS(RANEPa)]*, 2003, no. 4, pp. 86—94.

Информация об авторе

Гурунян Татьяна Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: gurunyan-tv@ranepa.ru

Information about the author

Tatyana V. Gurunyan — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Investments, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: gurunyan-tv@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 22.12.2022.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 169—177.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):169—177.

Социально-политические процессы в СССР на рубеже 1980—1990-х гг.

Научная статья
УДК 94(470.43)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-169-177

Становление новых форм российской власти на рубеже 1980—1990-х гг. (на примере города Тольятти)

Ольга Анатольевна Безгина

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Российская Федерация, bezgina@tltsu.ru

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду становления новых форм власти на рубеже 1980—1990-х гг. Опираясь на оценки известных политиков и историков, автор анализирует эволюцию политических и общественных процессов в СССР периода перестройки. На примере деятельности Совета народных депутатов Тольятти показана специфика работы этого органа власти в переходный период.

Ключевые слова: демократическое движение, органы местного самоуправления, народные депутаты СССР, политизация населения страны, городской Совет народных депутатов

Для цитирования: Безгина О. А. Становление новых форм российской власти на рубеже 1980—1990-х годов (на примере г. Тольятти) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 169—177. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-169-177.

Socio-political processes in the USSR at the turn of the 1980—1990s.

Original article

Formation of new forms of Russian power at the turn of the 1980—1990s (on the example of the city of Tolyatti)

Olga A. Bezgina

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, bezgina@tltsu.ru

Abstract. The article is devoted to the initial period of the formation of new forms of power at the turn of the 1980—1990s. Based on the assessments of well-known politicians and historians, the author analyzes the evolution of political and social processes in the USSR during the perestroika period. On the example of the activities of the Council of People's Deputies of Togliatti, the specifics of the work of this authority in the transition period are shown.

Keywords: democratic movement, local governments, people's deputies of the USSR, politicization of the country's population, city council of people's deputies

For citation: Bezgina O.A. Formation of new forms of Russian power at the turn of the 1980—1990s (on the example of the city of Tolyatti). *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):169—177. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-169-177.

Формирование новой российской государственности сопровождалось нарастанием напряженности в обществе и усилением сепаратистских

настроений в различных частях огромной страны. С начала объявления перестройки ни у ее инициаторов, ни у большинства граждан СССР не было очевидного варианта развития событий.

Историки и участники тех событий оставили достаточное количество свидетельств о происходивших тогда изменениях в социально-экономической и политической жизни страны. Однако единого понимания того периода историческая мысль пока не выработала. До сих пор можно наблюдать различные и даже прямо противоположные оценки событий перестроенного периода, влияния объективных и субъективных факторов на революционные изменения, происходившие в СССР.

Целью данной статьи является анализ социально-политических процессов на рубеже 1980—1990-х гг., предшествующих распаду СССР, на примере Совета народных депутатов г. Тольятти показать специфику деятельности органов местного самоуправления в переходный период.

Время перестройки связано с нарастающим демократическим движением как в центре, так и в регионах. Спецификой этих процессов является то, что начало им было положено «сверху». По мнению специалиста по истории российской государственности, профессора Р. Г. Пихои, «с 1988 г. ясно определилось стремление Горбачева выйти в своей кадровой политике за номенклатурный круг, провести с этой целью радикальные изменения в системе управления» [1, с. 353]. Вместе с тем история неоднократно доказывала, что только стремления и призывы власти недостаточно для того, чтобы сподвигнуть людей ее поддерживать.

Сам М. С. Горбачев писал об этом времени: «Экономика была нашей главной заботой. Но одновременно мы взялись за изменение нравственно-психологической обстановки в обществе. ...К руководству стали приходить новые люди, которые в последние годы остро чувствовали ситуацию, имели идеи относительно того, что и как надо делать. ...Мы пришли к выводу, что без активизации человеческого фактора, то есть без учета разнообразных интересов людей, трудовых коллективов, общественных организаций, различных социальных групп, без опоры на них, без привлечения их к активному творчеству немисливо решить ни одной задачи, невозможно изменить обстановку в стране» [2, с. 145].

Руководство страны рассчитывало на постепенные процессы дозированной модернизации политической системы. Отсюда риторика тех лет о «социализме с человеческим лицом», о «перестройке — новом лице социализма», а также о возрождении его «ленинских принципов». Позиция власти и непосредственно М. С. Горбачева как руководителя страны того периода оценивается крайне противоречиво. Так, известный российский историк Е. В. Анисимов утверждает, что М. С. Горбачев, решив преобразовать «заскорузлую систему государственной власти», задумал «половинчатую политическую реформу в виде управляемой партией демократии» [3, с. 517]. Прямо противоположная позиция высказана писателем А. Д. Синявским, считавшим, что «такие попытки демократизации системы только и возможны... при бдительном попустительстве мужественных верхов, имеющих смелость и власть вносить „свободу“ дозированными порциями в принудительном порядке» [4, с. 388].

Действительно, одновременно с лозунгами власть пыталась законодательно реформировать систему управления. 1 декабря 1988 г. были приняты два важных закона о высших органах государственной власти и управления: Закон СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР», предусматривающий создание Съезда народных депутатов СССР, и Закон СССР «О выборах народных депутатов СССР». Хотя, по мнению Р. Г. Пихои, «Съезд народных депутатов СССР создавался не в качестве парламента, а как прямое продолжение съездов Советов, существовавших в 1917—1936 гг.» [1, с. 355].

Однако, как только люди осознали возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой, трансформационные процессы стали приобретать лавинообразный, подчас стихийный характер. Выборы народных депутатов СССР стали мощным фактором политизации населения страны. В 1989 г. писатель, ученый, публицист Ф. Бурлацкий писал: «Страна пришла в движение. Гласность и демократия дали возможность каждому человеку заявить обо всем, что наболело. По накалу жизни последние три года насыщеннее иных десятилетий — столько проблем поднято на политических форумах, в трудовых коллективах, в печати, литературе, театре, кино, на телевидении. Общественное мнение становится все более важным фактором развития» [5, с. 386].

Гораздо позднее М. С. Горбачев вспоминал, что воспринимал Съезд народных депутатов СССР как возможность «формирования новой власти»: «Отныне съезды народных депутатов, а не съезды КПСС становились главными политическими форумами, определяющими жизнь страны. Это был крутой поворот, настоящая смена вех, за которой должна была последовать постепенная замена старых институтов власти, да и ее символики» [2, с. 226].

Однако масштаб политизации населения страны трудно было предположить заранее. Современный французский историк Н. Верт написал в начале 1990-х гг.: «Начатое движение становилось все более и более трудно удерживать в первоначально намеченных границах. По мере того, как процессы обновления ускорялись и приобретали размах и глубину, „архитектор перестройки“ превращался в подмастерье, не способного эффективно управлять ходом событий и постоянно вынужденного более или менее ловко лавировать между приверженцами реформ и сторонниками возврата к старому» [6, с. 492].

Так или иначе, но советская система власти начала разрушаться. В марте 1990 г. III Съезд народных депутатов учредил пост президента СССР как главы государства и внес соответствующие изменения в Конституцию. 15 марта 1990 г. за кандидатуру М. С. Горбачева проголосовало 59,2 % состава делегатов съезда. Председателем Верховного Совета СССР был избран А. И. Лукьянов. Весной 1990 г. в большинстве союзных республик прошли выборы в местные органы власти. По мнению тольяттинского историка П. М. Шаронова, «президентская форма правления никак не вписывалась в существующую более 70 лет политическую систему, она вносила заметный дисбаланс в механизм ее функционирования» [7, с. 4].

Другим сильнейшим разрушительным ударом по всей конструкции власти стало решение III Съезда народных депутатов об отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС в обществе, так как компартия с ее безраздельным контролем во всех сферах общественной жизни являлась стержнем советской политической системы. Ученый и общественный деятель, специалист по проблемам реформирования политической системы России М. И. Пискотин сделал вывод, что Горбачев, «начав крупнейшие преобразования ... потерял контроль над ними» [8, с. 233].

Центром нарождающихся демократических преобразований были Москва и Ленинград. Здесь в результате выборов 1989 г. председателями городских советов, а затем и мэрами стали Г. Попов и А. Собчак. В российских регионах накапливались центробежные силы. Конституция СССР в редакции от 14 марта 1990 г. внесла существенные коррективы в организацию работы местных органов власти. Главным звеном системы местного самоуправления в городах были названы местные советы народных депутатов, получившие статус органов территориального общественного самоуправления населения.

Нам представляется интересным рассмотреть процессы становления новых форм местного самоуправления на примере Тольятти — одного из

крупнейшего в СССР промышленных городов. Анализ его деятельности может пролить свет и на общероссийские процессы.

Первые демократические выборы Совета народных депутатов Тольятти проходили в активной конкурентной борьбе. Многие депутаты избирались в три тура. В марте-апреле 1990 г. горсовет Тольятти XXI созыва в целом был сформирован. Окончательно состав горсовета из 200 депутатов определился лишь спустя два месяца после выборов, к маю 1990 г. Председателем городского Совета был избран кандидат философских наук, доцент, в прошлом заведующий кафедрой философии Тольяттинского политехнического института Игорь Германович Антонов.

Из числа вновь избранных депутатов были образованы комиссии по основным направлениям деятельности: комиссия по транспорту и связи, промышленности, земельная, мандатная комиссии и др. Основным рабочим органом Совета являлся президиум, регулярно заседавший и решавший все основные вопросы. К компетенции президиума, помимо решения основных вопросов, относилось и утверждение верхнего кадрового состава исполнительного органа власти города — от начальников отделов до главы города. На заседаниях городского Совета народных депутатов проходило согласование кандидатур председателя горисполкома и его заместителей. Степень независимости Совета, таким образом, была достаточно велика.

Приоритеты в деятельности Совета расставлялись в соответствии с теми стремительными изменениями, что происходили на тот момент в политической и общественно-экономической жизни страны. В новых социально-экономических условиях на первый план выходили вопросы социальной поддержки населения. Депутаты разрабатывали и принимали программы по социальной защите населения, улучшению социально-экономического положения детей-инвалидов и их семей, утверждали механизм распределения среди незащищенных социальных слоев населения гуманитарной помощи, поступающей из-за рубежа и т. д.

Летом 1990 г. состоялся последний XXVIII съезд КПСС. Председатель Тольяттинского городского совета И. Г. Антонов в качестве делегата принимал участие в его работе и оставил важные свидетельства об этом событии. Заклучая свой рассказ о работе съезда, он написал: «В целом о съезде у меня тогда сложилось тягостное впечатление: с одной стороны, была очевидной потребность в демократизации партии, ее большей открытости и готовности к переменам; с другой стороны, было уже понятно, что М. С. Горбачев, сколько бы его не защищали от нападок консерваторов... реальным лидером уже не является, ибо сам явно не знал, куда „плыть”» [9, с. 174]. События, последовавшие в дальнейшем, только подтвердили это мнение. Вместе с тем процесс изменений был запущен и продолжал набирать обороты, сопровождаясь как потерями, так и приобретениями.

Годы перестройки стали временем, когда активно налаживались разновневные дружественные международные связи. Взаимодействие городов Тольятти и немецкого Вольцбурга в 1991 г. переросло в побратимские отношения. Сначала тольяттинцы встречали у себя мэра Вольцбурга господина Шлиме. Осенью 1991 г. тольяттинская делегация во главе с председателем городского Совета народных депутатов И. Г. Антоновым посетила Вольцбург. Результатом этой поездки стала гуманитарная помощь в виде посылок с продовольствием, одеждой, медикаментами из Германии в Тольятти [10, с. 144]. 17 июня 1992 г. был подписан договор об установлении побратимских отношений между городами Тольятти, Самарская область (Россия) и Флинт, штат Мичиган (США), целью которых было «развитие взаимопонимания и уважения между нашими сообществами, между русским и американским народами». По данному договору города должны «способствовать развитию культурных и экономических связей, взаимным обменам молодежными, торговыми, учебными, спортивными и другими

общественными группами, укреплению связей между учреждениями и общественными организациями в обоих городах» [11].

Революционное желание быстрых перемен выражалось, например, и в таких вопросах, как территориальное и региональное подчинение. Так, в тот период активно обсуждалась идея самостоятельности Автограда, т. е. отделения Автозаводского района Тольятти от двух других его районов: Центрального и Комсомольского. Мотивировалось это тем, что «АВТОВАЗ», приносящий наибольшие прибыли, территориально находится в Автозаводском районе и отделение его от других районов города повысит уровень жизни жителей Автозаводского района [10, с. 146]. Об уровне амбиций Тольятти говорит и тот факт, что одной из тем, которую обсуждал первый состав Совета стала инициатива отделения Тольятти от Куйбышева (Самары) и придания ему статуса областного города.

Это было время, когда вчера еще советские люди резко менялись. Перестройка происходила не только в политике и экономике, она происходила в сознании людей. Впервые за многие десятилетия появилась легальная возможность излагать взгляды, отличавшиеся от официально утвержденных. «Противостояние партаппарату часто оборачивалось мощной поддержкой избирателей» [1, с. 356]. Некоторые депутаты «делали на этом себе имя» — узнаваемость среди избирателей, завоевывали авторитет. Так, проблемы экологии, стоящая в промышленном городе Тольятти достаточно остро, нередко просто эксплуатировалась отдельными депутатами с целью повышения собственной популярности в глазах избирателей. Глава администрации Тольятти в 1990-х гг. Н. Д. Уткин вспоминал: «В городе системно продолжались митинги экологической направленности. Их авторами были одни и те же люди. Ради справедливости надо заметить, в чем-то они были правы. Но все же перестроечной „пены“ в их действиях и организованных ими митингах наблюдалось больше» [10, с. 141].

Такая активность приобретала порой весьма причудливые формы. По свидетельству Н. Д. Уткина, «в те годы среди депутатов выделялись самые отчаянные, поставившие своей задачей добиваться различного рода разоблачений чиновников, ликвидации несуществующих привилегий. Интересно было наблюдать за поведением таких борцов. Эти люди пытались, например, выяснить, где, в каких местах и отдельных кабинетах обедают руководители города». Поэтому депутаты городского законодательного собрания не жалели времени на то, чтобы периодически инспектировать столовую городской администрации, проверяя чем кормят ее работников. Именно так некоторыми депутатами понимались призывы власти «развернуть бескомпромиссную борьбу с нарушениями принципов социалистической справедливости, от кого бы они не исходили» [10, с. 145]. Иногда буквально заглянув в тарелку представителя власти.

Одновременно формировалась новая «демократическая» элита. Не вновь избранные депутаты справлялись с резко изменившимся социальным статусом и возможностями. Так, в те годы «на заседании городского Совета народных депутатов обсуждались и утверждались кандидатуры начальника УВД и начальника ГАИ» [10, с. 143]. Горькая ирония читается в словах главы администрации города Тольятти в 1992—1994 гг. Н. Д. Уткина: «Какие вальяжные походки появились у некоторых народных избранников! Как же! Они вершили судьбы города, от них зависели решения многих важных вопросов жизнедеятельности Тольятти» [10, с. 143]. Вместе с тем, несмотря на эти и подобные им перегибы в деятельности депутатов, происходило оформление новой формы взаимодействия между властью и обществом, при которой власть вынуждена была уходить от ставшей привычной номенклатурной замкнутости.

Наиболее остро в тот период встал вопрос нормативно-правового регулирования процессов приватизации. Одной из основных задач тольяттинского

городского Совета стало формирование муниципальной собственности, так как в соответствии с новой редакцией Конституции «экономической основой местного самоуправления является муниципальная собственность».

11 октября 1990 г. в ведение тольяттинского городского Совета народных депутатов перешла вся земля в пределах городской черты с осуществлением всех обязанностей, предусмотренных новым законодательством. 28 ноября 1990 г. было принято решение о передаче гражданам в личную собственность жилищного фонда на территории Тольятти.

Если процедура передачи жилищного фонда в личную собственность населения прошла довольно безболезненно, то обсуждение вопросов, связанных с приватизацией промышленных предприятий, вызвало много споров. Городским Советом была проведена работа по систематизации и утверждению программ приватизации имущества предприятий города в 1992 и 1993 гг. В соответствии с этими программами позднее были разработаны планы приватизации.

Коллектив крупнейшего отечественного предприятия ПО «АВТОВАЗ» поставил вопрос о приватизации одним из первых в стране. По мнению современного историка С. В. Журавлева, «основным побудительным мотивом стремления „АВТОВАЗа“, как и многих других крупных заводов, к приватизации стало ясное представление о неспособности правительства к кардинальному реформированию экономики и снижению уровня жизни населения» [12, с. 93]. Правда, «ясное представление» не делало саму процедуру приватизации более прозрачной. Поэтому на фоне дискуссий по возможным формам приватизации «АВТОВАЗа» 31 августа — 4 сентября 1990 г. Тольятти стал площадкой для проведения Всесоюзного совещания представителей советов трудовых коллективов более 60 крупнейших предприятий страны. Однако понадобилось еще два года, чтобы факт приватизации состоялся.

В 1992 г. были приватизированы такие крупные предприятия Тольятти, как ТСУ «Теплоизоляция», ТóТЭЦ, АО «Фосфор», ПО «Волгоцеммаш», СВПО «Трансформатор». 16 июля 1992 г. прошла процедура приватизации Волжского автомобильного завода. В постановлении конференции трудового коллектива крупнейшего предприятия страны говорилось: «Рассмотрев вопросы приватизации ПО „АВТОВАЗ“, основываясь на постановлении VI Съезда народных депутатов Российской Федерации, законах Российской Федерации, указах президента Российской Федерации, руководствуясь интересами трудового коллектива и предприятия, конференция трудового коллектива постановляет: 1. Принять к сведению информацию по приватизации ВАЗа, изложенную в докладе председателя комиссии ВАЗа по собственности и приватизации...» [13, с. 169]. Председатель совета директоров ОАО «АВТОВАЗ» В. В. Каданников так вспоминал это время: «Экономика и политика оказались оторванными друг от друга. В условиях политической и экономической дестабилизации „АВТОВАЗ“ вынужден был в условиях открывшегося рынка самостоятельно разрабатывать модель управления и развития, которая помогла бы ему выжить» [14, с. 32].

Переломным моментом политического развития страны стали события августа 1991 г., когда в Москве была предпринята попытка государственного переворота. Для тольяттинского городского Совета народных депутатов, как и для всей страны, это событие стало временем непростого выбора. Председатель Совета народных депутатов Тольятти И. Г. Антонов оставил хронологию тех событий. Этот документ, написанный по горячим следам, передает и позиции разных людей, и остроту переживаемых ими эмоций. 19 августа 1991 г. президиум тольяттинского городского Совета народных депутатов принял решение: «подчиняться только законам СССР и РСФСР, законно избранным органам власти, президентам СССР Горбачеву и РСФСР Ельцину, никому своих функций как органа местной власти не

передать» [9, с. 177]. Несколькими годами позже, вспоминая это событие, И. Г. Антонов выделил главный итог действий местной власти в тот период: «...не ввергли город в хаос, заняв ясную позицию, но еще более важно... не допустили массовой травли инакомыслящих» [9, с. 190].

Неудавшийся путч стал толчком для начала процесса распада СССР. 24 августа 1991 г. М. С. Горбачев заявил о сложении с себя полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС. Фактически партия переставала быть правящей. Все это потребовало реформирования системы управления, в том числе и местного самоуправления.

С 1992 г. городской исполнительный комитет Совета народных депутатов города Тольятти — горисполком стал называться администрацией города Тольятти. Это преобразование очевидно отражало тенденцию на усиление личной власти и ответственности руководителя: «Самым существенным образом изменился смысл всей работы этого властного органа. Если раньше за все отвечал исполком как коллективный орган, то теперь ответ держал лично глава администрации» [10, с. 142]. Председатель горисполкома стал главой администрации и так далее по всем должностям. Одновременно прошла аттестация всех работников аппарата горисполкома, ставших уже работниками администрации.

К концу 1991 г. во всей стране (и Тольятти здесь не был исключением) начались проблемы с кворумом на заседаниях представительных органов. «Практика больших, многочисленных по составу и неуправляемых Советов народных депутатов дала свои неудачные результаты. Один из них — трудности в обеспечении кворума. Выход из положения был найден в организации малых Советов» [10, с. 148]. Верховным Советом Российской Федерации было принято решение об образовании на территории страны малых Советов.

В Тольятти малый Совет был сформирован в ноябре 1991 г. в составе 22 человек. С его образованием прекратил свое существование президиум Совета. С тех пор все основные решения принимал малый Совет, тольяттинский городской Совет в полном составе собирался раз в год исключительно по вопросам утверждения бюджета. Тольяттинский городской совет, заседаая, как правило, раз в квартал, участвовал в принятии наиболее значимых решений.

Таким образом, за период с 17 мая 1990 г. по 18 октября 1993 г. решениями Тольяттинского городского Совета были образованы: фонд имущества государственной (коммунальной) собственности г. Тольятти; валютный фонд г. Тольятти; городской акционерный коммерческий банк социального развития по г. Тольятти с правами соучредителя на базе ликвидированных отделений государственного специализированного банка — Промстройбанка; центр ортопедической помощи детям г. Тольятти; самостоятельная газета городского Совета народных депутатов, позже получившая название «Площадь Свободы» и др. [15]

Позднее И. Г. Антонов писал: «За два с лишним года, что я был председателем горсовета, было сделано немало. Были и успехи, были и ошибки. Приходилось решать сложные, порой совершенно новые задачи. На это время пришлось введение талонов на продовольствие, павловская денежная реформа, забастовка троллейбусников, борьба с Самарой за городскую собственность, ГКЧП, работа над уставом города, выработка процедур и правил „игры“ в законодательной деятельности, приватизация, создание своей, не горкомовской газеты, реальная борьба за право решать городские проблемы не по указанию КПСС, отстаивание новых отношений с горисполкомом — который подчинялся теперь не ГК КПСС... а во многом контролировался горсоветом» [9, с. 165]. За перечислением задач, которые приходилось решать тольяттинскому горсовету, стоят стремительно проис-

ходившие изменения переходного периода, которые затрагивали страну в целом и каждого гражданина в отдельности.

Конституцией Российской Федерации, принятой на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., Верховный совет России, как и Съезд народных депутатов, были упразднены. Органами законодательной власти Российской Федерации стали Государственная Дума и Совет Федерации. На основании Указа Президента Российской Федерации «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» от 9 октября 1993 г., Указа Президента Российской Федерации «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» от 26 октября 1993 г. Советы народных депутатов всех уровней были ликвидированы. Малый Совет тольяттинского городского Совета прекратил свое существование к ноябрю 1994 г.

27 марта 1994 г. были проведены выборы в представительные органы местного самоуправления Тольятти, 5 июня 1994 г. — выборы главы местного самоуправления и повторные выборы депутатов городской Думы I созыва. Наступал новый — «думский» период в системе местного самоуправления. Основой для создания и последующей деятельности тольяттинской городской Думы стали решения тольяттинского городского Совета.

Список литературы

1. История государственного управления в России : учеб. / под. ред. Р. Г. Пихои. М. : Изд-во РАГС, 2002. 384 с.
2. Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М. : АСТ, 2017. 416 с.
3. Анисимов Е. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. СПб. : Питер, 2021. 592 с.
4. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М. : Аграф, 2001. 464 с.
5. Бурлацкий Ф. Новое мышление. М., 1989. 434 с.
6. Верт Н. История Советского государства. 1900—1991 : пер. с фр. М. : ИНФРА-М ; Весь Мир, 2001. 544 с.
7. Шаронов П. М. Посткоммунистическая Россия (1900—1998 гг.) : учеб. пособие. Тольятти : ТолПИ, 2000. 159 с.
8. Пискотин М. И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М. : Юрист, 2004. 432 с.
9. Антонов И. Г. Я — не лирический герой. Тольятти : МНХ, 2008. 512 с.
10. Захаров В., Уткин Н. Там, где нужен... Тольятти, 2017. 628 с.
11. Администрация городского округа Тольятти : офиц. портал. URL: <https://tgl.ru/sworn-brothers/city/2/> (дата обращения: 26.02.2023).
12. Журавлев С. В. АВТОВАЗ на перепутье: кризис советской системы и переход к рыночным отношениям // История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки проблемы современность : материалы II Всерос. науч. конф. / отв. ред. Р. Г. Пихоя. Тольятти : АВТОВАЗ, 2005. С. 87—106.
13. Ставрополь — Тольятти в истории Самарского края : хрестоматия. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2022. 190 с.
14. Каданников В. В. Значение исторической науки для анализа путей развития ОАО «АВТОВАЗ» и отечественной автомобильной промышленности // История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки проблемы современность : материалы II Всерос. науч. конф. / отв. ред. Р. Г. Пихоя. Тольятти : АВТОВАЗ, 2005. С. 29—36.
15. Дума городского округа Тольятти : офиц. сайт. URL: https://dumatlt.ru/about/o_dume/index.php (дата обращения: 23.12.2022).

References

1. Pikhoi R.G. (ed.). Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [History of government in Russia], ucheb. Moscow, Publ. RAGS, 2002, 384 p.
2. Gorbachev M.S. Ostayus' optimistom [I remain optimistic]. Moscow, AST, 2017, 416 p.
3. Anisimov E. Istoriya Rossii ot Ryurika do Putina. Lyudi. Sobytiya. Daty [History of Russia from Rurik to Putin. People. Events. Dates]. Saint-Petersburg, Piter, 2021, 592 p.
4. Sinyavskii A.D. Osnovy sovetskoi tsivilizatsii [The Basics of Soviet Civilization]. Moscow, Agraf, 2001, 464 p.
5. Burlatskii F. Novoe myshlenie [New Thinking]. Moscow, 1989, 434 p.

6. Vert N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900—1991* [History of the Soviet State. 1900—1991]. Moscow, INFRA-M, Ves' Mir, 2001, 544 p.
7. Sharonov P.M. *Postkommunisticheskaya Rossiya (1900—1998 gg.)* [Post-Communist Russia (1900—1998)], ucheb. posobie. Tol'yatti, TolPI, 2000, 159 p.
8. Piskotin M.I. *Rossiya v XX veke: neokonchennaya tragediya* [Russia in the twentieth century: an unfinished tragedy]. Moscow, Yurist, 2004, 432 p.
9. Antonov I.G. *Ya — ne liricheskii geroi* [I am not a lyrical hero]. Tol'yatti, MNKh, 2008, 512 p.
10. Zakharov V., Utkin N. *Tam, gde nuzhen...* [Where you need...]. Tol'yatti, 2017, 628 p.
11. *Administratsiya gorodskogo okruga Tol'yatti, ofits. Portal* [Administration of Togliatti city district : official portal]. Available at: <https://tgl.ru/sworn-brothers/city/2/> (accessed: 26.02.2023).
12. Zhuravlev S.V. *AVTOVAZ na pereput'e: krizis sovetsoi sistemy i perekhod k rynochnym otnosheniyam* [AVTOVAZ at a crossroads: the crisis of the Soviet system and the transition to market relations], *Pikhoya R.G. (ed.) Istoriya OAO «AVTOVAZ»: uroki problemy sovremennost'* [History of AVTOVAZ: lessons of the problem today], materialy II Vseros. nauch. konf. Tol'yatti, AVTOVAZ, 2005, pp. 87—106.
13. *Stavropol' — Tol'yatti v istorii Samarskogo kraia* [Stavropol – Togliatti in the history of the Samara region], khrestomatiya. Tol'yatti, Publ. TGU, 2022, 190 p.
14. Kadannikov V.V. *Znachenie istoricheskoi nauki dlya analiza putei razvitiya OAO «AVTOVAZ» i otechestvennoi avtomobil'noi promyshlennosti* [The importance of historical science for analyzing the development of AVTOVAZ and the domestic automotive industry], *Pikhoya R.G. (ed.) Istoriya OAO «AVTOVAZ»: uroki problemy sovremennost'* [History of AVTOVAZ: lessons of the problem today] : materialy II Vseros. nauch. konf. Tol'yatti, AVTOVAZ, 2005, pp. 29—36.
15. *Duma gorodskogo okruga Tol'yatti, ofits. Sait* [Duma of the city district of Togliatti : official site]. Available at: https://dumatlt.ru/about/o_dume/index.php (accessed: 23.12.2022).

Информация об авторах

Безгина Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Российская Федерация. E-mail: bezgina@tltsu.ru

Information about the authors

Olga A. Bezgina — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation. E-mail: bezgina@tltsu.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.

ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

THE PRACTICE OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY

Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 178—182.
Siberia Humanitarian. 2023;(2):178—182.

Практика сохранения исторической памяти

Информационная статья
УДК 323.15(571.1)(=112.2):930.25
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-178-182

Сохранение исторической памяти о репрессированных советских немцах, депортированных в Новосибирскую область в годы Великой Отечественной войны

Евгения Александровна Скоп

Независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация, skop.e.82@mail.ru

Аннотация. В статье представлен практический опыт по сохранению исторической памяти о советских немцах, депортированных в Новосибирскую область в годы Великой Отечественной войны. Описывается алгоритм подготовки, сбора и обобщения документальных сведений для создания Книги Памяти указанных лиц. Рассматриваются формы сохранения памяти посредством ознакомления с экспедиционными материалами и работы с молодежью в школьном музее.

Ключевые слова: историческая память, депортация, немцы-трудармейцы, Новосибирская область, Воркута—2022, Немецкое молодежное объединение, семейный архив

Для цитирования: Скоп Е. А. Сохранение исторической памяти о репрессированных советских немцах, депортированных в Новосибирскую область в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 178—182. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-178-182.

The practice of preserving historical memory

Information article

Preservation of the historical memory of the repressed Soviet Germans deported to the Novosibirsk region during the Great Patriotic War

Evgenia A. Skop

Independent Researcher, Novosibirsk, Russian Federation, skop.e.82@mail.ru

Abstract. The article presents practical experience in preserving the historical memory of the Soviet Germans deported to the Novosibirsk region during the Great Patriotic War. The algorithm of preparation, collection and generalization of documentary information

for the creation of the Book of Memory of the indicated persons is described. Forms of memory preservation through familiarization with expedition materials and work with youth in the school museum are considered.

Keywords: historical memory, deportation, German Labor Army members, Novosibirsk region, Vorkuta—2022, German Youth Association, family archive

For citation: Skop E.A. Preservation of the historical memory of the repressed Soviet Germans deported to the Novosibirsk region during the Great Patriotic War. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):178—182. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-178-182.

Сохранение исторической памяти о событиях и судьбах людей определенного периода и толкование прошлого при помощи документальных свидетельств являются очевидной необходимостью.

История миграции немцев-колонистов разнообразна и позволяет проследить судьбу конкретных людей, установить причинно-следственные связи их перемещения от одного места жительства к другому с учетом географических особенностей местности и семейных, религиозных связей.

После распада СССР у исследователей разных областей знаний возрос интерес к изучению тем, связанных с жизнью советских, а впоследствии российских немцев. Это вопросы языка, быта, культуры, литературы, вероисповедания, жизни в различные исторические периоды на просторах Российской империи и Советского Союза.

Не иссякает интерес и к вопросам депортации этнических немцев, ставшей переломным моментом в жизни отдельных людей, семей и целого народа. Немало исследователей данной темы являются выходцами из немецких родов, по личному опыту знающими о многих событиях того времени.

С неподдельным интересом к истории своего народа автор на протяжении нескольких лет исследует тему депортации «лиц немецкой национальности» в Новосибирскую область по трудам многих известных ученых, историков, краеведов. Большой объем информации удастся найти в различных архивах Новосибирска и Новосибирской области, семейных архивах депортированных немцев и их потомков, получить подлинные свидетельства из уст непосредственных участников тех событий, а также из личных дел спецпоселенцев [1, с. 178—188].

Приоритетная задача, которую ставит перед собой автор, — сохранение исторической памяти о судьбе немецкого этноса Новосибирска. Период репрессий, трудармии и послевоенной реабилитации является неотъемлемой частью истории Новосибирска и жизни многих «сибиряков поневоле».

По мнению профессора А. А. Германа, историческая память — сложный феномен общественного, и в частности этнического, сознания. В исторической памяти много пластов, формирующихся разными путями. С одной стороны, она принадлежит области массовой социальной психологии, причем во многом стихийной; с другой — идеологической сфере, а значит, как правило, может быть предметом особой заботы государства, общества, конкретных политических, религиозных и других сил. Историческая память, утверждает А. А. Герман, является ценностной опорой национально-го самосознания, его основой, источником самооценки народа, его самоуважения, а во многом — ценностей и идеалов, определяющих силу этноса, его способность к развитию и преодолению трудностей, способность выдерживать исторические испытания. Особенности исторической памяти в полной мере проявились в жизни и социальном поведении российских немцев в XX в., и обусловлено это было крутыми поворотами и ломками в их судьбе, связанными с политикой коммунистической власти [2, с. 63—64].

Сталинизм — горький и трагический опыт целого поколения российских граждан XX столетия. Для советского государства и общества он означал, подчеркивает С. А. Папков, растянувшееся почти на три десятилетия си-

стематическое разрушение основ частной жизни людей, беспрецедентный гнет, насилие, подавление гражданских прав и личных свобод [3, с. 388].

В 2021 г. исходя из опыта соседних регионов активная группа молодых российских немцев Ленинского района Новосибирска, понимая важность сохранения исторической памяти о своих предках и передачи имеющихся знаний своим потомкам, обратились с инициативой создания Книги Памяти депортированных российских немцев Новосибирской области к общественной организации «Союз репрессированных по политическим мотивам» (отделение Новосибирской городской общественной организации реабилитированных граждан (НГООРГ) «Колокол»), которая действует в Ленинском районе уже более 25 лет. Инициативу поддержали руководители «Союза репрессированных...» и НГООРГ «Колокол», в правоохранительные органы был направлен соответствующий запрос, на который получен положительный ответ, а также некоторые архивные данные о немцах-спецпоселенцах из фондов.

В настоящее время силами волонтеров и энтузиастов ведется нескоря работа по обработке имеющегося материала. Получено предварительное согласие доктора исторических наук, профессора Сергея Андреевича Папкова на оказание помощи в подготовке к публикации Книги Памяти (или возможной серии книг)¹.

Для формирования издания с целью увековечивания имен депортированных осуществляется поиск любой информации о советских немцах, насильственно перемещенных в Новосибирскую область: воспоминаний трудармейцев и их потомков, документов, фотоматериалов, хранящихся в семейных архивах, архивных учреждениях Новосибирской области, библиотечных фондах, зарубежных и отечественных публикаций, печатных материалов. В настоящее время собранный материал находится на стадии обработки.

Не оставляет сомнений, что издание указанных материалов позволит родным, близким и всем заинтересованным лицам облегчить поиск, получить сведения о своих родных и познакомиться с некоторыми неизвестными фактами из истории Новосибирска.

В январе 2022 г. исполнилось 80 лет со дня начала мобилизации немцев в трудовые колонны. К этой скорбной дате Немецкое молодежное объединение России совместно с Музеем истории ГУЛАГа (Москва) организовали экспедицию в Воркуту, подготовка к которой продлилась не один месяц. Автор статьи, также участник данной экспедиции, прошел дорогами предков, посетив угольную шахту № 4 «ВоркутаУголь», где отбывал трудовую повинность Соломон Роот (прадедущка автора), поселок угольной шахты № 4, в котором проживали Амалия Фридриховна Роот (прабабушка) и Адольф Роот (дедущка). Эта экспедиция дала возможность не только пройти тропами семейной истории, узнать о влиянии немцев-спецпереселенцев на архитектуру, культуру, развитие Воркуты, но и побывать на местах захоронений немцев-трудармейцев, пообщаться с их потомками и найти уникальный исследовательский материал. Одним из самых важных моментов экспедиции стало участие в социальной акции по благоустройству Мемориала советским немцам-трудармейцам в Воркуте, установленного в 2012 г. на месте, где ранее располагалась спецкомендатура. Материалы экспедиции «Воркута—2022» после их обработки будут переданы в коллекцию музея памяти жертв политических репрессий средней общеобразовательной школы (СОШ) № 94.

Музей памяти жертв политических репрессий действует в Новосибирске с 2004 г. Одним из его учредителей является «Союз репрессированных...»,

¹ С. А. Папков является составителем и ответственным редактором многих томов Книг Памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области, издающихся в Новосибирске с 2005 г. [4]

который осуществляет его патронаж, совместно с другими организациями и неравнодушными людьми оказывает помощь в формировании музейного фонда, пополнении его новыми экспонатами. Ученики СОШ № 94 при содействии руководителя музея С. С. Седюко разрабатывают и проводят авторские экскурсии для своих сверстников из других учебных заведений Новосибирска и горожан старшего поколения. Ведется работа по реставрации музейных экспонатов, по материалам, предоставленным родственниками, исследуются судьбы депортированных горожан, в том числе российских немцев. Совместно с членами «Союза репрессированных...» ребята проводят встречи поколений, уроки Памяти, готовят материалы для участия в конференциях, семинарах и круглых столах, берут интервью у репрессированных граждан, работают над созданием буклета с историями депортированных, снимают видеоролики и проводят другую работу по сохранению исторической памяти.

В музее накопился достаточный материал для самостоятельного выставочного проекта о судьбах российских немцев, отражающий все этапы их появления в Новосибирской области. Также проводится большая работа по обновлению экспозиций, выставочного, светового оборудования и созданию современной инсталляции для сменных выставок. Разработки руководителя музея помогают ребятам и поддерживают их стремление к изучению жизни людей с непростой судьбой.

Материалы экспедиции «Воркута—2022», воспоминания немцев-трудармейцев Новосибирской области, а также работа по сохранению исторической памяти в школьном музее освещаются на региональных и международных конференциях, семинарах, в различных изданиях¹. Все это способствует сохранению исторической памяти и обмену опытом, воодушевляет на исследовательскую деятельность.

Список источников

1. Скоп Е. А. Повседневная жизнь одной семьи «бакинских» немцев в годы депортации (по воспоминаниям, архивным и экспедиционным материалам) // История повседневности. 2022. № 3 (23). С. 178—188.
2. Герман А. А. Историческая память российских немцев как фактор самоидентификации // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 29—30 окт. 2007 г.) М. : МСНК-пресс, 2008. С. 63—64.
3. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 440 с.
4. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / Администрация Новосибирской области; Новосибирское обл. ист.-просв., правозащ. и благотв. общество «Мемориал», отв. ред. С. А. Папков. Новосибирск : Сова, 2005. 434 с.

References

1. Skop E.A. Povsednevnyaya zhizn' odnoi sem'i "bakinskikh" nemtsev v gody deportatsii (po vospominaniyam, arkhivnym i ekspeditsionnym materialam) [The daily life of a "Baku" German family during the deportation (from memories, archival and expeditionary material)], *Istoriya povsednevnosti* [A history of everyday life], 2022, no. 3 (23), pp. 178—188.
2. German A.A. Istoricheskaya pamyat' rossiiskikh nemtsev kak faktor samoidentifikatsii [Historical memory of Russian Germans as a factor of self-identification], *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Moskva, 29—30 okt. 2007 g.) "Nemtsy Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy samoorganizatsii" [The Germans of Russia: Historical experience and contemporary problems of self-organisation], Moscow, MSNK-press, 2008, pp. 63—64.

¹ См., например: Культурно-исторический семинар «Культурное наследие российских немцев», Всероссийская научная конференция «Память: исследования, проекты, маршруты», Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Немцы России: история, этнография, культура и язык» (Барнаул, 2 нояб. 2022 г.).

3. Papkov S.A. Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, 440 p.
4. Papkov S.A. (ed.) Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii v Novosibirskoi oblasti [Book of Remembrance of Victims of Political Repression in the Novosibirsk Region]. Novosibirsk, Sova, 2005, 434 p.

Информация об авторе

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, помощник руководителя ОО «Союз репрессированных граждан по политическим мотивам», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Information about the author

Evgenia A. Skop — independent researcher, assistant to the head of the NGO “Union of Repressed Citizens for Political Motives”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALITIES

Владимир Павлович Мотревич

Фамилия Мотревич хорошо знакома специалистам по истории советского периода. Интерес к научным изысканиям проявился у Владимира Павловича Мотревича уже в студенческие годы. В 1970 г. В. П. Мотревич поступил на исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (УрГУ). Все годы обучения в университете специализировался по кафедре истории Древнего мира и Средних веков, которой в то время руководил Михаил Яковлевич Сюзюмов, во время летних каникул работал в Крымской археологической экспедиции, музейную и преддипломную практики проходил в музеях и библиотеках Ленинграда.

По окончании университета Владимир Павлович был распределен на работу в среднюю школу. Работая школьным учителем, в 1977 г. стал соискателем в УрГУ, в 1979 г. поступил в аспирантуру на кафедру истории советского общества по специальности «История СССР». Его научным руководителем стал заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор И. Ф. Плотников.

В диссертационной работе В. П. Мотревич исследовал производственную деятельность уральского крестьянства, его материально-бытовое положение в условиях Великой Отечественной войны. Защита работы пришлось на период развитого социализма, поэтому нужна была определенная научная смелость обосновать новизну своего исследования тем, что большинство предыдущих работ по аграрной проблематике были написаны в историко-партийном плане, что обусловило необходимость расширить источниковую базу исследования. В отличие от историков партии В. П. Мотревич в своем диссертационном исследовании основное внимание уделил изучению материалов областных государственных архивов, в первую очередь фондов статистических управлений, управлений сельского хозяйства, финансов,

заготовок, плановых органов и др. Полученные автором научные результаты свидетельствовали о том, что сложившаяся в аграрном секторе народного хозяйства административно-командная система использовалась в целях внеэкономического и экономического давления на крестьянство, перекачивания материальных и людских ресурсов из деревни в город. Колхозы фактически были превращены в государственные предприятия с принудительным низкооплачиваемым трудом. Характеризуя полученные научные результаты В. П. Мотревича, крупнейший советский и российский историк-аграрник И. Е. Зеленин отмечал, что в опубликованных работах тот попытался переосмыслить многие концептуальные постулаты советской историографии. По его мнению, автору впервые в отечественной историографии удалось показать цену Победы для сельских тружеников тыловых районов.

Еще во время обучения в аспирантуре В. П. Мотревич был приглашен на работу в сектор истории народного хозяйства на должность младшего научного сотрудника отдела истории Института экономики Уральского отделения АН СССР, которым с момента создания и до образования на его основе Института истории и археологии Уральского отделения РАН руководил заслуженный деятель науки РСФСР, профессор А. В. Бакунин. Работа в академическом институте экономического направления придала его исследованиям историко-экономический характер.

Работая в секторе истории народного хозяйства, а затем в секторе истории крестьянства и сельского хозяйства младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником (с 1986 г.), заведующим сектором (с 1990 г.), Владимир Павлович участвовал в формировании и редактировании тематических сборников научных трудов, препринтов и коллективных монографий, проведении научных конференций. В качестве ученого секретаря оргкомитета организовал проведение ряда научных конференций, в том числе XXIII сессии последнего Всесоюзного аграрного симпозиума (Свердловск, сентябрь 1991 г.). Одновременно с работой в системе Академии наук преподавал различные дисциплины в свердловских вузах. В 1984—1987 гг. читал курс истории народного хозяйства в Свердловском институте народного хозяйства, где был избран доцентом кафедры истории советского права и экономической истории. В 1988—1991 гг. вел спецкурсы «Исторический опыт аграрного освоения Урала» и «Материально-бытовое

положение населения Урала» для студентов исторического факультета УрГУ, специализирующихся по кафедре истории советского общества.

В 1991 г. поступил в докторантуру УрГУ, где в 1993 г. по совокупности трудов защитил докторскую диссертацию, посвященную развитию сельского хозяйства на Урале в военные и первые послевоенные годы. Наиболее крупная монографическая работа В. П. Мотревича начала 1990-х гг. — «Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.)» была посвящена развитию сельского хозяйства на Урале в военные и первые послевоенные годы. Она содержала большой массив сельскохозяйственной статистики (свыше 25 тыс. показателей), которая была получена на основе обработки обширных статистических источников. Многие данные впервые вводились автором в научный оборот. Материалы, полученные

в результате обработки материалов сводных годовых отчетов колхозов, совхозов, МТС, подсобных сельских хозяйств предприятий, организаций и учреждений, бюджетов колхозников, позволили всесторонне охарактеризовать сельское хозяйство на Урале того периода. Рецензенты, например И. Е. Зеленин, отмечали научное и практическое значение вышедшей работы, ее роль в стимулировании подлинно научной разработки проблем аграрной истории России.

Работая над темой докторской диссертации, В. П. Мотревич серьезно заинтересовался демографическими процессами в советской стране. Этот интерес привел к появлению целого ряда серьезных научных работ. Он был одним из первых исследователей в стране, получившим доступ к документам всесоюзных переписей населения СССР 1937 и 1939 гг., часть из них он впервые ввел в научный оборот в своих статьях. Настоящим научным подвигом стала публикация В. П. Мотревичем работы «Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион».

Научная деятельность В. П. Мотревича после защиты докторской диссертации многогранна. Новые темы привлекают его внимание: недовольство крестьян своим положением в годы Великой Отечественной войны и формы их сопротивления сталинскому режиму, численность и состав сельских кадров, проблема голода в Уральском регионе в годы войны и первые послевоенные годы. На основе полученных результатов В. П. Мотревичу впервые в историографии удалось определить вклад сельского хозяйства союзных республик, отдельных регионов, республик и областей СССР в Победу в Великой Отечественной войне.

Итоги исследования аграрной проблематики подведены В. П. Мотревичем в монографии «Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны», изданной к юбилею автора. Автор сконцентрировал основное внимание на исследовании состояния материально-технической базы отрасли, решении проблемы квалифицированных кадров, управлении сельским хозяйством, организации и оплате сельского труда в условиях военного времени, состоянии земледелия и животноводства. Хотя книга посвящена сельскому хозяйству на Урале в 1941—1945 гг., в ней зафиксирована концепция автора по аграрной проблематике в целом. В результате своего исследования автор приходит к выводу, что реализация сталинского варианта модернизации привела к тому, что в стране была создана мобилизационная модель функционирования сельского хозяйства, которая оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны. В. П. Мотревич подчеркивает, что во время войны сверхцентрализм и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов, концентрации усилий и в конечном счете стали одними из главных факторов Победы. Однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий и огромных жертв крестьянства. Научная общественность (Т. С. Волкова, О. В. Ярома, В. В. Запарий, В. Н. Мамяченков, Н. П. Палецких, В. Л. Телицын, Р. Р. Хисамутдинова) незамедлительно откликнулась на выход монографии серией положительных рецензий.

Работа с архивными материалами позволила В. П. Мотревичу ликвидировать некоторые белые пятна периода Великой Отечественной войны: раскрыть малоизвестные факты освоения авиационной трассы Аляска — Сибирь — фронт, удалось пролить свет на деятельность германской разведки на Урале, в частности на обстоятельства провалившейся операции «Ульм» против танковой промышленности СССР. Привлекла внимание В. П. Мотревича деятельность региональных органов НКВД — МГБ по выявлению на Среднем Урале лиц, сотрудничавших в годы войны с оккупантами. Ему удалось ввести в научный оборот документы о деятельности нелегальных организаций в годы Великой Отечественной войны, о распространении антисоветских листовок, о преследовании различных религиоз-

ных сект на Урале. Вопросы, связанные с пребыванием на территории СССР военнопленных, рассмотрены В. П. Мотревичем в большом количестве научных статей, его интересовали дислокация лагерей ГУПВИ НКВД СССР, численность, состав, трудовое использование военнопленных в них, места дислокации иностранных воинских захоронений в Российской Федерации и их современное состояние. В. П. Мотревичу удалось ввести в научный оборот огромный массив разнообразных источников по этой проблеме. Он является автором свыше 470 зафиксированных в РИНЦ научных работ, среди которых пять авторских монографий, еще пять монографий, изданных им в соавторстве. Результаты исследований опубликованы в ряде зарубежных изданий, в том числе в Австрии, Азербайджане, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Израиле, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Украине, Эстонии.

После защиты докторской диссертации В. П. Мотревич остался работать в УрГУ в должности профессора кафедры этнологии и специальных исторических дисциплин и углубленно заниматься исторической демографией; выпустил соответствующее учебное пособие; Уральский госуниверситет стал одним из первых вузов России, в котором был введен разработанный им курс исторической демографии. Для студентов исторического факультета разработал курс истории экономики, а также различные спецкурсы. Помимо преподавательской работы в Уральском государственном университете с 1992 по 2005 г. преподавал курс экономической истории в Гуманитарном университете, а также одновременно читал курс исторической демографии в Институте повышения квалификации УрГУ. В 2014 г. окончил Уральский институт экономики, управления и права по специальности «Юриспруденция», став магистром права. В рамках участия в реализации международной образовательной программы TEMPUS в 1998 г. прошел стажировку в Университете г. Аугсбурга (Германия). В 1996 г. получил грант Института «Открытое общество» для чтения курса лекций для аспирантов по исторической демографии на Украине, в 1997 г. его исследовательский проект «Миграция еврейского населения на Урал в период тоталитаризма» стал победителем Всероссийского конкурса грантов по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук.

В январе 2003 г. В. П. Мотревич перешел на работу в Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), где стал читать курс истории государства и права России. Одновременно в 2004—2012 гг. преподавал на юридическом факультете Озёрского филиала Южно-Уральского государственного университета. В 2006—2016 гг. также являлся заведующим кафедрой истории Уральского государственного аграрного университета. В настоящее время работает профессором кафедры истории государства и права УрГЮУ и по совместительству является профессором кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. В качестве независимого эксперта участвовал в работе комиссий Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

В. П. Мотревич — автор и соавтор 36 учебников, учебных пособий и хрестоматий для средней и высшей школы по семи учебным дисциплинам, в том числе автор восьми учебных пособий для высшей школы по исторической демографии, аграрной и экономической истории России, которые неоднократно переиздавались. Он соавтор ряда учебников и учебных пособий по истории России и Урала для высшей и средней школ. В соавторстве им подготовлены учебные пособия по истории государства и права России. В. П. Мотревич входит в состав авторского коллектива учебника по истории государства и права России под редакцией В. Е. Рубаника, опубликованного в 2012 г. и выдержавшего к настоящему времени десять изданий. Много времени уделяет работе со студентами, по их опросам признавался лучшим преподавателем Института прокуратуры и Института юстиции

УрГЮУ. Только за 2018—2022 гг. подготовленные им студенты Института прокуратуры УрГЮУ удостоены 25 дипломов за высокие результаты на международных и всероссийских научных конференциях и опубликовали свыше 80 научных работ.

В 1994—2018 гг. был членом Совета по защите докторских диссертаций при Уральском федеральном университете по специальности «Отечественная история». В 2011—2016 гг. также являлся членом диссертационного совета при Уральском государственном аграрном университете по специальности «Экономика и управление народным хозяйством». Подготовил десять кандидатов и одного доктора исторических наук. Участвовал в работе 270 научных конференций, в том числе международных.

Владимир Павлович является членом редколлегии ряда научных изданий, в том числе входящих в список научных журналов ВАК «История и современное мировоззрение», «Российский юридический журнал», а также областной многотомной «Книги Памяти» и др. Входит в состав Свердловской областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, был членом рабочей группы Правительства Свердловской области по выявлению мест захоронений репрессированных советских граждан и военнопленных Второй мировой войны, участвовал в подготовке ряда нормативных документов по данной проблеме как в Свердловской области, так и в других субъектах Российской Федерации.

В 1991—1993 гг. осуществлял реализацию Соглашения о культурном сотрудничестве между Эстонией и Свердловской областью в части выявления архивных материалов и составления списков погибших на Среднем Урале репрессированных граждан Эстонии, в том числе ее высших государственных деятелей. На основе обнаруженных архивных материалов и в результате обследования территории Урала выявил ряд захоронений военнопленных Первой мировой войны. В настоящее время на некоторых из них иностранными государствами установлены памятные знаки. С начала 1990-х гг. занимается выполнением международных соглашений Российской Федерации с рядом иностранных государств (Венгрия, Германия, Италия, Румыния, Финляндия, Япония) в части выявления, благоустройства и обеспечения ухода за иностранными воинскими захоронениями на территории Западно-Сибирского и Уральского регионов. Параллельно с работой в Уральском госуниверситете в 1993—2000 гг. являлся представителем ассоциации «Военные мемориалы» Министерства обороны Российской Федерации в Уральском регионе. На основании выявленных им архивных материалов во время проведения поисковых работ обнаружил на территории Кировской, Курганской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Башкирской и Удмуртской АССР свыше 200 неизвестных иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны. Ученый предпринял меры по обеспечению их сохранности, провел необходимые согласования и осуществлял руководство благоустроительными работами. Неоднократно возглавлял экспедиции и лично участвовал в эксгумации останков иностранных военнопленных Второй мировой войны.

В 1995—1996 гг. производил эксгумации на иностранных воинских кладбищах в Нижнем Тагиле и Первоуральске Свердловской области, в 1997 г. руководил работами по перезахоронению останков японских военнопленных в Медногорске Оренбургской области, в 1998—1999 гг. — венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области. В последующие годы по поручению ассоциации «Военные мемориалы» осуществлял выявление, благоустройство захоронений, обеспечение их сохранности и ухода за ними, оказывал консультативную помощь родственникам умерших на Урале иностранных граждан и др. Во исполнение международных обязательств России с 2000 по 2022 г. обеспечивал уход за благоустроен-

ными иностранными воинскими захоронениями и памятными знаками (венгерскими, германскими, итальянскими, румынскими, финскими, чешскими, японскими) периода Первой и Второй мировой и Гражданской войн на территории Башкирии, Курганской, Свердловской и Челябинской областей. Неоднократно по приглашению участвовал в зарубежных мероприятиях, посвященных окончанию Второй мировой войны, выступал с докладами о состоянии иностранных воинских захоронений в Российской Федерации.

Награжден почетными грамотами Министерства образования Российской Федерации (2006), губернатора Свердловской области (2002), правительства Свердловской области (2000), Законодательного собрания Свердловской области (2014), прокурора Свердловской области (2011), Департамента по делам молодежи Свердловской области (2006), Екатеринбургской городской Думы (2010), администрации г. Североуральска (2000), Уральского государственного юридического университета (2015—2021) и др. В 1999 г. Министерством культуры Финляндии В. П. Мотревичу вручена медаль Топелиуса Цакариаса, в 2002 г. австрийский «Черный крест» наградил его Большим почетным знаком, в 2009 г. удостоен Золотой медали Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями, в 2013 г. Указом Президента Венгрии награжден Золотым крестом.

*Н. М. Маркдорф — доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры международных отношений
и гуманитарного сотрудничества
СИУ — филиала РАНХиГС*

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Безгина Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Российская Федерация. E-mail: bezgina@tltsu.ru

Герман Аркадий Адольфович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, Саратов, Российская Федерация. E-mail: a.a.german@mail.ru

Гнидо Сергей Владимирович — аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, Саратов, Российская Федерация. E-mail: gsv.1996@yandex.ru

Гурунян Татьяна Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: gurunyan-tv@ranepa.ru

Дорошенко Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: doctata@mail.ru

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Центральный музей Тавриды, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: slavik1855@gmail.com

Кириллов Виктор Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Российская Федерация. E-mail: history_vmk@mail.ru

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, директор научно-образовательного центра «Историко-политические и социокультурные процессы глобального и регионального развития», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Петренко Максим Степанович — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Плужников Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры истории, культуры и социального развития Московской области. Московский государственный областной педагогический университет, Москва, Российская Федерация. E-mail: dpluzh@gmail.co

Рогачев Иван Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация. E-mail: i.rogachev@narfu.ru

Рогачевская Майя Антоновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: rogachevskaya-ma@ranepa.ru

Росси Марина — доктор истории, преподаватель, Университет Триеста, Триест, Фриули — Венеция — Джулия, Италия. E-mail: marin.rossi@tiscalinet.it

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, помощник руководителя ОО «Союз репрессированных граждан по политическим мотивам», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skop.e82@mail.ru

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. msorokina61@gmail.com

Устинова Софья Денисовна — магистрант, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ustanova-sd@ranepa.ru

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация. E-mail: novistor@mail.ru

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Dina A. Amanzholova — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Olga A. Bezgina — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation. E-mail: bezgina@tltu.ru

Arkadiy A. German — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Historiography, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Institute of History and International Relations, Saratov, Russian Federation. E-mail: a.a.german@mail.ru

Sergey V. Gnido — Postgraduate Student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Institute of History and International Relations, Saratov, Russian Federation. E-mail: gsv.1996@yandex.ru

Tatyana V. Gurunyan — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Investments, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: gurunyan-tv@ranepa.ru

Tatyana I. Doroshenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of History, National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan. E-mail: doctata@mail.ru

Vyacheslav A. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Central Museum of Taurida, Simferopol, Russian Federation. E-mail: slavik1855@gmail.com

Viktor M. Kirillov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation. E-mail: history_vmk@mail.ru

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Head of the Scientific and Educational Centre “Historical, Political and Socio-Cultural Processes of Global and Regional Development”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Maxim S. Petrenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Dmitry A. Pluzhnikov — Senior Lecturer at the Department of History, Culture and Social Development of the Moscow Region. Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russian Federation. E-mail: dpluzh@gmail.co

Ivan V. Rogachev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Fed-

eral University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation. E-mail: i.rogachev@narfu.ru

Maya A. Rogachevskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and credit, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: rogachevskaya-ma@ranepa.ru

Marina Rossi — Doctor of History, Lecturer, University of Trieste, Trieste, Friuli — Venice — Giulia, Italy. E-mail: marin.rossi@tiscalinet.it

Evgenia A. Skop — independent researcher, assistant to the head of the NGO “Union of Repressed Citizens for Political Motives”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Sofya D. Ustinova — master student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ustinova-sd@ranepa.ru

Boris L. Khavkin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation. E-mail: novistor@mail.ru

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);
— наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png.**
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavet L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.

